

ГБОУ ВПО «БАШКИРСКАЯ АКАДЕМИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
И УПРАВЛЕНИЯ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН»

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ
И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
КОММУНИКАЦИИ

Материалы

Международной научно-практической конференции

26 апреля 2013 г

Уфа 2013

УДК 008:81
ББК 71.0+81.006.2
К90

Рекомендовано к изданию Научным советом БАГСУ

Редакционная коллегия:

С. Н. Лаврентьев, канд. ист. наук, ректор Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан (БАГСУ);

Ю. Н. Дорожкин, д-р филос. наук, проф., проректор по научной работе БАГСУ;

И. В. Фролова, д-р филос. наук, проф., руководитель НИЦ ПУиГС БАГСУ;

Д. Р. Пескова, д-р экон. наук, проф. кафедры экономической теории и социально-экономической политики БАГСУ;

С. В. Иванова, д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой английской филологии и межкультурной коммуникации ФГОУ ВПО «Башкирский государственный университет».

К90 Культурологические и социолингвистические аспекты исследования коммуникации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / редкол.: С. Н. Лаврентьев [и др.]. – Уфа : БАГСУ, 2013. – 168 с.
ISBN 978-5-4457-0016-6

В сборнике представлены материалы Международной научно-практической конференции «Культурологические и социолингвистические аспекты исследования коммуникации» (Уфа, 26 апреля 2013 года). Материалы включают доклады и сообщения участников секций «Культурологические аспекты коммуникации» и «Лингво-семиотические аспекты коммуникации», посвященные культурологическим аспектам коммуникации, а также широкому спектру проблем, включающих философские, политологические, психологические и экономические аспекты эффективной коммуникации. Значительное место в материалах участников конференции занимают проблемы «социальных медиа» как средств коммуникации в современном обществе, асимметрии диалога в коммуникации, искусства поддерживать связи при помощи «Networking».

Для научных сотрудников, преподавателей, студентов, а также специалистов, интересующихся проблемами коммуникации.

УДК 008:81
ББК 71.0+81.006.2

ISBN 978-5-4457-0016-6

© ГБОУ ВПО «БАГСУ», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	6
Секция 1.	
Культурологические аспекты коммуникации	
И. В. Фролова Проблема «истинной коммуникации» в современной социальной философии Запада: от К. Ясперса – к Ю. Хабермасу.....	7
Е. М. Генерозова Коммуникационные особенности процессов экономического взаимодействия.....	12
Н. А. Галактионова Дискурс власти в посланиях губернатора Тюменской области.....	17
С. А. Севастьянов Коммуникации населения и органов власти на местном уровне: современное состояние и перспективы развития.....	23
Р. А. Валеева Коммуникативная модель как дидактическая категория.....	27
А. С. Иванов Христианский и медийный взгляд на гибель человеческой цивилизации.....	31
З. А. Ахунова Основные направления политики России на международном рынке труда.....	35
Е. М. Лебедева Инаугурационная речь президента и ее влияние на имидж политического лидера.....	42
А. И. Арсланова Специфика современного коммуникационного акта.....	49
О. В. Половникова Влияние культурных особенностей на внутренние корпоративные коммуникации в России.....	53
Д. В. Прокофьева Интернет-коммуникации: грань между онлайн и реальностью.....	57
М. З. Файрушина Social media в современном мире.....	60

Секция 2.
Лингвосемиотические аспекты коммуникации

С. В. Иванова Интернет-медиа-текст как формат современной медийной коммуникации.....	65
Anand Alexander Kumar. The Reappropriation of the Great Patriotic War in Russian Film.....	67
А. З. Асаева Преимущества изучения иностранных языков.....	71
С. Б. Аюпова Особенности художественной коммуникации в языковой художественной картине мира.....	73
Р. Р. Бикмухаметова Особенности реализации интертекстуальных связей в романном творчестве Д. И. Стахеева.....	77
В. Р. Габдуллина Эмоциональные переживания в ассоциациях детей в русском, татарском и башкирском языках.....	82
В. И. Галиуллина Обучение иностранным языкам в системе непрерывного образования личности.....	86
Л. И. Галлямова Разработка системы категоризации для анализа содержательной структуры языковых репрезентантов концепта Guilt в английском языке.....	89
Р. Г. Гатауллин Слова периода немецкого объединения и их культурологические значения.....	93
Р. Г. Гатауллин, Л. Р. Шайхутдинова Валентность и стилистика словообразования.....	100
В. М. Зубарева Фонетико-графические средства в комментариях (на материале англоязычной медиа-коммуникации в сети Интернет).....	107
Ф. Р. Имамутдинова Обучение иностранному языку как средству межкультурной коммуникации.....	112

Е. М. Лебедева	
Еженедельное обращение американского президента к нации на занятиях английского языка со студентами.....	116
Ю. А. Новосёлова	
Репатриация при переводе в контексте культурологических аспектов коммуникации.....	122
М. В. Петрова	
Профессионально-компетентностный подход в обучении иностранному языку.....	124
Т. М. Рогожникова	
Суггестивный код текста в поликодовом пространстве языковой коммуникации.....	131
Р. Т. Садуов	
Текст + изображение: бинарная оппозиция или единая парадигма.....	137
С. А. Салова	
«Чужое/свое» → «другое/своё»: культурологическая рефлексия Д. И. Фонвизина в комедии «Бригадир».....	140
Л. М. Такумбетова	
Прецедентные тексты классиков зарубежной литературы в российской прессе.....	145
Ronge Volker.	
The topical career of newspaper, snippets‘ – and what she tells us about present communication and culture.....	149
Jodl Angelika.	
Passender Name gesucht für deutsche Artikel. Eine Begriffsbestimmung im Wandel.....	154
Sarah Chao.	
The role of Extra Curricular Activities in Secondary Language Acquisition.....	160
Список авторов	165

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник «Культурологические и социолингвистические аспекты исследования коммуникации» аккумулирует материалы международной научно-практической конференции, проведенной в Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан 26 апреля 2013 г. в Уфе. Организаторами мероприятия выступили ГБОУ ВПО «Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан» и ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет».

В рамках конференции представители научного и преподавательского сообщества, аспиранты и стажеры из Российской Федерации, Соединенных Штатов Америки, Федеративной Республики Германии обсудили различные аспекты коммуникации в современном глобализирующемся мире.

Представители теоретической мысли – преподаватели БАГСУ, БашГУ, УГАТУ, БГПУ им. Акмуллы, Уфимского юридического института МВД РФ и практикующие специалисты – психологи, переводчики, а также зарубежные участники конференции представили свои доклады, в которых были рассмотрены «социальные медиа» как средство коммуникации в современном обществе, Интернет-медиатекст как формат современной медийной коммуникации, а также другие аспекты коммуникации – в частности, асимметрия диалога в коммуникации, искусство поддерживать связи при помощи «Networking» и многое другое.

В рамках первой секции, посвященной культурологическим аспектам коммуникации, обсуждался широкий спектр проблем, включающих философские, политологические, психологические и экономические аспекты эффективной коммуникации. Участники второй секции рассмотрели социолингвистические аспекты коммуникации, как общетеоретические, так и практические – в том числе, в контексте преподавания иностранных языков.

Материалы конференции могут быть полезны для научных сотрудников, преподавателей, студентов, а также широкого круга специалистов, интересующихся проблемами коммуникации в современном обществе.

Секция 1.
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАЦИИ

**ПРОБЛЕМА «ИСТИННОЙ КОММУНИКАЦИИ»
В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ ЗАПАДА:
ОТ К. ЯСПЕРСА – К Ю. ХАБЕРМАСУ**

И. В. Фролова

*Россия, г. Уфа, ГБОУ ВПО «Башкирская академия
государственной службы и управления
при Президенте Республики Башкортостан»*

Статья посвящена проблемам «истинной» коммуникации в современной западной социальной философии. Основой для размышлений являются труды германских философов – К. Ясперса и Ю. Хабермаса. Автор анализирует специфику экзистенциальной коммуникации, детально исследованной в трудах К. Ясперса. На основании обращения к идеям Ю. Хабермаса коммуникация рассматривается как базовый социальный процесс, позволяющий конструировать ненасильственные практики взаимоотношения между людьми.

The article is devoted to the problems of the «true» communication in the modern Western social philosophy. The basis for reflection are the works of German philosophers – Karl Jaspers and Jürgen Habermas. The author analyzes the specific existential communication, studied in detail in the works of Karl Jaspers. On the basis of an appeal to the ideas of Jürgen Habermas, communication is seen as a basic social process that allows you to design a non-violent practice of human relationships.

В социальной философии XX-XXI веков тема intersubjectivity, диалога и коммуникации становится одной из основополагающих. К ней с разных сторон обращаются К. Ясперс и М. Бубер, Ж. Маритен и Ю. Хабермас, П. Рикер и Н. Луман. Обретенная человечеством индустриально-технологическая мощь продуцирует прагматический стандарт инструментального отношения человека к миру – будь то природа или человек – как к безличному объекту. В то же время, очевидно и отторжение этого стандарта, которое реанимирует антипрагматизм, ценностное отношение человека к миру как к таинству, единственному и неповторимому существу. И это отношение способно раскрыться посредством не формальной, но «истинной» коммуникации, процесс обретения которой осмысливается современными западными философами.

Напомним, что под коммуникацией в сегодняшнем социально-философском дискурсе понимают смысловой и идеально-содержательный аспект социального взаимодействия. Факторами, определившими характер современных исследований коммуникации, стали, во-первых, поворот философской и научной рефлексии к действительности языка, и, во-вторых, критика и кардинальное переосмысление оснований самой философии. В процессе поиска новых оснований именно категории «коммуникация» и «диалог» начинают рассматриваться как базовые[1: 322].

Наибольший интерес в рамках нашего исследования представляют собой две ипостаси коммуникации. С одной стороны, это экзистенциальная коммуникация как акт обнаружения своего «я» в другом, понимаемая как основа отношения между людьми, самоопределения человека в мире. В частности, у К. Ясперса коммуникация становится целью и задачей философии, а мера коммуникативности – критерием оценки и выбора той или иной философской системы. С другой стороны, коммуникация оказывается в центре социальной теории в качестве базового социального процесса. Не случайно Ю. Хабермас настаивает, что развитие коммуникативных практик и коммуникативная рационализация, а не отношения производства, лежат в основе современного гражданского общества. Остановимся на этом подробнее.

Знаменитый немецкий философ-экзистенциалист К. Ясперс, начавший свою деятельность как врач-психиатр, столкнулся с трудностью общения с душевнобольными пациентами, что заставило его обратиться к теме коммуникации, которая прошла через все его творчество. К. Ясперс обнаружил ограниченность существовавших и существующих подходов к лечению подобного рода больных. Только *экзистенциальное общение*, реализующееся как внутренняя связь двух судеб, двух личностей, есть подлинная предпосылка эффективного лечения. П. П. Гайденок полагает, что в основе такого отношения лежит христианская заповедь «возлюби ближнего своего». Разумеется, с сугубо прагматической точки зрения, когда врач имеет дело с множеством пациентов, эту заповедь выполнить невозможно. Но ситуация «врач-больной» представляет собой лишь наиболее яркий пример возможной экзистенциальной коммуникации – коммуникации, в которой остро нуждается человек. Эпоха высоких технологий разрушает традиционные связи между людьми – семейные, этнические, религиозные, приводит к дефициту настоящего, подлинно личного общения[2; 12-13]. Инструментализация коммуникации, сведение ее к исключительно утилитарному, «полезному» общению, зачатую «безличному», формализованному – одна из трагедий современного человечества. К этим проблемам Ясперс обращается и в последующий, собственно философский период, рассматривая коммуникацию как условие экзистенции человека.

Коммуникация как открытие себя. Ясперс развивает идеи, созвучные идеям другого философа-экзистенциалиста – Ж.-П. Сартра. Сартр отмечает,

что человек «не может быть *каким-нибудь* (в том смысле, в каком про человека говорят, что он остроумен, зол или ревнив), если только другие не признают его таковым. Чтобы получить какую-либо истину о себе, я должен пройти через другого. Другой необходим для моего существования, так же, впрочем, как и для моего самопознания»[3; 336]. Вот как об этом же говорит Ясперс: «... в действительности человек никогда не может в целом и окончательно опираться в суждении о себе только на самого себя. Ему необходимы суждения других людей, чтобы обрести в коммуникации ясность».[5; 454]

Коммуникация как доверие. Истинная коммуникация способствует поддержанию веры человека в человека, веры в справедливость. Иными словами, подлинная коммуникация антипрагматична. Она выступает тем последним, во что еще можно верить в ситуации неверия. Ясперс пишет об этом так: «В обществе людей господствует не только справедливость, но и власть, которая объявляет свой произвол органом справедливости и поэтому всегда основана на неправде. Государство и народное сообщество могут уничтожить людей, работающих на них всю свою жизнь. Доверять можно лишь верности человека в экзистенциальной коммуникации, но это не поддается расчету»[5; 450].

Коммуникация как процесс приближения к истине. Коммуникация является основой диалога, предполагающего не «светскую беседу» или обмен мнениями, но погружение в собственное и чужое «Я». Ясперс рассуждает о том, что «разговор друг с другом требует выслушивания собеседника и подлинного ответа, не допускает молчания или попытки уклониться от вопросов». Подлинная коммуникация предполагает ответственность, и, как следствие - напряженность, постоянное рефлексирование, уточнение собственной позиции и позиции собеседника по принципиальным вопросам. Достичь этого идеала нелегко. Не удивительно, что, с точки зрения К. Ясперса, только философская вера может быть результатом подлинной коммуникации, ибо «тот, кто полагает, что полностью владеет истиной, уже не может по-настоящему говорить с другим – он прерывает подлинную коммуникацию в пользу того содержания, в которое он верит»[5; 457].

Готовность к коммуникации как условие философской веры. Итак, философскую веру, согласно К. Ясперсу, можно назвать также верой в коммуникацию. На упрек своих оппонентов в утопичности подобной веры, апелляции к тому, что исключает коммуникацию, а именно – к человеческим страстям, воле к власти, соперничеству интересов своего существования, Ясперс приводит контраргументы. Он исходит, на наш взгляд, из принципиальной для философа-экзистенциалиста позиции – из веры в людей, ибо «люди не таковы, как они суть, но для самих себя остаются еще вопросом и задачей». Человек, которого актуально оценивают по поступкам, в своей потенциальности есть нечто гораздо большее, чем их совокупность. Для Ясперса особенно значимым является понимание безграничной готовности к комму-

никации как решения вступить на путь человеческого бытия. «Идея коммуникации – не утопия, а вера, – отмечает философ, ... в возможность для нас, людей, действительно жить друг с другом, найти благодаря этой совместимости истину и только на этом пути остаться самим собой»[5; 502]. И эта оптимистическая нота не менее важна для людей, живущих сегодня, спустя более чем полвека после того, как об этом писал Ясперс.

Жизнеутверждающий пафос, характерный для воззрений К.Ясперса, обнаруживается и в философской позиции его младшего современника – Ю. Хабермаса. Цель социальной философии последний видит в возможности конституирования в современном мире принципиально ненасильственных (невертикальных) способов социального бытия как «универсального примирения», для чего необходима реализация ряда условий.

Радикальная трансформация европейской рациональности. С точки зрения Ю. Хабермаса, в основе европейского мышления лежит субъект-объектная оппозиция, которая и обуславливает в качестве типового и субъект-объектное отношение к миру. «Субъект-центрированный разум ищет для себя масштабы в таких критериях, как истина и успех, регулирующих отношения познающего и целесообразно действующего субъекта с миром, где существуют объекты или определенный порядок вещей», – отмечает Ю. Хабермас [4; 324]. Иными словами, формирование принципов ненасильственного социального бытия предполагает смену субъект-объектно организованной «научно-технической рациональности» на принципиально новую «коммуникативную рациональность».

Смена стратегического поведения коммуникативным поведением. Для западной культуры, окончательно сформировавшейся в эпоху Нового времени, характерно стратегическое поведение, которое ориентировано, по справедливому замечанию Ю. Хабермаса, на достижение цели, и предполагает, как следствие, прагматическое использование другого в качестве объекта (средства). В отличие от стратегического поведения, коммуникативное поведение принципиально субъект-субъектно и, предполагая принятие другого в качестве самодостаточной ценности, исключает какие бы то ни было цели, помимо самого акта своего осуществления. В этом смысле идеи Ю. Хабермаса восходят, с одной стороны, к «золотому правилу нравственности». С другой стороны, они созвучны «категорическому императиву» И.Канта в формулировке «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству». Коммуникативный разум, в отличие от разума субъект-центрированного, предполагает отказ от эгоцентризма, «выражает себя в децентрированном миропонимании»[4; 325]

Становление подлинной интеракции. Сближает позиции К. Ясперса и Ю. Хабермаса идея о том, что условием существования человечества являет-

ся приоритет коммуникативного поведения, предполагающего становление подлинной «интеракции», доминирование «интеракционного» взаимодействия над «технологическим». Последнее, как уже отмечалось, выражается в процедуре «овладения внешней природой» и экстраполирует эту парадигму на все возможные сферы отношений. Это позволяет преодолеть индивидуализм, являющийся, с одной стороны, достоинством, с другой стороны – недостатком западной цивилизации, в пользу коллективизма. Не случайно Ю. Хабермас пишет, что «коммуникативный разум выражается в связующей силе межсубъектного взаимопонимания и взаимного признания, он описывает универсум коллективной формы жизни» [4; 334].

Трансформация социальных институтов. Наличествующие уже сегодня формы «коммуникативного» поведения, не могут быть выражены, по мнению Хабермаса, структурами социальных институтов современного общества. «Оперирующий в рамках коммуникативного действия разум ограничен не только внешними, вытекающими из конкретных ситуаций условиями; условия собственного осуществления вынуждают его раздваиваться, существовать в измерении исторического времени, социального пространства и телесно-ориентированного опыта», – отмечает Ю. Хабермас [4; 335].

Становление многоуровневого рефлексивного диалога. Ю. Хабермас переосмысливает понятие *дискурса* как социально обусловленной организации речи и разрабатывает его концепцию как формы речевой коммуникации, основанной на *многоуровневом рефлексивном диалоге*. «Коммуникативная практика повседневности саморефлексивна. Разумеется, «рефлексия» не является больше делом познающего субъекта, который, объективируя, соотносится с самим собой. Место этой рефлексии теперь занимает встроенный в коммуникативное действие пласт, соединяющий дискурс и действие» [4; 333].

Резюмируя вышесказанное, необходимо подчеркнуть, что задача философов и социальных мыслителей – рассуждать не только с точки зрения сущего, но и с точки зрения должного, поскольку гуманизирующая функция философии заключается в обосновании принципов «хорошего общества». Этому во многом призвана способствовать «истинная коммуникация». Именно поэтому далеко не все идеи, развиваемые К. Ясперсом и Ю. Хабермасом, нашли сегодня свое практическое воплощение. Тем не менее, они остаются своего рода нравственным горизонтом, тем «светом в конце тоннеля», который позволяет двигаться вперед и создавать в итоге конкретные практические модели – подобные той, которая находит свое воплощение в западных демократиях, позволяя вести в обществе многоуровневый диалог, в том числе на уровне «власть-народ».

Список использованной литературы:

1. Бабайцев А.Ю. Коммуникация // Новейший философский словарь. - Мн.: Изд. В.М. Скаун, 1998. - 896 с.

2. Гайденко П.П. Человек и история в экзистенциальной философии К. Ясперса// Ясперс К. Смысл и назначение истории.- М.: Политиздат, 1991.- С. 5-28.
3. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм- это гуманизм// Сумерки богов. - М.: Политиздат, 1990. - С.319-344.
4. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. - М.: Весь мир, 2008. - 416 с.
5. Ясперс К. Философская вера// Ясперс К. Смысл и назначение истории.- М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

КОММУНИКАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Е. М. Генерозова

*Россия, г. Уфа, ГБОУ ВПО «Башкирская академия
государственной службы и управления
при Президенте Республики Башкортостан»*

В российском бизнесе в последние годы в процессах продвижения товаров и услуг наметилась новая тенденция. Традиционная «пятивопросная» модель Лассуэлла все чаще заменяется на транзакционную коммуникационную модель Ньюкомба, целью которой являются партнерские отношения с субъектом взаимодействия.

Recently in Russian business there appeared a new tendency in the process of promoting products and services. Traditional so called «five questions» Lasswell model is increasingly being replaced by transactional communication model of Newcomb, which is based on the creation of partnership relations with the subject of interaction.

Общеизвестно, что социальные коммуникации пронизывают все сферы жизни общества, в том числе и экономическую сферу, обеспечивая обмен информацией, опытом, идеями, оценками, значениями, смыслами, ценностями между важнейшими экономическими институтами, государством и хозяйствующими субъектами, социальными группами и индивидами, занятыми в сфере экономики.

В зависимости от того, как изменяется коммуникативное пространство хозяйствующих субъектов под влиянием различного рода факторов внешней и внутренней среды, обмен информации в деловой среде становится не просто многоуровневым и многосторонним процессом, но и сам подвергается постоянным изменениям. Коммуникативные действия, как особый вид социокоммуникативных процессов, протекающих в экономической сфере через информационное взаимодействие хозяйствующих субъектов, меняются по мере трансформации российской экономики в рыночную.

Практическая значимость теории коммуникации в управлении коммуникационной политикой предприятия заключена в правильном построении коммуникационной модели взаимодействия с внешней и внутренней средой предприятия. На мой взгляд, сегодня наиболее актуальными, с точки зрения практического значения, являются вопросы, связанные с анализом целей, содержания и технологий реализации коммуникационных моделей в экономической деятельности современных российских предприятий, которые в целом позволяют выделить коммуникационные особенности экономического взаимодействия на современном этапе.

Модели коммуникационного процесса – это своеобразный алгоритм, познавательная процедура, способствующая пониманию того, как реально осуществляются процессы коммуникации. Схематизированное, смоделированное отражение реального коммуникационного процесса позволяет понять его механизм, элементы, цели коммуникатора и особенности адресата. И, что самое главное, позволяют правильно планировать коммуникативный процесс и обеспечивать коммуникативную эффективность экономического взаимодействия всех участников рынка.

Специфика коммуникативных систем, представленных в виде моделей, определяется несколькими критериями:

- а) целевым назначением системы (какая информация сообщается и кому предназначается);
- б) выбором коммуникативных средств;
- в) каналами передачи и восприятия информации (аудитивным, визуальным, аудитивно-визуальным, тактильным);
- г) способами обмена информацией: естественными (коммуникативные средства естественного языка – слова, словосочетания, жесты, мимика, телодвижения) и искусственными (используются сконструированные или заимствованные из разных областей знаний символы, формулы).

В обобщенной форме можно сказать, что коммуникативные системы различаются по целевому назначению, мотивированности коммуникативных единиц и технике актуализации.

«Пятивопросная» модель массовой коммуникации Гарольда Лассуэлла называется линейной, т. е. однонаправленной, а также бихевиористской. Коммуникация в настоящей модели понимается как воздействие на реципиента, который выступает в качестве объекта, реагирующего на воспринимаемую информацию по принципу: стимул-реакция (принцип бихевиоризма)[2, С.29-31]. В соответствии с этой моделью, ставшей хрестоматийной для учебных пособий по основам теории коммуникации и социологии массовой коммуникации, началось информационное экономическое взаимодействие в России, первой формой которого стала реклама.

Линейная модель, рассматривающая коммуникацию как действие, в рамках которого отправитель кодирует сообщение, отправляет его получа-

телю через определенные каналы и, преодолевая «шум», барьеры и помехи различного характера, вызывает ответную реакцию получателя, является и в настоящее время приоритетной в продвижении товаров и услуг. Эта модель рассматривает коммуникацию как однонаправленный процесс, который идет от отправителя к получателю, а получатель сообщения рассматривается как объект воздействия.

Модель Ласуэлла, например, широко используется в секторе «B2C», где наблюдается наибольшая ее активность - через рекламу в СМИ влиять на ответную реакцию потребителя. Реклама, как однонаправленная коммуникация, прочно вошла в жизнь различного рода хозяйствующих субъектов, диктуя выбор, моду, образ жизни потребителю. Известно, что просто информация о технологических характеристиках продукта, не достаточна для эффективной ответной реакции, поэтому сегодня мы повсеместно наблюдаем, например, процессы «мифологизации» продукта. Именно с этой целью закодированное сообщение с использованием стереотипов образов, слоганов, различных сигналов и символов в большей степени ориентировано на передачу идей, эмоций, чувств, вызывающих потребление того или иного продукта, и создающее уникальность и конкурентное преимущество.

Это, в свою очередь, повлияло на содержание рекламных сообщений, как элемента коммуникационной модели с учетом основных уровней и направлений психологического воздействия рекламы:

- когнитивного (передача сообщений) – овладение вниманием потенциального покупателя;
- аффективного (эмоциональный аспект, формирование отношения) – создание у него интереса, предпочтения к выбору товара/услуги;
- суггестивного (от лат. *suggestio* – внушение, намек) – формирование желания покупки или убежденности в необходимости в ней;
- когнативного (определение поведения) – действие покупателя, т. е. покупка товара/услуги.

Содержат принципы линейной коммуникационной модели и многочисленные концепции рекламных кампаний, выработанные в ходе мировой практики рекламного бизнеса (позиционирование, интегрированные маркетинговые коммуникации и т. п.) и успешно реализуемых в отечественной практике. Все они содержат механизмы однонаправленных, т. е. в одну сторону направленных коммуникатором сообщений без обратной связи с реципиентом.

В соответствии с особенностями линейной модели, коммуникационные усилия производителей сосредоточены не только на создании эффективного сообщения, но, что считается более важным – правильном выборе канала передачи данного сообщения, оказывающем собственное влияние на реакцию потребителя. Медиапланирование с учетом рейтинговых показателей СМИ, понятия «целевая аудитория», «концепция мишени», таргетинг в рекламе являются объектами научных разработок и споров практиков. Потребность про-

изводителя в линейных коммуникациях, например, повлияла на функции СМИ в обществе, которые в большинстве сконцентрировались на обслуживании рекламных площадей, создании различного рода необходимых каналов для передачи рекламных обращений.

По российскому Закону о рекламе информационное обеспечение экономического взаимодействия хозяйствующих субъектов подлежит оплате на правах рекламы, что не могло не повлиять на развитие новых, менее затратных форм, таких как технологии «связи с общественностью», личные продажи, Интернет-маркетинг.

Однако, до тех пор, пока в цепочке торгового предложения потребитель «не король», а объект воздействия, однолинейные коммуникационные модели все же будут доминировать во взаимоотношениях между производителем и потребителем. И это, безусловно, лучше, чем полное отсутствие коммуникационного взаимодействия, которое можно до сих пор наблюдать во взаимоотношениях региональных производителей со своими потребителями. Остаточный принцип формирования рекламных бюджетов, неэффективное использование выделенных на продвижение средств приводит к потере собственных рынков на своей территории.

Неравномерность развития рыночных отношений в различных сферах экономической деятельности влияет на выбор коммуникационных моделей для достижения взаимодействия с внешней средой.

В отдельных сферах экономической деятельности, например, банковской, инвестиционной, страховой, а также в сферах с высокой конкурентной средой наблюдается не просто интерес, но и практическая реализация другого вида коммуникационной модели. И, если еще лет десять назад основные креативные усилия отправителя были связаны с созданием текста с целью «привлечь внимание», то сегодня, по крайней мере, лидеры рынка, сосредоточены на другой цели – установить субъектно-субъектные отношения с потенциальным потребителем, достичь социально-психологической общности, которая обозначается словом «Мы».

Интеракционная (интеракционистская) нелинейная модель коммуникации исходит из того, что субъекты коммуникации обязательно равноправны, связаны взаимными ожиданиями и установками, общим интересом к предмету общения. В середине 50-х гг. XX в. эту модель предложил американский социальный психолог Теодор Ньюкомб. Он считал, что эффект коммуникационного взаимодействия (интеракции) проявляется в сближении или отдалении позиций коммуникатора и реципиента по поводу общего предмета, т. е. в расширении или сближении возможностей их взаимопонимания и сотрудничества и в конечном счете – в достижении согласия между партнерами по коммуникации.

По мнению социального психолога Тамото Шибутани, «механизм согласия – это «взаимное принятие ролей». Когда возникает согласие, то

происходит взаимопроникновение картин мира, оценок, чувств, что позволяет участникам интеракции понимать, принимать или отвергать точки зрения и оценки друг друга [1, С.44, 45]. Эта модель выделяет то обстоятельство, что коммуникация – это процесс, в котором люди формируют отношения, постоянно взаимодействуя друг с другом.

Все чаще можно встретить организации, реализующие клиентоориентированные маркетинговые стратегии, программы поддержания лояльности потребителя. Технология брендинга, например, ядром которой являются коммуникационные технологии по передаче образа товара или фирмы-производителя, рассчитана на создание эмоциональных связей с продуктом или фирмой, по сути, это особого рода отношения, в которых бренд рассматривается «как человек». В банковской сфере, пожалуй, нет ни одной организации, где миссия, как коммуникационное сообщение для внешней среды, не являлась бы основой деятельности.

Переход от моделей воздействия к моделям взаимодействия наметился в последние годы в корпоративных коммуникациях. Происходит это в связи с пониманием того, что вопросы развития предприятия связаны не только с производством качественного продукта, но и «человеческим фактором», ростом значения и роли человека в системе производственных отношений.

Процессы инноваций, инвестиционной деятельности, социально-ориентированного маркетинга создают основу для новых форм коммуникационного взаимодействия. Еще десять лет назад такие понятия как коммуникационная политика предприятия, коммуникационный менеджмент фактически отсутствовали в практике как система коммуникационного взаимодействия. Сегодня мы наблюдаем не только понимание необходимости существования данной системы, но и стремление к ее управлению.

Стремление к отношениям с целью взаимодействия с внешней средой взамен одностороннего «воздействия», определяется, прежде всего, изменениями рыночной ситуации в России в связи с ростом конкуренции, глобализацией экономических процессов, в том числе с вступлением России в ВТО. Равноправные отношения между участниками рынка - интегрированный интеллектуальный и информационный ресурсы — главные факторы устойчивости рыночных отношений.

Список использованной литературы:

1. Богомолова Н.Н. Социальная психология массовой коммуникации, 2008.
2. Бориснев С.В. Социология коммуникаций. Учебное пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003.

ДИСКУРС ВЛАСТИ В ПОСЛАНИЯХ ГУБЕРНАТОРА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Н. А. Галактионова

Россия, г. Тюмень, ФГОУ ВПО «Тюменская государственная академия культуры, искусств и социальных технологий»

С позиций качественного анализа текста рассматриваются представления о региональной идентичности во властном управленческом дискурсе. Объект анализа - послания Губернатора Тюменской области 2006–2012 годов.

Ideas concerning regional identity in an imperious administrative discourse are studied from the position of the qualitative analysis of the text. The object of the analysis-messages of the governor of the Tyumen region from 2006 to 2012.

Изучение представлений Губернатора о регионе, эксплицированных в текстах его ежегодных Посланий, способствует оформлению представлений о стратегии и тактике развития региона с позиций власти. Материалом для данной статьи стали тексты Посланий губернатора Тюменской области В. В. Якушева о положении дел в области 2006–2012 годов [1–6].

Процедура анализа заключалась в процессе первоначального структурирования первичного текста, отборе субъективно значимых для выбранного аспекта анализа семантических единиц, тем и эпизодов. Содержательный и частотный анализ текста несет важную социальную информацию. В данной статье опущен этап плотного аналитического описания по К. Гирцу [8]. На втором этапе анализа систематизировались единицы текста (секвенцирование) и номинировались интересующие нас в контексте данной работы темы. Третий этап анализа – перекрестное сопоставление тем внутри текста посланий (2006–2011 гг.). Четвертый этап анализа подразумевал сопоставление высказываний с социально-типичным контекстом в рассматриваемых локальных рамках. В данном случае был выбран путь сравнения Посланий В. Якушева с дискурсом посланий В. Путина и Д. Медведева [7]. Пятый этап анализа диктовал необходимость сопоставления выделенных презумпций с историческим контекстом. На шестом этапе анализа была проведена концептуализация идей дискурса Посланий. Исследовались лексические средства экспликации эмоций; стилистические и модальные приемы самопрезентации Губернатора; проведен анализ метафор и устойчивых выражений, их ассоциативное наполнение, что позволило раскодировать эмоциональный смысл использования лексем, собственных номинативных конструкций в исследуемом контексте.

Анализ Посланий, в соответствии с правилами качественного анализа текстов, состоит из выбора единицы анализа (темы); кодирования; структурирования и отбора тем для дальнейшего анализа (обращения; коды высказывания; верифицируемая идентичность; модальность речи; система координат, эксплицируемая в номинативных собственных конструкциях; верифицируемые

пространственные границы; основные базисные положения; экспликация/имплитация темы этничности и религиозности, представления о региональной идентичности и о ее структурном наполнении); перевод тем на более высокий уровень абстрагирования; уточнение постулируемых категорий; концептуализация данных.

Тексты Посланий Губернатора подвергнуты многоступенчатой системе кодирования. В результате сплошного кодирования (разбивки текста на дискретные единицы) на уровне здравого смысла были выбраны единицы анализа. На последующем этапе осевого кодирования (axial coding) были установлены оси ключевых категорий, их взаимосвязи. Этап выборочного кодирования (selective coding) позволил выделить характер выявленных связей.

Кода посланий с 2006 по 2008 год сформулирована в виде традиционной безэмоциональной этикетной формулы в рамках публичного официально-делового стиля общения – «Спасибо за внимание». В 2009 году Губернатор завершил свое послание практически девизной формулировкой: «Тюмень, вперед!», параллельную президентской «Вперед, Россия!». В 2010 году кода риторически развернута: «Так давайте работать, работать сплоченно, дружно, чтобы превратить нашу мечту о модернизации в реальность. И передать эту реальность следующим поколениям тюменцев. Тюмень заслуживает успеха! Тюменцы его добьются!». Проведен частотный анализ лексических единиц, обозначающих жителей региона. Всего тексты посланий содержат 36043 слов. В дискурсе послания 2006 года наблюдается отсутствие консолидированного представления о региональном сообществе, в то же время отчетливо видна работа по оформлению представлений о многообразии человеческого капитала в области, стремление вникнуть в структуру сложившегося сообщества на основании анализа существующих региональных проблем.

Рис. 1. Динамика изменения объема обращений и количества дефиниций номинаций регионального сообщества в Посланиях Губернатора Тюменской области (частотность относительно общего количества слов в текстах)

В Посланиях губернатора сложилось многоаспектное представление об идентичности жителей области. В первую очередь следует отметить, что для Губернатора «тюменцы» – региональная совокупность. 2006 года наблюдается тенденция мыслить региональную общность как совокупность отдельных ее представителей, с 2007 года возникает представление «единого социального организма» – думающего, чувствующего, функционирующего. В 2010 году речь послания эмоциональна, метафорически и символически наполнена. Впервые применительно к жителям области возникает метафора команды корабля и корабля – области, плывущей в бурном океане, в 2010 году Губернатор дважды употребил формулу *сибирского характера*. Именно сибирский характер, и интуитивно чувствуемое им «*нечто в крови*» тюменцев, восходящее к «*традициям легендарного тюменского купечества*» мыслится как ресурс региональной модернизации. В Послании последовательно выстраивается особый комплекс взаимоотношений Губернатора с областью – мы, наше. Таким образом, на лексическом уровне проявляется единение, консолидированность интересов губернатора и жителей. Пафос Послания сводится к обозначению перспективного пути, отсюда частотность лексемы «мечта», имеющей истоком слова Мартина Лютера Кинга, в 2012 году к формуле Кинга обратится и кандидат в президенты России В. Путин в одной из своих программных статей. Среди кодов, вычлененных в процессе анализа – **модальность** выступлений Губернатора. В 2006 году Губернатор практически не вербализирует личностное и субъективное начало, позиция Губернатора сводится к «Мы = Правительство области» и эксплицируется в следующих конструкциях: *мы можем, мы намерены, мы руководствуемся, мы научились* и т. д. Обращает на себя внимание частотность безличных конструкций: *делается, производится*. В послании 2006 В. Якушев позиционирует себя как преемник, как субъект выполнения порученной работы, позиция персональной ответственности никак не эксплицируется. В 2007 году увеличивается доля высказываний субъектной оценки, отчетливо проявляется персонализация речи: *хотел бы, я и намерен, я хотел бы призвать, я просил бы, предлагаю, я призываю, прошу рассматривать это как мое поручение*, явно высказывается личная ответственность, появляются императивные конструкции, выраженные лексически (приказываю), морфологически (повелительное наклонение глаголов), синтаксически (восклицательные предложения побудительного характера), эмоционально. С 2008 году интенсифицируется авторитетный и силовой характер высказываний, выраженный в прямых приказах, модерировании тактики и стратегии выступления (прерывание речи и просьба к присутствующим встать, сигнал о продолжении выступления). Возрастает энергетичность речи, чему способствуют прямые императивные конструкции, выбор лексических средств, набор эксплицируемых имен собственных и т. д.

Анализ употребленных в тексте **имен собственных** позволяет определить традицию, систему координат, в рамках которой выстраивает политику руководитель области. Имена собственные – важный ориентир изучения ин-

декса влияния. В 2006 году зафиксировано только неперсонифицированное упоминание Президента. В 2007 году список имен, к которым апеллирует Губернатор, существенно расширяется. Употребление идиомы «*сбережение народа*» имплицитно отсылает к имени А. Солженицына и В. В. Путину, который использовал выражение Солженицына в своем послании 2006 года. Частотность упоминаний имени Путина подчеркивает лояльность губернаторской власти, встроенность губернатора во властную вертикаль. Миттеран и Кинг – аллюзия к общемировым демократическим свободам и ценностям, творчество передвижника-реалиста Мясоедова – к демократическим российским традициям. В 2008 корпус упоминаемых имен, их функционально-семантическое наполнение расширяется. Это погибший в Южной Осетии тюмонец *Р. Абдуллин, Путин, Медведев (2), П. Латышев* (полномочный представитель президента в УРФО), *Кулибин, Т. Эдисон, Л. Кэрролл, В. Короленко, Первопроходцы этих краев, Петропавловский-Каронин* (публицист), *знаменитое тюменское и тобольское купечество, хватистое и оборотистое; святитель Филофей, губернатор Муравьев, ученый Менделеев, поэт Ершов, композитор Алябьев, художники Суриков и Перов; легендарные Салманов и Эрвье, Игорь Плотников* (чемпион Паралимпийских игр), *Т. Джефферсон, П. А. Столыпин, С. Собянин*. Пафос послания 2009 – инновации, поэтому частотны упоминания изобретателей, фантастов, первооткрывателей, инициативных людей, прославивших область. Используется поговорка *по шучьему велению*, отсылающая с сказочно-мифологической традиции чудесного решения проблем; искаженный фразеологизм. *Многие велосипеды уже изобретены; Гнать вал; не хлебом единым жив человек*. В 2010 обращает на себя внимание неоднократное упоминание имен социологов. С 2009 возникает традиция озвучивать имена школьников, успешно сдавших ЕГЭ. Обращают на себя внимание базисные положения, определяющие характер Посланий. В 2006 году это *атмосфера согласия и общественно-политической стабильности, безопасность*. Вопросы безопасности и связанное с ними обращение к вопросам борьбы с преступностью в последующие годы уйдут из риторики посланий. В 2007 году создается образ современного, динамичного, конкурентоспособного региона. В 2008 году возобновились апелляции к стабильности, устойчивости, сохранению, укреплению, консолидации при одновременном стремлении не отказываться от курса на самостоятельность и инновации. В 2009 появляются мотивы движения в будущее, характеристика кризиса как *«точки преобразования и времени выбора»*. В 2010 Послание проходит под знаком необходимости модернизации: *модернизация не лозунг, а категорический императив, диктуемый самой реальностью современного мира. Каждый регион отвечает на модернизационный вызов, и мы, тюменцы, должны найти свой ответ*. В 2011 основное – конкурентная среда и конкурентоспособность Тюменской области.

Во всех посланиях можно выделить символические и номинальные **границы**, в которые Губернатор встраивает область. В 2006 году это Российская Федерация, Уральский федеральный округ (2), Россия. В 2007 экспли-

цируется мысль о включенности Тюменской области в ядро России: «Тюменская область как ее неотъемлемая, а для нас и самая любимая часть», «будущее области неотделимы от судьбы и будущего России». В губернаторской риторике регион представляет собой модель России в целом. В 2011 году область характеризуется как передовой российский регион, коренным образом отличающийся от некоторых «депрессивных территорий». 2011 году Послание Губернатора не столько подведение итогов, сколько обозначение перспективных линий работы, новое здесь - внимание к медиапространству. В. Якушев четко ставит задачу расширения присутствия области в международном информационном поле, развития PR стратегий.

Следующая важная для нашего анализа семантическая единица – **этничность**. В 2006 году нет упоминания кодов, которые можно было бы отнести к этничности, межкультурному сотрудничеству и т. д. В 2007 году проявляются характеристики области как многонациональной (имеется в виду этнокультурное многообразие). Обращает на себя внимание апелляция к сопричастности к *общей истории и культуре, единые и вместе с тем уникальные социальные и исторические корни*, что характеризуется как *общая судьба*. Выстраивается несколько векторов осмысления идентичности: полиэтнический состав, объединяющий жителей области с другими народами России, региональный патриотизм, направленный на локальную территориальную идентичность, и на соотечественников в других странах. В последнем случае особым образом выделяется связь с прошлым страны – с СССР и жителями национальных республик, оказавшихся после распада страны в других странах. Отмечаем использование в губернаторской риторике консолидирующего понятия нации не в значении этнокультурной общности, а в значении гражданского, государственно-политического сообщества – политической нации. События 2008 обусловили то обстоятельство, что в Послании говорится только о внешних угрозах России, и не идет речь о внутрирегionalном сообществе. Послание 2009 вновь апеллирует к *межнациональному согласию и толерантности*. В 2010 году в Послании область характеризуется как *поликультурная мозаика*.

Рассмотрено проявление в текстах посланий семантического кода **религиозности/конфессиональности**. К ним В. Якушев обратился в 2007, 2009 году, в 2010 в Послании область охарактеризована как *поликонфессиональная мозаика*, в 2011 область мыслится как *пассионарная, сумевшая аккумулировать межкультурные и межнациональные основы*. В риторике губернаторских посланий четко выстраивается модель героического прошлого, активной жизни области в истории страны, начиная со времени территориального присоединения к России до открытия нефтегазоносных месторождений и эксплицируется мысль о современности как наследии славных традиций прошлого, являющихся ресурсом инновационного и модернизационного прорыва.

В посланиях зафиксирована четкая мотивация региональной власти как

активного деятельного начала под прямым правлением института Президентства. Высказывания Губернатора не выходят за рамки принятого в верховной российской власти дискурса о России как о срединной цивилизации. В риторике посланий отстаивается суверенность русского языка, государственных интересов области, защита интересов многокультурного и многоэтнического сообщества. Понятие нации В. Якушев использует в значительной мере как понятие этнокультурной, а не политической общности. С 2007 года в Посланиях звучит идея многокультурности и многоконфессиональности области как особого достояния, бережно охраняемого, являющегося залогом толерантности и стабильности в регионе.

Тюменская область – регион с доминированием русского населения, тем не менее, в выступлениях Губернатора не встретилось апелляции исключительно к русским ценностям (за исключением русского языка), православной религии. Оценка миграционных потоков встретилась однажды применительно к демографическому росту области за счет собственных ресурсов, а не миграционного прироста. В Посланиях не выделяется как существенная проблема сепаратизм, этническая интолерантность, напротив, настойчиво подчеркивается стабильность и прочность межкультурной и межэтнической обстановки в области. Выражается готовность принять в области соотечественников.

Во всех посланиях звучит мотив подведения итогов, и определения стратегий будущего развития области как неотъемлемой части Российской Федерации.

Таким образом, на уровне дискурса посланий президента область мыслится как «модель всей России», нет эксплицирования идей «особого пути». Тюменская область предстает как динамичный, перспективный, конкурентоспособный регион, передовой форпост государства, ресурсный центр, успешный полигон для обкатки общероссийских проектов. В традициях, сложившихся в среде тюменских предпринимателей прошлого, в опыте первопроходцев, в достижениях нефтяников и газовиков Губернатор видит ресурс дальнейших инновационных изменений и модернизационных проектов. Этому способствуют и территориально-ресурсное положение области, и человеческий капитал, и управленческие стратегии.

Список использованной литературы:

1. Послание Губернатора Тюменской области В.В. Якушева о положении дел в области – 2006 // <http://tumenlaw.ru/2006-god/poslanie.html>
2. Послание Губернатора Тюменской области В.В. Якушева о положении дел в области–2007 //»Парламентская газета «Тюменские известия», № 197, 26.10.2007 // <http://www.tumenlaws.ru/index.php?ds=858056>
3. Послание Губернатора Тюменской области В.В. Якушева о положении дел в области- 2008 <http://www.vsluh.ru/news/politics/154635.html>
4. Послание Губернатора Тюменской области В.В. Якушева о положении дел в области-2009 // <http://pro72.ru/blog/post/?id=281>
5. Послание Губернатора Тюменской области В.В. Якушева о положении дел в области-2010 // http://admtyumenu.ru/ogv_ru/block/hottopic/poslanie2010.htm

6. Послание Губернатора Тюменской области В.В. Якушева о положении дел в области-2011 // http://admtumen.ru/ogv_ru/block/important/poslanie2011.htm

7. Идеология российской идентичности в дискурсе Президентов РФ /Арутюнова Е.М. // Российская идентичность в Москве и регионах /Отв. ред. Л.М. Дробизижа. – Москва: Макс-Пресс, 2009. С. 47 – 53.

8. Geertz C. Thick descriptions toward an interpretive theory of culture // Geertz C. The interpretation of culture. -N.Y.t Bane book., 1973. – Ch. 1. – P. 3–30.

КОММУНИКАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ И ОРГАНОВ ВЛАСТИ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

С. А. Севастьянов

*Россия, г. Уфа, ГБОУ ВПО «Башкирская академия
государственной службы и управления
при Президенте Республики Башкортостан»*

В статье рассматриваются некоторые аспекты коммуникации населения и органов власти на местном уровне в Республике Башкортостан. Отмечается, что коммуникации между населением и органами власти в настоящее время носят ассиметричный и несистемный характер. В качестве причин автор называет слабость социальных и политических позиций местного сообщества, и преобладание декларативного и административного подходов в сфере коммуникационной политики органов власти.

In the article some aspects of the communication between inhabitants and power bodies on a local level in the Republic of Bashkortostan are considered. It's indicated that communication between inhabitants and power bodies has an asymmetrical and unsystematic character. As a reason the author names the weakness of social and political positions of a local community and the predominance of declarative and administrative approaches in the sphere of communicative policy of power bodies.

Основополагающей идеей эффективного и устойчивого развития коммуникации между населением и органами власти является создание механизмов общественно-государственного диалога. От того, как налажено взаимодействие органов власти и управления с гражданами, зависят конкретные показатели и результаты социально-экономического и общественно-политического развития территорий, регионов и страны в целом. Население, плохо информированное о деятельности власти, не понимающее целей и перспектив тех или иных административных решений, не имеющее возможности влиять на принятие властно-управленческих решений, воспринимает действия органов власти настороженно, с недоверием, что в конечном итоге может способствовать росту социальной напряженности.

В связи с этим можно говорить о том, что существует необходимость развития социальной и политической коммуникационной среды для понимания как личных приоритетов и потребностей граждан, так и учета их общегражданских интересов в процессе принятия политико-властных и административных решений.

Проблемная ситуация, состоит в том, что коммуникативное взаимодействие органов власти с населением на сегодняшний день не востребовано обеими сторонами процесса в той, степени, чтобы стать фактором решения практических вопросов с одной стороны и фактором повышения эффективности государственного и муниципального управления с другой стороны.

Коммуникация – это процесс трансляции идеи от источника к получателю с целью изменить поведение этого получателя, а также взаимодействие как механизм этой трансляции [1, С.23].

Для большинства граждан первичные и наиболее распространенные формы коммуникации с органами власти реализуются на местном (муниципальном) уровне. Местный уровень является платформой социальных и политических коммуникаций «первого порядка» между гражданами и институтами власти. В этой связи представляется важным, обратится к исследованию таких аспектов макро-проблемы «власть–общество» как состояние коммуникативного взаимодействия населения с органами власти на местном уровне.

Изучение коммуникации населения и органов власти на низовом уровне позволит, определить степень политической и социальной зрелости граждан, проживающих на территории городских и сельских поселений, а так же обозначить место и значение населения как субъекта (участника) публично-властных и управленческих отношений на местном уровне.

Во многих современных социально-гуманитарных исследованиях, посвященных проблемам общественной активности населения, и состоянию коммуникационного взаимодействия между органами власти и гражданами встречается понятие «местное сообщество». Понятие «местное сообщество», по нашему мнению, можно определить как совокупность совместно проживающих в муниципальном образовании (городском, сельском поселении, муниципальном районе, городском округе) жителей, осуществляющих через формы участия в местном самоуправлении (местный референдум, муниципальные выборы, сходы граждан, публичные слушания, территориальное общественное самоуправление и др.), а также иные прямые и опосредованные формы народовластия (правотворческая инициатива, обращения в органы власти, участие в работе общественных и политических организаций, средств массовой информации и др.), взаимодействие с различными субъектами публично-властных и управленческих отношений, с целью решения вопросов местного значения на данной территории на основе нормативно-правовых, организационных, административных норм и правил.

С нашей точки зрения, использование понятия «местное сообщество» при изучении коммуникации, и в частности социальных и политических аспектов данной проблемы на местном уровне оправданно. Использование понятия «местное сообщество» позволит, с одной стороны, комплексно подойти к изучению проблемы коммуникации граждан и органов власти на местном локально-территориальном уровне, и, с другой стороны, обозначить и конкретизировать институциональное состояние населения как субъекта коммуникационного взаимодействия данного уровня.

В настоящее время у местного сообщества, в отличие от сообществ и корпораций федерального и регионального уровней публично-властных и управленческих отношений, пока еще окончательно не сложились собственная социокультурная и политическая идентичность, ресурсная база и институциональные формы. Отчасти именно второстепенной ролью местного сообщества в системе публично-властных и управленческих отношений объясняется недостаточное внимание ученых, экспертов к изучению вопросов коммуникации населения и органов власти на местном уровне.

На территории Республики Башкортостан процессы коммуникации граждан и органов власти, в конце XX века – в первом десятилетии XXI века развивались в условиях общенациональной трансформации системы политических и социальных отношений. Коммуникационное взаимодействие населения и органов власти в этот период носило неустойчивый характер. Если в начальный постперестроечный период активную позицию в коммуникационных процессах занимали многочисленные общественные и политические объединения общесоюзного (общероссийского), регионального и местного уровней, то к концу 90-х годов XX века роль ведущего (впоследствии - и доминирующего актора в процессах коммуникации) - прочно закрепились за органами государственной (республиканской/федеральной) и муниципальной власти.

Необходимо констатировать, что на протяжении всего постсоветского периода в России местные сообщества находятся в процессе становления и развития своего нового позднепостсоветского качества. Формирование местного сообщества – процесс длительный. Необходимо, чтобы население осознало свои интересы, т. е. достигло определенной степени социальной и политической зрелости, определяемой как местное сообщество [4, С.28]. Значительная часть населения российских регионов по-прежнему находится в рамках складывавшихся веками (патерналистски-иждивенческих) стереотипных моделей коммуникации между обществом и властью [3, С.81]. Подобные модели можно охарактеризовать как ассиметричные или модели без обратной связи. В таких случаях либо власть направляет коммуникационные импульсы обществу не получая на них ответной реакции в силу разного рода обстоятельств. Либо общественность обращается к власти и остается при этом не услышанной.

Некоторые изменения основных параметров коммуникации населения и органов власти на местном уровне в Республике Башкортостан обозначились во второй половине 2010 года в связи со сменой руководства региона. Действующий Президент Башкортостана Р. З. Хамитов в качестве одного из приоритетов своей политики определил реализацию курса на демократизацию общественно-политических отношений в республике, на использование большого спектра коммуникационных возможностей для выстраивания диалога между властью и обществом.

Тема развития коммуникационного взаимодействия между органами власти и населением была озвучена Президентом РБ и в выступлениях адресованных непосредственно руководителям муниципального уровня. Так в частности на III Съезде муниципальных образований Республики Башкортостан Р. З. Хамитов в своих докладах отмечал: «Сегодня существует обратная связь между людьми и властью. У вас есть Интернет-сайты, местные газеты, телевидение и радио... я вас настоятельно прошу – надо активнее поворачиваться к насущным проблемам, ежедневным запросам людей» [2, С. 23].

Подводя некоторые итоги рассмотрения современного состояния коммуникации населения и органов власти на местном уровне в Республике Башкортостан следует констатировать, что сложившаяся в регионе практика коммуникационного взаимодействия не приводит к формированию у местного населения качеств полноценного субъекта в процессах коммуникации с органами власти.

Для решения этих и других задач по повышению эффективности коммуникации населения с органами власти, в том числе и на местном уровне, руководством региона в настоящее время реализуется комплексный информационно-коммуникационный проект «Открытая республика». Данный проект призван обеспечить новые формы открытого диалога власти и граждан, выстроить долгосрочную стратегию развития коммуникационной среды, объединить в себе ранее начатые проекты по раскрытию информации и взаимодействия между гражданами и органами власти.

Список использованной литературы:

1. Казарян И.Р. Коммуникации как основа эффективного управления персоналом: учеб. пособие / И.Р. Казарян, С.П. Морозов. – Чита: ЧитГУ, 2011. – 159 с.
2. Материалы III Съезда муниципальных образований Республики Башкортостан. Уфа: Мир печати, 2010. - 31 с.
3. Местное самоуправление и муниципальная служба в системе властных отношений / С.Ю. Кабашов, И.Р. Гимаев, С.Н. Лаврентьев. Уфа, Гилем, 2006. - 186 с.
4. Мэтьюз Д., Макафи Н. Политика местной общины. М.: 1993. - 247 с.

КОММУНИКАТИВНАЯ МОДЕЛЬ КАК ДИДАКТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Р. А. Валеева

*Россия, г. Уфа, ГБОУ ВПО «Башкирская академия
государственной службы и управления
при Президенте Республики Башкортостан»*

Статья посвящена изучению особенностей межличностной коммуникации. Коммуникативная модель рассматривается автором как исследовательский метод и как действенное средство формирования навыков эффективной речи.

Article is devoted to studying of features of interpersonal communication. The communicative model is considered by the author as a research method and as effective means of formation of skills of effective speech.

Современная цивилизация предъявляет высокие требования к участнику межличностного взаимодействия. От говорящего требуется совершенное владение языковой системой, умение выразить мысль ясно, адекватное социальное поведение, способность психологического «чтения» собеседника и т. д. и т. п. Мы живем и общаемся в мире, в котором активно реализуются принципиально новые способы коммуникации, такие как «человек–машина», «машина–машина». Наука и современные информационные технологии стоят на пороге создания искусственного интеллекта и уже сегодня предлагают обществу говорящие компьютерные системы. При этом общество в своем большинстве демонстрирует крайне низкий уровень владения системой национального языка, повальное отсутствие коммуникативной культуры. Подобный перекося в развитии создает различные проблемы: социальные, духовные, цивилизационные.

В этих условиях возникает необходимость изучения механизмов речевой деятельности, исследования процессов межличностной коммуникации с целью создания эффективных методик, образовательных технологий, позволяющих обеспечить эффективную речевую деятельность каждого человека.

Принимая во внимание тот факт, что язык как общечеловеческий феномен – основное средство коммуникации, можно утверждать, что языковое развитие решает все вопросы интеллектуального развития, вопросы межличностного общения, духовности в широком смысле, поскольку язык неразрывно связан с личностью, а в личности сходятся интересы всех наук о человеке.

В докладе предлагается вниманию технология моделирования межличностной коммуникации. Моделирование в работе используется и как исследовательский метод изучения профессиональной коммуникации и как обучающий принцип.

В основе исследования лежит представление о коммуникативной модели.

Понятие модели рассматривается традиционно – как материальный или мысленно представляемый объект, который в процессе исследования замещает объект-оригинал так, что его непосредственное изучение дает новые знания об объекте-оригинале.

Коммуникативной моделью в работе называется типизированная ситуация межличностного общения, которая позволяет изучать внутренние компоненты этой ситуации и помогает выбирать наиболее эффективные варианты речевого поведения для достижения коммуникативной цели.

Изучение межличностной коммуникации в работе опирается также на принцип полевой интерпретации¹. В основе этого принципа лежит положение о сложности содержания объекта изучения. Полевое пространство предполагает факт множества элементов, наличие нескольких типов групп элементов и возможность включенности любого элемента в одну из групп. Применение полевого подхода дает возможность рассматривать ситуацию общения как некое пространство, состоящее из взаимосвязанных и взаимодействующих друг с другом элементов. Важным элементом теории поля является его специфическая структура, а именно – наличие ядра и периферии. Эта особенность определяет другую, не менее важную характеристику – иерархичность в отношениях между элементами поля.

Задачами данного исследовательского метода являются: выявление элементов, составляющих содержание коммуникативного полевого пространства; определение алгоритма анализа коммуникативной ситуации; создание образовательной технологии на основе моделирования речевой деятельности.

Известно, что носитель языка в своей жизнедеятельности в целом, а в профессиональной коммуникации, в частности, попадает в самые разные ситуации. Драматизм современного носителя языка заключается в том, что он чаще всего строит свою речь как придется, как сумеет, а это в большинстве случаев оказывается неэффективным. Изучение ситуаций общения на основе выявления типизированных признаков во многом способно повысить результативность коммуникации. Используя метод моделирования в конкретной ситуации общения, говорящий будет вести себя как опытный коммуникант: субъект речи получает возможность управлять ходом диалога, добиваться поставленной цели.

Межличностное общение рассматривается как сложная, многоаспектная деятельность. В качестве базовых понятий и категорий используются вид коммуникации, аспекты коммуникации, коммуникативное пространство и

¹ Принцип полевой интерпретации в лингвистических исследованиях имеет плодотворную традицию (Й. Трир, Л. Вейсгербер, Г. С. Шур, Ю. Н. Караулов, А. В. Бондарко, В. Г. Адмони).

его структура. Они составляют содержание полевого коммуникативного пространства. Элементами структуры коммуникативного пространства являются субъект и объект речи, канал связи, информация, обратная связь, ситуация [3]. В процессе моделирования конкретной ситуации общения перечисленные структурные элементы способны занимать в полевого пространстве разные места – они могут оказаться и в центре, и на периферии поля.

К содержательным характеристикам межличностной коммуникации мы относим лингвистический, психологический, когнитивный, социологический, этический аспекты [2]. Каждый из аспектов определяет специфику и набор компонентов коммуникативной модели в конкретной ситуации общения.

Коммуникативная модель использует все возможные формы реализации языка: устное и письменное, монологическое и диалогическое, контактное и дистантное, горизонтальное и вертикальное, активное (говорение, письмо) и пассивное (слушание, чтение) общение.

Каждый их перечисленных компонентов проявляет себя в разной степени интенсивности в зависимости от коммуникативной ситуации.

С помощью обозначенных рабочих единиц можно выстраивать типизированные ситуации, или коммуникативные модели.

Описываемый исследовательский метод предполагает три *опорные коммуникативные модели*¹.

Иерархическая модель строится на актуальности социологического аспекта. Здесь важно соблюдение ролевых отношений, установление коммуникативной вертикали в зависимости от должностного статуса говорящих. Иерархическая коммуникация опирается на приоритет прямой связи (устная речь). Преобладающей формой речи является монолог с ярко выраженной императивностью при передаче информации. Направление общения - сверху вниз. Характерной особенностью данной модели является ее нацеленность на позицию социальной элиты. Эффективность коммуникации определяется близостью позиции адресата к позиции социальной элиты и возможно более полной реализацией установок последней.

Демократическая модель предполагает диалоговый характер общения, горизонтальный характер связи и, значит, равноправные отношения коммуникантов. Отличительной чертой данной модели является акцент на добровольности общения и совместное принятие решений. Важной особенностью является активность двух аспектов – социологического и психологического. Эффективность демократической коммуникации достигается при условии добровольного сближения либо полного соединения позиций коммуникантов.

Либеральная модель предполагает актуальность психологического ас-

¹ Коммуникативные модели строятся с опорой на известную классификацию стилей руководства К. Левина: авторитарный, демократический, либеральный стили лидерства. См.: Мескон М. Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента: пер. с англ. – М.: Дело, 1997.

пекта, размытость форм общения, частое отсутствие цели коммуникации. На первый план здесь выходит обмен состояниями, то есть перцептивная функция общения. Либеральное общение реализуется в основном в бытовом общении, а также используется в современном светском общении, где основной функцией коммуникации является эстетическая.

На основе опорных моделей необходимо научиться строить *ситуативную модель*.

Моделирование межличностной коммуникации позволяет определить стратегию и тактику речевой деятельности [3]. Под речевой стратегией понимается планирование речевых действий, направленных на решение коммуникативной задачи говорящего.

Конечной целью описываемой технологии является формирование метакоммуникативной позиции участника общения [4]. Субъект общения с метакоммуникативной позицией – это языковая личность, обладающая знаниями всех возможных вариантов диалога, способный предвидеть реакцию собеседника, умеющий управлять ходом общения. Коммуникант, наделенный подобными свойствами, после ориентации в ситуации выбирает тип коммуникативной модели и определяет стратегию речевой деятельности. Затем он приступает к организации своей речевой деятельности. На этом этапе необходима тактическая техника. Каждая коммуникативная модель предполагает свой набор тактических приемов. Так, иерархическая модель нуждается в эффективных способах воздействия на аудиторию. Ритуальное, мифологическое и харизматическое общение представляют собой многократно выверенные, отработанные тысячелетиями способы влияния на массовую аудиторию. Они являются по сути эффективными технологиями управления иерархического социума. В демократической модели выбираются более тонкие способы воздействия, такие как перекодировка вербального сообщения в невербальное, обращение к топосу, нейролингвистическое программирование.

Умение строить ситуативную коммуникативную модель приближается к требованиям, выдвигаемым к понятию *культура профессиональной коммуникации*. Основными составляющими данного понятия являются готовность коммуникантов к общению, способность адекватно реагировать на коммуникативную ситуацию, нацеленность на активный обмен позициями и эффективность общения, ориентир на идею личного, организационного и общественного развития.

Признавая, что российское общество переживает в настоящее время непростой процесс интегрирования в мировое сообщество, следует также признать, что необходимым условием этого интегрирования становится соответствие международным стандартам профессионализма, будь то профессионализм в сфере экономических, политических, деловых, межличностных или межкультурных отношений. Коммуникативное образование становится, таким образом, важным средством формирования этого профессионализма,

и, если смотреть еще шире, способом преобразования наших социальных реальностей.

Таким образом, коммуникативная модель обеспечивает наиболее целостное и синтезированное описание межличностной коммуникации, а также способствует достижению эффективной речевой деятельности.

Список использованной литературы:

1. Валеева Р.А. Когнитивный аспект управленческой коммуникации // Когнитивный и коммуникативный аспекты дискурсивной деятельности: Материалы Международной научно-практической конференции, том 1. - Уфа: БашГУ, 2012. - С. 128-131.
2. Валеева Р.А. Основы административной риторики: учеб.-метод. комплекс. – Уфа: БАГСУ, 2010. - 66 с.
3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: ЛКИ, 2008.
4. Основы теории коммуникации / Под ред. М.А. Василика. – М.: Гардарики, 2003.
5. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. – М.: «Рефл-бук», 2001.

ХРИСТИАНСКИЙ И МЕДИЙНЫЙ ВЗГЛЯД НА ГИБЕЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

А. С. Иванов

*Россия, г. Уфа, ГБОУ ВПО «Башкирская академия
государственной службы и управления
при Президенте Республики Башкортостан»*

В статье рассматривается два видения гибели человеческой цивилизации. Первый взгляд – взгляд христианства, второй – взгляд современной киноиндустрии. В результате анализа автор выявляет схожие и особые черты в обоих взглядах на данный вопрос.

The article considers two visions of destruction of human civilization. First look – a look of Christianity, the second - a look of modern film industry. An analysis of the author reveals similarities and special features in the two views on the matter.

История человеческой цивилизации изобилует примерами различных катастроф и катаклизмов, которые связывались часто с природными явлениями или являлись деяниями самого человека. Из различных источников с разной степенью достоверности известно о гибели Атлантиды, Всемирном Потопе, исчезновении городов Содом и Гоморра, гибели минойской цивилизации на Крите и т. п. Впечатления от силы катаклизмов выражались в виде постоянного ожидания Конца Света. Особое влияние на характер ожиданий оказывала религия в лице христианства. В европейское Средневековье любое прояв-

ление разрушительной силы (например, чума, войны, голод) рассматривалось как реализация воли Божьей. В качестве ориентира для Конца Света выступала определенная дата (круглая – 1000 год или, напоминающая о темных силах – «число зверя» 1666 год), либо экстренное событие или череда событий. Впрочем, в современную эпоху, эти страхи также остаются актуальными. В течение всего XX – начала XXI вв. различные религиозные секты неоднократно ожидали гибели человечества. Правда и поводы для этого находились вполне реальные. Практически всю вторую половину XX в. люди жили в страхе перед возможностью ядерного уничтожения планеты («Холодная Война», Чернобыльская катастрофа). В конце XX в. эти страхи дополнились боязнью многочисленных землетрясений, цунами, вулканов, падения метеоритов и т. п. За последние 20 лет человечество последовательно пережило «второй Миллениум» (2000 г.), «атипичную пневмонию» в ряде стран Юго-Восточной Азии (2002–2003 гг.), разрушительное цунами в Таиланде (2004 г.), «куриный грипп» (2008 г.), извержение вулкана Эйяфьятлайокудль на юге Исландии (2010 г.), аварию на японской АЭС «Фукусима-1» (2011 г.), истерию по поводу окончания летоисчисления по календарю майя (2012 г.), падение «челябинского метеорита» (2013 г.). Все эти события только подогрели интерес к теме возможной гибели человечества в недалеком будущем. Однако если в период до Нового Времени этот вопрос находился под влиянием религии (христианства), то после – на их характер стали оказывать воздействие новейшие средства массовой коммуникации, такие как кино и производящая его киноиндустрия.

Итак, почему наступает Конец Света, как он проявляется и к чему приводит? Христианство и современная киноиндустрия дают разные по содержанию ответы на эти вопросы.

Христианская картина. Христианство языком священных книг видит причину наступления гибели человечества в деградации людей. В Евангелии от Иоанна написано: «...Суд же состоит в том, что свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы...» (гл. 3, ст. 19).

Гибель людей происходит от разрушительного действия различных стихий. Во Втором Послании Петра имеется следующее описание: «... Придет же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят...» (гл. 3, ст. 9-15). Впрочем, процесс гибели людей очень сложен и состоит из семи этапов, которые начинают последовательно воплощаться в реальность после срыва такого же количества печатей с запечатанной книги (Откровение Святого Иоанна Богослова (Апокалипсис), гл. 8, ст.7-13; гл. 9, ст. 1-5, 13-18; гл.11, ст. 9-11). Динамику процесса можно описать следующим образом: 1) град и огонь, смешавшись с кровью, падают на землю, уничтожив треть деревьев и всю зеленую траву (первая печать сорвана); 2) большая гора, пылающая огнем, низвергается в море, приведя к гибели трети морских тварей и человеческих

судов (вторая печать сорвана); 3) большая звезда «Полынь» падает на реки и источники вод, отравляя их третью часть; люди, опробовавшие отравленной воды, погибают (третья печать сорвана); 4) небо затемняется, приведя к заволакиванию трети Солнца, трети Луны и трети небесных звезд; день перестает быть днем, а ночь – ночью (четвертая печать сорвана); 5) на землю падает звезда, которая раскалывает ее; из образовавшейся расщелины вылетает саранча, которая начинает мучить людей, не отмеченных печатью Бога, в течение пяти месяцев (пятая печать сорвана); 6) землю последовательно охватывают четыре бедствия: Болезнь, Война, Голод и Смерть¹; в результате их воздействия погибает третья часть людей (шестая печать сорвана); 7) оставшиеся в живых люди в течение трех с половиной дней лицезреют останки умерших людей, часть из которых оживает по прошествии данного срока (седьмая печать сорвана).

В результате, только небольшая часть людей, отмеченных печатью Бога, остается на планете для ее возрождения. Итоговая картина выглядит таким образом:

«...И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет.

И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего.

И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их.

И отрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло...» (Откровение Иоанна Богослова гл. 21, ст. 1-7).

Таково христианское видение гибели человечества, которое по своей сути является моделью его перерождения. Человечество воскрешается в новом более благопристойном облике.

Медийная картина. Для современной киноиндустрии характерно рассмотрение темы гибели человечества в виде различных сценариев постапокалиптического характера, отличающихся между собой магистральными направлениями. В основе каждого направления лежит определенная причина гибели человечества. Поэтому можно выделить следующие сценарные варианты катастрофы человеческой цивилизации².

Угрозы земного происхождения.

«Экологические катаклизмы» («Поток», 1989 г.; «Помутнение разума», 1992 г.; «Водный мир», 1995 г.; «Искусственный разум», 2001 г.; «После Апока-

¹ По одной из версий их прообразом стали «Четыре всадника Апокалипсиса», изображенные на гравюре немецкого художника Альбрехта Дюрера. См., например, статью «Четыре всадника Апокалипсиса» // http://ru.wikipedia.org/wiki/Всадники_Апокалипсиса.

² При описании сценариев использовались материалы сайта kinopoisk.ru.

липсиса», 2004 г.; «Послезавтра», 2004 г.; «Извержение», 2006 г.)¹. Сила природы является причиной того, что человечество оказывается на краю гибели. Буйство стихии приводит к гибели большей части людей. Оставшаяся часть вынуждена продолжать существование в качественно иных условиях, где все ресурсы ограничены.

«Глобальная война» («Гибрид», 1997 г.; «Почтальон», 1997 г.; «Дорога», 2009 г.; «Книга Илая», 2010 г.). Большая часть человечества погибает в результате применения техногенного оружия массового уничтожения (атомное, ядерное или иное). Оставшиеся в живых существуют в условиях беззакония и конкуренции за ресурсы с другими выжившими.

«Генетические заболевания» («Двенадцать обезьян», 1995 г.; «28 дней спустя», 2002 г.; «Я – легенда», 2007 г.; сериал «Ходячие мертвецы», 2010 г.; «Потерянное будущее», 2010 г.). Большинство людей погибают в результате эпидемии. Причиной гибели становится новейший лабораторный вирус, который приводит к заражению людей. Выжившие оказываются в условиях ограниченных и постоянно уменьшающихся ресурсов.

«Истощение ресурсов» («Крепость», 1993 г.; «Пандорум», 2009 г.). Важнейшие ресурсы на планете оказываются исчерпанными. Большинство людей погибает от их недостатка. Оставшиеся в живых люди вынуждены либо покинуть планету, либо существовать в условиях недостатка ресурсов.

«Победа другого разумного интеллекта» («Планета обезьян», 1968 г.; «Терминатор», 1984 г.; «Солдат апокалипсиса», 1996 г.; «Матрица», 1999 г.). Прогресс человеческих технологий приводит к возникновению других форм интеллекта. Развиваясь и совершенствуясь, они захватывают власть на планете, стараясь истребить человечество. Мир становится ареной борьбы людей за свое существование с превосходящими возможностями захватчиков.

Угрозы неземного происхождения.

«Воздействие космических тел» («Столкновение с бездной», 1998 г.; «Пекло», 2007 г.; «Последний час Земли», 2009 г.; «Столкновение с кометой», 2009 г.; «2012», 2009 г.; «Меланхолия», 2011 г.). Планета подвергается воздействию инородного космического тела, столкновение с которым способно погубить все живое и изменить человеческий миропорядок. В результате контакта с ним, на планете погибает большая часть человечества. Выжившие в условиях недостатка ресурсов вынуждены восстанавливать остатки прежних общественных институтов и адаптировать их к новым условиям. В некоторых случаях человечество исчезает окончательно.

«Воздействие инопланетных форм жизни» («Титан: после гибели Земли», 2000 г.; «Поле битвы: Земля», 2000 г.; «Обливион», 2013 г.). В результате вторжения инопланетных форм жизни, человечество сталкивается с угрозой истребления. Оно вынуждено бороться с превосходящими силами захватчиков.

¹ В скобках перечисляются фильмы, в которых описывается соответствующий сценарий гибели человечества и год выхода на экраны.

Таковы основные магистральные направления сценариев гибели человечества по версии современной киноиндустрии. В большинстве случаев речь идет не о тотальной гибели людей, а о крушении прежних основ общества и сложении качественно иного порядка.

Если сопоставить два видения гибели человеческой цивилизации, то можно выявить ряд общих и особых черт. Для обоих вариантов характерно сочетание природных катаклизмов и человеческих действий в качестве причины уничтожения человечества. Причиной чаще всего выступает порча человеческих нравов, которая и приводит к возмездию. Более того, в некоторых случаях главные герои обращаются к Богу с просьбой о помощи и прощении, что связывает современные представления с традиционными христианскими. Однако в христианской версии Конец Света предстает как многокомпонентный процесс, в котором на каждом этапе, разворачивается новое действие. Христианское представление воспринимается более цельным и органичным, хотя и лежащем в русле одного сценарного направления. Человечество возрождается для жизни на нашей планете, чтобы заново постичь истину.

Взгляд современной киноиндустрии многовариантен, т. е. имеет в своей основе целый спектр сценариев, которые широко охватывают все возможные угрозы существованию человечества. Вместе с тем, видение киноиндустрии более дробно, ибо сценарные возможности в рамках одного проекта могут охватить только одно направление. Это помогает придерживаться четкости в линии изложения событий и уложиться в существующие стандарты хронометража. В то же время, характер сюжетной линии обычно специально упрощен для адекватного массового восприятия: в большинстве случаев рассматривается конкретный человек с характерными проблемами, а катаклизмы выступают в качестве фона, где он себя проявляет. Последующее возрождение человечества не во всех случаях связывается с продолжением жизни на Земле.

Таким образом, христианское представление о Конце Света более органично и разнообразно, имеет глубокий философский смысл, а медийное представление – многовариантно и упрощено для обыденного человеческого восприятия.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА МЕЖДУНАРОДНОМ РЫНКЕ ТРУДА

З. Р. Ахунова

*Россия, г. Уфа, ГБОУ ВПО «Башкирская академия
государственной службы и управления
при Президенте Республики Башкортостан»*

В статье проанализированы принципы, меры и задачи государственной миграционной политики Российской Федерации на международном

рынке труда. Автор предлагает варианты развития основных направлений для реализации потенциала и сбалансированного развития.

In the article there have been analyzed principles, measures and tasks of the RF state migration policy on the international labor market. The author suggests variants of developing main directions for realization of potential and balanced development.

Российские эксперты соревнуются в оценках потребности страны в рабочей силе, их зарубежным коллегам, кажется, нечего обсуждать, кроме непрерывно приближающегося демографического и социального коллапса, народ волнуется по поводу подступающих волн миграции с Кавказа и из Китая, а правительство принимает противоречивые решения и миграционные законы, не находящие ничего, кроме критики.

Государственная миграционная политика Российской Федерации основывается на следующих принципах:

- согласования государственных интересов России и интересов субъектов Федерации;
- обеспечения прямого действия Конституции Российской Федерации и применения федеральных законов в области регулирования миграционных процессов и защиты законных прав мигрантов на территории субъектов Российской Федерации;
- единообразного применения в субъектах Федерации федеральных стандартов в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина, лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, защиты законных прав мигрантов;
- недопустимости дискриминации мигрантов по признаку расы, национальности, языка, происхождения, места жительства, отношения к религии, пола, социальной принадлежности, убеждений;
- дифференцированного подхода к регулированию различных видов миграций (добровольных/вынужденных, внешних/внутренних, законных/нелегальных, на постоянное проживание/временное проживание/транзитные, российских граждан/иностранцев и апатридов и др.);
- стимулирования рационального территориального распределения вынужденных мигрантов;
- квотирования приема беженцев и предоставления временного убежища.

На самом деле, анализ показал, что проблема миграции в России не содержит в себе критических противоречий. Во-первых, очевидно, что миграционная проблема России тесно связана с демографической проблемой.

Для того чтобы воспользоваться «окном возможностей», необходимо определить, какой путь ведет к реализации потенциала и сбалансированному развитию. Реально возможны три варианта развития:

1. Сценарий, подразумевающий уход государства практически из всех сфер экономической деятельности, открытие страны внешнему миру и приватизацию большинства социальных функций. Этот сценарий может привести к существенному экономическому росту, более высокому в краткосрочной перспективе, чем в любом другом сценарии. Однако вероятность его реализации невелика. Это связано с невозможностью быстрого построения институциональных основ рынка, жизненно важных в условиях либеральной экономики, неспособностью большинства российских предприятий конкурировать на равных с иностранными участниками рынка.

2. Расширение прямого участия государства в регулировании экономических и общественных отношений, означающее необходимость существенного увеличения сбора налогов и инвестиционной экспансии государства, не способно создать благоприятные условия для развития предпринимательской активности. Государство и экономика станут заложниками неэффективных менеджеров и чиновников. Кроме того, данный вариант подразумевает сохранение закрытой структуры экономики, которая не позволит реально участвовать в международном разделении труда и может привести к дальнейшему технологическому отставанию нашей страны от развитых стран. Попытки увеличения реального налогового бремени приведут лишь к усилению оттока капитала и дальнейшей криминализации экономики и общества. Расширение функций государственной власти сделает государственную машину еще менее управляемой, усилит коррупционные механизмы и не позволит установить цивилизованные отношения между государством и гражданским обществом.

3. Сценарий модернизации, основанный на высвобождении частной инициативы и усилении роли государства в обеспечении благоприятных условий хозяйствования, включая финансовую и социальную стабильность, балансирует элементы двух других вариантов стратегии. Вместо социального государства (патернализма) и приватизации социальных функций (радикального либерализма) создается «субсидиарное» государство, которое обеспечивает социальные гарантии в той мере, в которой обществу не может этого сделать самостоятельно. Вместо полной закрытости или открытости страны делается ставка на активную интеграцию России в мировое сообщество и хозяйство при одновременной защите российских производителей от недобросовестной конкуренции со стороны иностранных участников рынка. Это – политика здравого смысла, предлагающая реальные решения соответствующих проблем с учетом существующих на сегодня бюджетных и общих ресурсных ограничений. Программа модернизации позволяет минимизировать социальные издержки преобразований и отражать угрозы финансового кризиса.

Целью долгосрочной социально-экономической политики правительства Российской Федерации является последовательное повышение

уровня жизни населения на основе самореализации каждого гражданина, снижения социального неравенства, сохранения независимости и культурных ценностей России, восстановления экономической и политической роли страны в мировом сообществе. Достижение этой цели невозможно без раскрепощения общества, позволяющего включить его внутренние источники развития. В стране должно возобладать оптимистическое мировосприятие, должно восстановиться практически полностью утраченное доверие между гражданами и государством, между гражданами и бизнесом, между бизнесом и властью.

Составляющие значительный объем экономически активного населения нелегальные мигранты оказывают на рынок труда неоднозначное действие: с одной стороны, заполнение рабочих мест, не пользующихся спросом у российских граждан, а также создание дополнительных рабочих мест в малом бизнесе, с другой стороны, уход в теневую сферу и криминализация деятельности. Эти обстоятельства требуют комплексного решения проблемы использования иностранной рабочей силы с учетом интересов национального рынка труда.

На международном рынке труда нашему государству следует предпринять ряд мер:

- совершенствование нормативной правовой базы по вопросам привлечения и использования иностранной рабочей силы, а также порядка въезда, выезда и пребывания иностранных граждан в России с учетом целей въезда и сроков нахождения на территории России;
- создание условий для повышения мобильности рабочей силы на базе создания системы экономических и социальных стимулов с учетом прогнозов социально-экономического развития Российской Федерации;
- достижение баланса между использованием национальных трудовых ресурсов и привлекаемой иностранной рабочей силы с учетом реальных возможностей субъектов Российской Федерации по приему и обустройству иммигрантов, а также приоритетного использования российских граждан на региональном рынке труда;
- совершенствование механизма сбора и распространения информации о возможностях трудоустройства незанятых граждан из числа мигрантов в благоприятных для расселения районах;
- создание условий для легализации мигрантов, осуществляющих трудовую деятельность на территории России;
- внедрение эффективных механизмов профилирования безработных граждан, предусматривающих разделение категорий зарегистрированных безработных на половозрастные, социально-профессиональные группы, группы, различающиеся по степени активности и методам поиска работы;

– создание экономических и социальных условий для ликвидации факторов, обуславливающих наличие элементов дискриминации на рынке труда по национальному и иным признакам;

– обеспечение возможности для наименее социально защищенных категорий граждан получения в полном объеме предоставляемых органами службы занятости услуг по повышению их конкурентоспособности на рынке труда;

– консолидация финансовых средств для реализации мероприятий по содействию занятости иностранных граждан и повышению эффективности их использования.

Особого внимания требует регулирование китайской иммиграции в связи с тем, что в перспективе китайцы будут составлять существенный компонент на рынке труда России. Поэтому очень важно наработать опыт сотрудничества с ними. Именно это, а не миграционный контроль, является главным направлением политики в отношении иммиграции китайцев.

При реализации миграционной политики перед федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Федерации, федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Федерации, общественными объединениями должны быть поставлены следующие задачи:

1) в политической и государственно-правовой сфере:

– выработка государственных мер раннего предупреждения конфликтов в регионах, связанных с притоком мигрантов, их обустройством и интеграцией в местную среду;

– достижение согласия между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Федерации о разграничении полномочий по вопросам регулирования миграционных процессов и допустимых инструментах реализации миграционной политики;

– принятие федеральных законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации для ликвидации имеющихся пробелов в сфере регламентирования миграционных процессов, свободы передвижения, выбора места жительства и пребывания граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства, использования иностранной рабочей силы;

– разрешение противоречий между федеральными законами, нормативными правовыми актами Федерации и законами, нормативными правовыми актами субъектов Федерации, регулирующими миграционные процессы и смежные вопросы;

– согласование интересов Российского государства и субъектов Федерации при разработке и реализации миграционных программ и принятии оперативных мер, затрагивающих интересы мигрантов;

– защита и обеспечение законных прав и интересов мигрантов;

– снятие противоречий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Федерации в области миграционной политики путем согласительных процедур на основе Конституции Российской Федерации, конституций (уставов) субъектов Российской Федерации, а также соответствующих договоров и соглашений между субъектами Российской Федерации;

2) в социально-экономической сфере:

– регулирование миграционных процессов с учетом социально-экономической ситуации в регионах, уделение особого внимания ситуации на рынках труда, жилья, развитию социальной, культурно-бытовой и инженерной инфраструктуры;

– создание условий для приема и размещения мигрантов, их обустройства;

– учет миграционной нагрузки отдельные регионы при формировании федерального бюджета и бюджетов субъектов;

– учет традиций хозяйствования и природопользования, экологической обстановки при регулировании миграционных потоков в регионах;

– рациональное использование трудового потенциала, опыта хозяйственной деятельности и квалификации мигрантов;

– разработка и реализация региональных и межрегиональных программ социально-экономического развития;

– развитие государственных систем коммуникации и информации в целях информирования потенциальных мигрантов о ситуации в регионах;

– содействие общественным организациям мигрантов.

3) в области внешней политики:

– выработка и осуществление на межгосударственном уровне механизмов решения проблем беженцев, лиц, ищущих убежище, и вынужденных переселенцев;

– сотрудничество государств - бывших республик СССР в предотвращении и мирном разрешении этнополитических и региональных конфликтов;

– заключение межгосударственных договоров и соглашений Российской Федерации по регулированию межгосударственных миграций и обмену соответствующей информацией с заинтересованными странами происхождения мигрантов, прибывающих в Россию;

– присоединение России к межгосударственным соглашениям о правах трудящихся - мигрантов;

– достижение межгосударственных и межправительственных договоренностей Российской Федерации (в первую очередь с сопредельными государствами) по упрощению приграничной торговли, облегчению культурных, бытовых и иных контактов;

- содействие реализации прав зарубежных российских соотечественников на полноправное социально-политическое, экономическое и культурное развитие в странах проживания и обеспечение духовных и иных связей с Россией;

- реализация международных и двухсторонних соглашений о защите национальных меньшинств.

4) в духовной сфере:

- объективное информирование населения Российской Федерации о специфике психологии мигрантов (особенно вынужденных), мотивации и проблемах мигрантов, сложностях их адаптации;

- формирование и распространение идей духовного единства, дружбы народов, общественного и межнационального согласия, культивирование чувства российского и национального патриотизма;

- распространение знаний об истории и культуре народов России и стран нового зарубежья;

- учет национальных обычаев, традиций и обрядов мигрантов, принадлежащих к национальным меньшинствам.

Решения в области иммиграции и натурализации должны приниматься, исходя из баланса интересов четырех сторон – бизнес-структур, заинтересованных в мобильном и качественном рынке труда; органов внутренних дел, отвечающих за правопорядок; местного населения и местных властей, зачастую настроенных против иммигрантов, и иммигрантов – потенциальных жителей и тружеников страны. Государство в итоге получает сбалансированную систему привлечения и удержания миграционного потока, отвечающего заданным характеристикам – квалификационным, образовательным, половозрастным, языковым и культурным. Принципиальное значение имеет и укрепление геокультурной периферии как возобновляемого источника такого ресурса.

В разработке и реализации государственной миграционной политики наряду с ФМС России призваны участвовать следующие федеральные органы исполнительной власти: Минрегион России, Миннац России, Минсотрудничество России, Минюст России, МВД России, Минэкономики России, Минфин России, МИД России, Минтруд России, Минздрав России, Минобрнауки России, Минкультуры России, МИД России, МЧС России, Государственный земельный комитет Российской Федерации, Государственный комитет Российской Федерации по строительной, архитектурной и жилищной политике, Госкомпечати России, ВГТРК и другие заинтересованные органы.

Для реализации государственной миграционной политики правительство Российской Федерации при формировании проектов федерального бюджета ежегодно должно предусматривать средства на финансирование соответствующих мероприятий.

Выбор наиболее обоснованного варианта государственного регулирования стабилизирует процесс миграции рабочей силы, что в свою очередь будет способствовать повышению эффективности функционирования экономики страны в целом.

ИНАУГУРАЦИОННАЯ РЕЧЬ ПРЕЗИДЕНТА И ЕЁ ВЛИЯНИЕ НА ИМИДЖ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА

Е. М. Лебедева

*Россия, г. Уфа, ГБОУ ВПО «Башкирская академия
государственной службы и управления
при Президенте Республики Башкортостан»*

В статье анализируются инаугурационные речи американских президентов, определяется их структура и влияние на имидж политического лидера (на примере 58 инаугурационных речей американских президентов).

In the article analyzed inaugural addresses of the US Presidents, defines the structure and their influence on image of Presidents (by the example of 58 inaugural addresses of the US Presidents).

Передача власти во все времена и в любой стране мира вызывает огромный интерес. Это политическое действие, в котором принимает участие вся страна, все слои общества: король и подданные, президент и граждане. Они являются полноправными участниками, и отсутствие кого-либо лишает смысла эту процедуру. Король даёт клятву заботиться о своих подданных, подданные выступают свидетелями этой клятвы. Президент принимает присягу и клянётся честно выполнять обязанности, поддерживать, охранять и защищать Конституцию Соединённых Штатов, граждане США выступают свидетелями этого торжественного события. Происходит объединение лидера и народа в единое целое.

Смена власти и правительства нуждается в символической инсценировке, в строго регламентированных церемониальных действиях. В церемониалах существенную роль играет внешний компонент – сценарий (процедура проведения инаугурации), декорации (место проведения инаугурации), а также символы и мифы, в которых выражаются идеологические ценности нации.

Инаугурация – это торжественная процедура вступления в должность вновь избранного главы государства, одна из самых пышных и красочных политических церемоний США, возникшая одновременно с институтом президентства. Первая инаугурация в истории США прошла 30 апреля 1789 года в Нью-Йорке в «Федерал Холле». Президентом был избран Дж. Вашингтон. Инаугурация служит утверждению и упрочению имиджа страны и имиджа президента.

В церемонии инаугурации сохранены традиции коронации европейских монархов. Торжественная атмосфера инаугурации способствует созданию символических политических ритуалов. Государственный флаг, знаки президентского отличия, Библия вызывают в массовом сознании мифологизированные эмоции и ассоциации и создают новые мифы. Выработка политических ритуалов играет важную роль в создании и укоренении в общественном сознании патриотических чувств.

Инаугурационная речь – первое выступление избранного президента. Произнесение инаугурационной речи является политическим действием, так как факт произнесения речи является актом формального введения нового президента в должность.

Инаугурационная речь является хвалебной речью по торжественному случаю. Она объединяет нацию и утверждает ценности данного общества. Общий настрой инаугурационных речей отличает возвышенность, торжественность, образность, что подчеркивает важность и уникальность политического события.

В американской политической культуре сложились и выработались определенные нормы и принципы церемонии инаугурации президента.

На западной лестнице Капитолия в присутствии конгрессменов и сенаторов в полдень председатель Верховного суда приводит к присяге избранного президента. В соответствии с 1-й главой 2-й статьи Конституции США новоизбранный президент приносит присягу на Библии: «Я торжественно клянусь, что буду добросовестно выполнять обязанности Президента Соединенных Штатов и делать всё, что в моих силах, чтобы поддерживать, охранять и защищать Конституцию Соединенных Штатов».

После произнесения президентской присяги первый президент США Джордж Вашингтон добавил фразу, которая также стала традиционной: «И да поможет мне Бог!».

Далее президент выступает с инаугурационной речью, которая является одновременно обращением к нации и декларацией политических принципов новой администрации.

Если церемония инаугурации президента происходит в строгой последовательности, то его инаугурационная речь исключительно индивидуальна, хотя и она имеет чёткую структуру.

Всего американскими президентами было произнесено 58 речей. Из которых 22 президента произнесли по 1 речи, 16 президентов произносили свои речи по 2 раза, Франклин Д. Рузвельт обращался к своим согражданам с инаугурационными речами 4 раза и 5 президентов не произносили инаугурационных речей, т. к. вступали на пост президента при трагических обстоятельствах досрочного ухода или гибели президентов.

Принятие присяги и произнесение инаугурационной речи одновременно является актом формального введения в должность нового президента. Инаугурационная речь является важнейшей составляющей торжественной

церемонии, в ней соединяется осмысление прошлого и будущего нации на фоне настоящего, воздается хвала всему, что объединяет американский народ, новый президент провозглашает основные принципы своего правления.

Впервые текст инаугурационной речи был напечатан в газете в 1801 году, когда президентскую присягу принимал Томас Джефферсон в новой столице США Вашингтоне. С 1857 года речь в газете стала сопровождаться фотографиями, а с изобретением радио и телевидения – транслироваться на весь мир. Первая радиотрансляция прошла в 1925 году (К. Кулидж), первая телетрансляция – в 1949 (Г. Труман), с 1961 года она стала транслироваться в цветном изображении (Д. Кеннеди). В 1969 году инаугурационная речь Ричарда Никсона транслировалась со спутника по всему миру. Президент Билл Клинтон в 1997 году стал первым главой США, чья инаугурация транслировалась on-line в сети Интернет.

Рассмотрим структуру инаугурационных речей.

Первой обязательной составляющей инаугурационной речи является утверждение единства нации в столь знаменательный момент ее истории:

L.Johnson\Л. Джонсон:

«My fellow countrymen, on this occasion, the oath I have taken before you and before God is not mine alone, but ours together. We are one nation and one people. Our fate as a nation and our future as a people rest not upon one citizen, but upon all citizens».

«Мои соотечественники, клятва, которую я дал перед вами и перед Богом, не только моя, но и наша вместе. Мы одна нация и один народ. Наша судьба как нации и наше будущее как людей держится не на одном человеке, а на всех гражданах».

Второй составляющей является выражение похвалы и благодарности в адрес предшественника и признание его заслуг перед страной.

G. Bush\Дж. Буш:

«There is a man here who has earned a lasting place in our hearts - and in our history. President Reagan, on behalf of our nation, I thank you for the wonderful things that you have done for America».

«Есть человек, который заслужил прочное место в наших сердцах и нашей истории. Президент Рейган, от имени нашего народа я благодарю Вас за всё то прекрасное, что вы сделали для Америки».

Третьей составляющей является выражение благодарности тем, кто доверил вновь избранному президенту этот великий пост.

R.Reagan\Р. Рейган:

«There are no words adequate to express my thanks for the great honor that you have bestowed on me. I will do my utmost to be deserving of your trust».

«Нет слов выразить мою благодарность за великую честь, что вы даровали мне. Я сделаю все возможное, чтобы оправдать ваше доверие».

Четвёртой составляющей инаугурационной речи является выражение надежды на поддержку и помощь.

Н.Труман\Г. Труман:

«I accept with humility the honor which the American people have conferred upon me. I accept it with a deep resolve to do all that I can for the welfare of this Nation and for the peace of the world. In performing the duties of my office, I need the help and prayers of every one of you. I ask for your encouragement and your support. The tasks we face are difficult, and we can accomplish them only if we work together».

«Я принимаю со смирением честь, которую американский народ возложил на меня. Я принимаю её с глубокой решимостью сделать все, что я могу на благо этой страны и для мира во всем мире. При исполнении моих обязанностей мне нужна помощь и молитва каждого из вас. Буду признателен Вам за ваше содействие и вашу поддержку. Стоящие перед нами задачи трудны и мы сможем выполнить их, если будем работать вместе».

Обязательной составляющей инаугурационной речи является тема «величие нации».

Дж. Монро\Дж. Монро:

«Under the favor of a gracious Providence, to attain the highest destiny which seems to await us».

«При содействии милосердного провидения мы выполним нашу историческую миссию, которая выпала на нашу долю».

Величие нации неразрывно связано с утверждением национальных ценностей, подчеркивается необходимость сохранения традиционных ценностей.

«The great men did their work, they left us the splendid heritage we now enjoy. We in our turn have an assured confidence that we shall be able to leave this heritage unwasted and enlarged to our children and our children's children».

«Отцы-основатели делали свое дело, они оставили нам великодушное Наследие, которым мы сейчас пользуемся Мы в свою очередь заверяем с уверенностью, что мы сможем оставить это наследие неразтраченным и увеличенным нашим детям и нашим внукам».

Наиболее часто упоминаемыми ценностями в инаугурационных речах американских президентов являются политические ценности – федерализм, либерализм, демократизм, толерантность. Социальные ценности – безопасность личности и общества, мир, суверенитет, правовое государство, территориальная целостность, стабильность, благополучие, общественный порядок. Социальные ценности общества – права личности, безопасность общества, демократия, плюрализм, культура и образование, ответственность. Религиозные ценности, витальные ценности – сохранение и укрепление здоровья, экология. Эмоциональные ценности – любовь, дружба, гордость за страну.

Дж. Монро\Дж. Монро:

«National honor is national property of the highest value. The sentiment in the mind of every citizen is national strength. It ought therefore to be cherished».

«Национальная честь – это высочайшее достоинство страны. И эта мысль в сознании каждого гражданина становится самой большой национальной силой. Поэтому её надо поддерживать любыми способами».

Ценность: национальная честь.

J. Monroe\Дж.Монро:

«Our great resources...virtue, patriotism and intelligence of our fellow-citizens».

«А главнейшим нашим ресурсом является добропорядочность, патриотизм и ум наших соотечественников».

Ценность: патриотизм, добропорядочность.

B. Clinton\Б. Клинтон:

«Not change for change sake, but change to preserve America's ideals – life, liberty, the pursuit of happiness».

«Не изменения ради изменения, а ради сохранения американских идеалов – жизнь, свобода, стремление к счастью».

Ценность: американские идеалы, жизнь, свобода.

B. Obama\Б. Обама:

«Our challenges may be new. The instruments with which we meet them may be new. But those values upon which our success depends -- honesty and hard work, courage and fair play, tolerance and curiosity, loyalty and patriotism -- these things are old. These things are true. They have been the quiet force of progress throughout our history».

«Проблемы, стоящие перед нами, могут быть новыми. Способы решения их могут быть новыми. Но те ценности, от которых зависит наш успех – трудолюбие и честность, отвага и справедливость, терпимость и интерес к миру, преданность и патриотизм – известны нам давно. Это подлинные ценности. Они были той движущей силой, которая обеспечивала прогресс на протяжении нашей истории». Ценность: патриотизм, справедливость, честность, трудолюбие. Следующей обязательной составляющей является провозглашение новым президентом принципов своего правления.

W.H.Harrison\У. Харрисон:

«...let me to present to you a summary of the principles which will govern me in the discharge of the duties...».

«...разрешите мне представить вам основные принципы, которыми я буду руководствоваться при исполнении моих обязанностей...».

Президент излагает основные положения программы действий, упоминает насущные проблемы дня. Несмотря на торжественный, праздничный характер церемонии, президент считает необходимым показать свое понимание и озабоченность проблемами, которые волнуют все общество, тем самым еще раз демонстрируя единение с народом и уверенность в преодолении всех трудностей.

F.D.Roosevelt\Ф. Рузвельт:

«In such a spirit on my part and on yours we face our common difficulties. They concern, thank God, only material things. Values have shrunk to fantastic levels; taxes have risen; our ability to pay has fallen; government of all kinds is faced by serious curtailment of income; the means of exchange are frozen in the currents of trade; the withered leaves of industrial enterprise lie on every side; farmers find no markets for their produce; the savings of many years in thousands of families are gone. This great Nation will endure as it has endured, will revive and will prosper».

«С таким настроением мы с вами встречаем наши общие трудности. Слава Богу, они касаются только материальных вещей. Текущие показатели снизились до фантастического уровня, налоги выросли, наша платежеспособность упала, власти всех уровней сталкиваются с серьезным сокращением дохода, средства обмена заморожены в торговых потоках, повсеместно замирают промышленные предприятия, фермеры не находят рынков для своей продукции, пропали многолетние сбережения тысяч семей. Эта великая страна выстоит, как это бывало и прежде, возродится и расцветет».

Далее Президент демонстрирует понимание своей ответственности, готовность и способность выступить в качестве лидера великой страны.
G.W. Bush\Дж. Буш мл.:

«I am honoured and humbled to stand here, where so many of America's leaders have come before me, and so many will follow».

«Мне выпала огромная честь и одновременно испытание стоять здесь, куда так много лидеров Америки приходило до меня, и так много ещё придут».

В заключительной части своей речи новый президент демонстрирует смирение и покорность перед лицом нации и Всевышнего.

G. Bush\Дж. Буш:

«And my first act as President is a prayer. I ask you to bow your heads: Heavenly Father, we bow our heads and thank You for Your love...». «И моим первым действием на посту президента будет молитва. Я прошу склонить Вас головы:

Отец Небесный, мы склоняем головы и благодарим тебя за твою любовь...». «God bless you and God bless the United States of America».

«Господь хранит вас и Господь хранит Соединённые Штаты Америки».

Всей церемонии инаугурации и инаугурационной речи президента присущи возвышенные эмоции, отражающие величие момента: восторг, национальную гордость, патриотический подъём, чувство сопричастности с великим моментом истории, единение, радость, благодарность, любовь. Все эти эмоции отражаются на стиле речи: возвышенном и высокопарном.
B. Obama\Б.Обама:

«In reaffirming the greatness of our nation we understand that greatness is never a given. It must be earned. We remain the most prosperous, powerful nation on Earth».

«Подтверждая величие нашей нации, мы понимаем, что величие не дается даром. Его необходимо добиваться. Мы остаемся самой процветающей, самой могущественной страной в мире».

Это помогает аудитории не просто испытать, но и осознать патриотические чувства, столь значимые для всех в момент единения нации.

Выводы

Структура инаугурационной речи американских президентов представляет собой:

1. Утверждение единства нации в столь знаменательный момент ее истории.

2. Выражение похвалы и благодарности в адрес предшественника и признание его заслуг перед страной, выражение благодарности тем, кто доверил этот великий пост.

3. Выражение надежды на поддержку и помощь.

4. Объединяющая и вдохновляющая тема «величие нации».

5. Утверждение национальных ценностей, приверженность к традиционным ценностям и необходимость их сохранения.

6. Провозглашение новым президентом принципов своего правления.

Президент излагает основные положения программы действий, упоминает насущные проблемы дня. Несмотря на торжественный, праздничный характер церемонии считает необходимым показать своё понимание и озабоченность проблемами, которые волнуют все общество, тем самым еще раз демонстрируя единение с народом.

7. Президент демонстрирует понимание своей ответственности, готовность и способность выступить в качестве лидера великой страны.

8. Президент демонстрирует смирение и покорность перед лицом нации и Всевышнего и просит Его о помощи.

Отличительной чертой инаугурации и инаугурационных речей является их эмоциональная насыщенность, тема миссии, избранности, величия, патриотизма и единства американского народа, закрепление основополагающих ценностей в сознании людей, которые составляют идеологию государства. Президент выступает как «мудрый отец», который берёт на себя нелёгкую ответственность руководства страной, заботу о гражданах и готовность решать задачи и достигать поставленные цели. Для него это высокая честь и доверие со стороны граждан. Таким образом, процедура инаугурации и инаугурационная речь способствуют дальнейшему упрочению имиджа президента, сплочению нации в единое целое в столь знаменательный момент истории.

Список использованной литературы:

1. The US Presidents Inaugural addresses <http://www.bartleby.com/>

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОГО КОММУНИКАЦИОННОГО АКТА

А. И. Арсланова

*Россия, г. Уфа, ФГБОУ ВПО «Башкирский
государственный университет»*

В современном коммуникационном акте коммуникатор выполняет традиционную роль. Контент подается в форме потока из-за особенности каналов коммуникации. Аудитория занимает активную позицию, а новым добавочным звеном становится фильтр. Именно фильтры являются теми узлами, вокруг которых личности объединяются в сообщества.

In the modern communication act communicator plays a traditional role. Content has the flow form because of characteristics of media channels. Audience is active and filter becomes the new additional part of communication act. The filters are nodes that unite individuals in a special community.

Предложенная в 1948 г. структура акта коммуникации Г. Лассуэлла стала той основой, на которой по сей день строятся различные модели ее протекания [11, с. 127-128]. По Лассуэллу, коммуникационный процесс включает в себя следующие звенья: коммуникатор (кто говорит?), контент (что?), медиа (по какому каналу?), аудитория (кому?), последствия (с каким эффектом?) [7, с. 131]. Мы рассмотрим, какие части коммуникационного акта актуализирует новая коммуникационная ситуация и каким образом это влияет на формирование объединений индивидов.

Современные технологии позволяют каждому, имеющему к ним доступ, попробовать себя в роли профессионального **коммуникатора**. Сайты в Интернете с возможностью создания личной зоны и публикации текстов и мультимедиа, оперативно передающие информацию (в том числе во Всемирную сеть) мобильные телефоны, легкие в использовании видео- и фотокамеры и доступные программы по обработке изображений делают потенцией индивидуальные СМИ. Однако реальная практика оказывается во многом таковой, как ее описывал Ж. Бодрийяр: «Мы прекрасно знаем, что следует из того, что каждый имеет свой Talkie-Walkie (переговорное устройство) или свой «Кодак» или сам снимает кино: персонализированное дилетантство, эквивалент воскрасного рукоделия на периферии системы» [3].

Тем не менее, ряд пользователей Интернета действительно создает собственные издания и формирует вокруг них широкую аудиторию (например, авторы популярных интернет-дневников). Однако в этих случаях проект занимает у них значительное время и требует определенных навыков, а значит, речь идет о вполне профессиональной деятельности.

Второе звено коммуникационной модели, **содержимое**, или контент, в современных условиях обрело иную форму. Сегодня речь идет о потоковом

характере подачи информации. По М. Кастельсу, современный социум построен вокруг потоков капитала, информации, технологий, организационного взаимодействия, изображений, звуков и символов. Причем «потоковость» социальных и иных процессов имеет «материальную поддержку». В частности, это цепи электронных импульсов, лежащие в основе работы микроэлектроники, телекоммуникациях, компьютерной обработки и т. д. [12].

Не только теоретики говорят о «потоковости» социальных процессов. Так, Б. Гейтс, один из создателей компании Microsoft, в работе «Дорога в будущее» активно использовал выражение «информационная супермагистраль» [5]. Ю. Сапрыкин, бывший редакционный директор компании «Афиша», выпускающей популярные молодежные издания, в публичной лекции использовал метафору реки [4].

Данное явление определяется в первую очередь технологиями, а значит, и **каналами** коммуникации. Так в современном мире получает свое подтверждение концепция Г. М. Маклюэна «the medium is the message». По мнению ученого, успешное донесение информации возможно лишь при знании специфики использованного для этого средства. А. В. Назарчук в качестве примера влияния технологии на процесс коммуникации приводит формат SMS-сообщений, вынуждающий общающихся обмениваться исключительно короткими текстами [10, с. 100].

Совершенную особую, отличную от закрепленной в массовом и авторитарном обществах, роль играет сегодня **аудитория**. Если В. Беньямин в «Произведении искусства в эпоху его технической воспроизводимости» (1936 г.) высказывался о том, что «публика оказывается экзаменатором, но рассеянным» [2, с. 61], то в Интернете значение оценки, внутренней обработки, личного ответа максимально велико.

К. Келли следующим образом описывает работу современного индивида с полученной информацией: «Когда я бросаюсь к интернету (...), я начинаю думать совершенно иначе. Мое мышление более активно, в нем все меньше созерцательного элемента. Я не просто бесцельно разжевываю свои догадки, подкрепляя их своей же безграмотностью, – засучив рукава, я берусь за дело. Я ищу, исследую, расспрашиваю, реагирую на одни данные и пропускаю другие, делаю записи, ставлю закладки и в конечном итоге пытаюсь составить что-то свое» [6].

При этом отнюдь не каждый способен справиться с мощным информационным потоком, направленным на нас сегодня. Можно предположить, что именно этот навык будет определять общественный статус человека в ближайшем будущем («преимуществом, некоторой форой в мире будущего будут пользоваться люди, которые умеют останавливать этот поток. Не просто выключать компьютер или почту, а обращаться с этим как с точечными инструментами, не погружаясь в них целиком» [4]).

На **эффekte** коммуникации мы не будем останавливаться (интерактивность является очевидным следствием максимальной включенности аудитории в акт коммуникации). Перейдем к наиболее важному, на наш взгляд, звену коммуникационного акта. Современная коммуникационная ситуация в первую очередь требует от своей аудитории селекции и фильтрации. Широкий поток информации, который направлен на нее, не может быть воспринят целиком, и некий шлюз, **фильтр** является тем добавочным звеном в модели коммуникационного акта, которого требует сегодняшний день.

Немецкий социолог Н. Луман пишет о рассматриваемой проблеме в следующих терминах: «несоразмерность возможной и актуально свершающейся коммуникаций» обостряет «проблему селекций» [8, с. 144]. По Луману, селекция сегодня осуществляется «не в ходе коммуникации, но *для* коммуникации» (курсив автора – А. А.) [8, с. 141].

Рассматриваемый нами фильтр (место селекции) может быть встроен в различных частях модели коммуникационного акта. Так, Луман говорит о селекции, которую проводит **коммуникатор**: «Вещающий отбирает темы, формы, инсценировки и, прежде всего, время и длительность его передачи, соразмеряясь с собственными соображениями о их сообразности» [8, с. 141]. Это традиционная роль коммуникатора. С иной стороны, современная культура, и в частности ее клиповый характер, требует от него «умения структурировать аудиторию, выделять в ней нужные сегменты (целевые группы)» [11, с. 148]. Это подтверждает и И. А. Мальковская: «публика Тарда (публика XIX века – А. А.) *выбирала* газеты и журналы. Современную «символическую публику» «целевую аудиторию» *выбирают* медиа... Сетевые технологии нацелены на формирование «индивидуализированной массы», фрагментированной в системе коммуникаций» [9].

Далее Н. Луман обращается к **получателю информации**, который «подвергает селекции самого себя в плане выяснения того, что ему было бы угодно увидеть и услышать» [8, с. 141]. По сути речь здесь идет все о той же активной аудитории, отбирающей необходимые источники информации. Однако проблема шире. Как было отмечено выше, не каждый уже сегодня справляется с направленным на него потоком информации и коммуникации. Ряд индивидов выстраивает систему фильтров самостоятельно, затрачивая определенное время, знакомясь с предлагаемыми вариантами, производя отбор, каталогизируя (технически или в сознании) информационные потоки. Другие представители аудитории либо выбирают традиционные и более пассивные для восприятия виды СМИ (например, телевизионные программы), либо вступают в сообщества, складывающиеся вокруг более активных индивидов.

На сегодняшний день своеобразным фильтром является и выбор **канала коммуникации**. Несмотря на активное распространение Интернета, далеко не каждый является его пользователем. Кроме проблемы цифрового

разрыва, свою роль играет традиция, заставляющая часть аудитории обращаться к радио, телевидению, печатной прессе.

Как мы видим, сфера коммуникаций в первую очередь оказывается той «территорией личной свободы выбора» и невольной индивидуализации, о которых вел речь З. Бауман [1, с. 159]. Отбирать информационные потоки самому или удовлетвориться полученными из традиционных СМИ? Выступать в качестве «лидера мнений» или ведомого? На каком уровне коммуникационного акта устанавливать свои «фильтры»? На наш взгляд, ответ на последний вопрос особенно важен. Именно «фильтры» (СМИ, человек, канал) становятся теми коммуникационными узлами, вокруг которых индивиды объединяются в сообщества. Они определяют меру информированности и социальной активности, круг общения и статус. Таким образом, качество коммуникаций становится ключевой характеристикой для формирований объединений в современном социуме.

Список использованной литературы:

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2002. – 390 с.
2. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. – М.: Медиум, 1996. – С. 15-65.
3. Бодрийяр Ж. Реквием по масс-медиа [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Новое литературное сообщество». – URL: <http://www.highbook.narod.ru/> (дата обращения: 25.12.2010).
4. Веденева В. Юрий Сапрыкин: «Кого возьмут в будущее?» [Электронный ресурс] // Портал Openspace.ru. – URL: <http://www.openspace.ru/society/world/details/17429/> (дата обращения: 03.05.2010).
5. Гейтс Б. Дорога в будущее. – М.: Русская Редакция, 1996. – 312 с.
6. Келли К. Все включено [Электронный ресурс] // Сайт журнала Esquire. – URL: <http://esquire.ru/internet> (дата обращения: 02.10.2010).
7. Лассвелл Г. Структура и функции коммуникации в обществе // Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследования. Хрестоматия. – М.: Едиториал УРСС, 2000. – С.131-138.
8. Луман Н. Медиа коммуникации. – М.: Логос, 2005. – 280 с.
9. Мальковская И.А. Социологический профиль информационно-коммуникативного общества [Электронный ресурс] // Сайт Института социологии РАН. – URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2007-02/Malkovskaya.pdf> (дата обращения: 16.06.2011).
10. Назарчук А.В. Новая коммуникативная ситуация: рождение сетевого общества // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса. (Москва, 24-28 мая 2005 г.) В 5 т. Т.3 – М., 2005. – С. 100-101.
11. Основы теории коммуникации: Учебник / Под ред. проф. М.А. Василика. – М.: Гардарики, 2003. – 615 с.
12. Castells M. The Network Society and Organizational Change [Web resource] // Manuel Castells Interview: Conversations with History; Institute of International Studies, UC Berkeley. – URL: <http://globetrotter.berkeley.edu/people/Castells/castells-con4.html> (дата обращения: 17.07.2012).

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ НА ВНУТРЕННИЕ КОРПОРАТИВНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В РОССИИ

О. В. Половникова

*Россия, г. Омск, ФГБОУ ВПО «Омский государственный
университет путей сообщения»*

В статье рассмотрены внутренние корпоративные коммуникации и культурологические показатели по Гирту Хофстеду, влияющие на них (на примере России).

In article reviewed internal corporate communications and cultural indicators of Geert Hofstede, that influence them (for example in Russia).

Внутренние корпоративные коммуникации обеспечивают в организации эффективную циркуляцию значимой и необходимой информации, доводя ее до заинтересованных членов компании.

Ценность, которую они могут принести, имеет огромное значение: быстрые изменения, большая гибкость и инновации, более качественные решения, более качественный обмен знаниями и более мотивированная рабочая сила. Внутренние коммуникации нужны для успеха, однако они должны быть пересмотрены таким образом, чтобы у них была возможность принести пользу для стратегии посредством выравнивания подходов, обмена знаниями и управления информацией [1, С. 21].

Поэтому так важно работать с коммуникационными каналами компании. Невнимание к данному аспекту может привести к неожиданным результатам. Как говорят специалисты, чем меньше загружены официальные корпоративные каналы, тем больше информации уходит через каналы неофициальные. И тогда отследить, проконтролировать и повлиять на данный аспект будет сложно, ведь любая даже самая позитивная информация, не имеющая должного официального разъяснения, может быть интерпретирована неправильно и извращена до неузнаваемости.

Коммуникации должны быть направлены на то, чтобы члены организации чувствовали себя частью огромной сети и сотрудничали друг с другом в рамках организации, в то же время, продолжая свою деятельность и взаимодействие в своих локальных сообществах. Это будет способствовать одной из важных задач корпоративной культуры – сплочению коллектива, единению разных уровней иерархии организации, созданию ощущения, что компания – это одна команда. Что очень важно, так как это воздействует на мотивацию персонала, стойкость во время кризисных моментов, возможность взаимопомощи и поддержки. А это влияет как на социальные, так и на финансовые процессы компании, объединяя интересы руководства и сотрудников.

Работникам очень важно осознавать, что руководство помнит и думает о них. Поэтому необходимо доносить информацию о том, как компания планирует свою деятельность в дальнейшем, какие изменения возможны, почему они происходят и к чему могут привести. В противном случае информация, не донесенная должным образом, может породить слухи, которые создадут панику на предприятии. А сотрудники компании будут чувствовать себя отделенными от общего дела.

При этом коммуникационные каналы должны быть более управляемыми, что позволит справиться с потоком информации, сократить задержки, возникающие из-за не относящихся к делу сообщений, и освободить время и мозги членов компании. Одновременно организациям нужно более точно выбирать целевую аудиторию сообщений и подготавливать информацию, направленную на проблемы получателей, таким образом увеличивая свое влияние [1, С. 57].

Нельзя забывать и о культурных особенностях страны, которые также оказывают влияние на внутренние корпоративные коммуникации. Даже несмотря на то, что на современном этапе работники различных предприятий по всему миру в определенном смысле принадлежат к одной индустриальной культуре (у них есть общие ожидания и навыки, они обладают определенными знаниями и культурной практикой). Все равно межнациональные расхождения в культуре отражаются на организациях: «сходства и различия, связанные с характером занятости, столь же значимы, как и те, что связаны с национальным самоопределением» [4, С. 143].

Культура для страны является определяющей в ее жизни. Немаловажным аспектом она становится и для развития экономики государств в целом и компаний внутри нее в отдельности. При этом, как правило, мало внимания уделяется анализу культурной специфики. Это может привести к тому, что «в планируемые процессы вмешивается неучтенный фактор – культура или национальный менталитет. Это выражается в веками накопленных, привычных моделях поведения, в основе которых лежат неосознаваемые и потому особенно прочные (и трудные для анализа) культурные ценности и представления» [3, С. 37]. Получается, корпоративная культура является отражением в компании национальной культуры и национально-этнической психологии, преобладающей в определенной стране, что сказывается в свою очередь и на внутренних коммуникациях.

Основоположником теории влияния национальной культуры на особенности взаимодействия и работы в коллективе принято считать Гирта Хофстеде. Свою теорию он базировал на опросе сотрудников транснациональных компаний. Если проанализировать полученные им данные по России [2, С. 82-85] то можно сказать, что в нашей стране:

1. Культура с высокой дистанцией власти - власть является одной из основополагающей частей жизни страны (как на Филиппинах). Здесь есте-

ственно резкое отделение подчиненных и руководителей, поэтому существует традиционное стремление к иерархичности, демонстрации уважения и послушания, не приветствуется неповиновение, сопротивление и критика.

2. Культура с высоким уровнем избегания неопределенности, то есть существует привязанность к определенным правилам (как в Бельгии). Страна является консервативной: противится изменениям. В общностях стремятся к идентичности, нетерпимы к индивидам или группам с другими идеями или поведением. В работе характерна необходимость в формализованных указаниях, авральность.

3. Коллективистская культура, которая характеризуется тем, что в ней групповые цели превалируют над индивидуальными. Здесь важна сплоченность и лояльность к общности, не поощряется прямое противостояние. Показатель индивидуализма в России (как и в Бразилии) не достигает нижнего предела, но демонстрирует, что у нас предпочитают быть в коллективе.

4. Культура ближе к феминной (как в Таиланде), хотя это ярко не выражено. Здесь ролевым различиям между мужской и женской частью населения не придается большого значения. Внимание уделяется скорее духовным, чем материальным ценностям – таким как поддержание взаимоотношений между людьми, забота о ближних.

Эти данные дополнили О. С. Струкова и В. А. Пушных, которые провели исследование в марте-апреле 2003 года по оценке современной российской деловой культуры, используя методику Хофстеде. Была исследована случайная выборка из 370 респондентов: предприниматели и менеджеры, успешно занятые малым и средним бизнесом в Томске и Томской области [5].

Если показатели индивидуализма и маскулинности примерно остались в том же диапазоне, то два других параметра сменили свои значения на противоположные.

Так, изменение показателя «избегание неопределенности» говорит о том, что для деловых людей в нашей стране снизился уровень опасения перед неопределенными обстоятельствами. Как нам кажется, спорным моментом остается ситуация с прочным укреплением рыночной экономики в России. Скорее всего, неопределенные обстоятельства стали меньше пугать деловых людей именно из-за привыкания к такому состоянию – постоянной смене ситуации, необходимости подстраиваться под новые форматы.

Показатель «дистанция власти» тоже изменился: сейчас в нашей стране выделяется культура с низкой дистанцией власти. На наш взгляд все-таки в этом исследовании сыграло роль «смещение» в данных. Такое отношение к двум параметрам («избегание неопределенности» и «дистанция власти») характерно, прежде всего, для бизнесменов и специалистов современных профессий. Но во многих сферах (особенно связанных с около- пост- и государственных учреждений) таких ярких изменений на данный момент еще пока не существует. В них до сих пор есть потребность в иерархичности и четкой регламентации правил поведения.

Таким образом, сложно приблизить Россию по национальным особенностям и к западной и к восточной культуре организаций. Все-таки мы являемся страной со своей собственной культурой. Нам присущ коллективизм с большей ориентацией на духовные, чем материальные ценности. При этом можно сказать, что постепенные изменения происходят – снижается дистанция власти и боязнь перед неопределенными обстоятельствами (хотя бы и в бизнес-секторе).

Получается, для построения более эффективных внутренних коммуникаций на наших предприятиях, необходимо ориентироваться на данные культурные особенности, присущие России и:

- постепенно снижать формальность в коммуникациях: руководство должно стать ближе к сотрудникам, прислушиваться к ним, быть более открытым в своих сообщениях; но из-за культурной специфики персонал должен с уважением относиться к иерархии;

- создавать определенный регламент в работе компании, в том числе и в коммуникациях, с определением ролей и поведения, но при этом оставить возможность для гибкости, влияния на правила не только руководства;

- подчеркивать в коммуникационных сообщениях общность целей компании, ориентации на коллектив, сплочение;

- ориентироваться в коммуникации на духовные ценности, поддержание взаимосвязи между сотрудниками.

Итак, внутренние корпоративные коммуникации не должны оставаться без внимания в организациях, так как они имеют для них большое значение. И нельзя при работе с коммуникациями забывать о разных моментах, влияющих на них: организации их управляемости, правильной ориентации, наполнения нужным посылом, выбором верной целевой аудитории, степени загруженности официальной информацией. Немаловажным аспектом являются и культурные особенности страны, в которой компания находится. Все это поможет сделать внутренние корпоративные коммуникации более результативными, способными создать действительно эффективную циркулирующую информации.

Список использованной литературы:

1. Кверк Б. Создавая связи. Внутрикорпоративные коммуникации в бизнес-стратегии. - М.: Вершина, 2006. – 416 с.

2. Латова Н., Латов Ю. Этнометрические подходы к сравнительному анализу хозяйственно-культурных ценностей // Вопросы экономики. - 2008. - № 5. - С 80–102.

3. Лебедева Н.М. Россия и Китай: опыт сопоставления. Влияние ценностей на отношение к инновациям в России и Китае // Общественные науки и современность. – 2010. - № 3. - С. 37-49.

4. Морган Г. Образы организации. - М.: Манн, Иванов и Фербер, 2008. - 504 с.

5. Струкова О.С., Пушных В.А. Деловая культура России: измерение по Г. Хофстиду // Менеджмент в России и за рубежом. – 2004. - №2. URL: <http://referent.mubint.ru/security/8/2687/1>.

ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ: ГРАНЬ МЕЖДУ ОНЛАЙНОМ И РЕАЛЬНОСТЬЮ.

Д. В. Прокофьева

*Россия, г. Уфа, ФГБОУ ВПО «Башкирский
государственный университет»*

В статье идёт речь о всё набирающих силу Интернет-коммуникациях, об их неоспоримых плюсах и удобстве, о способствовании прогрессу. Но, в то же время, мы не можем обойти стороной и опасность, которая кроется в злоупотреблении ими, когда виртуальная реальность заменяет собой естественное течение жизни, когда человек может потерять себя в этом глобальном пространстве.

The article deals with all rising power of Internet communication and its stimulating influence, and undeniable advantages and convenience. But, at the same time, we can not ignore the danger that lies in the abuse of virtual reality which replaces the natural course of life, especially when a man can lose himself in the global space.

Ни для кого не секрет, что с переходом общества на новый, постиндустриальный уровень на первое место выходит не капитал, а технологии, знания человека и его квалификация, потому как для успеха производства необходима инновация. Возрастание автоматизации и широкий спектр предоставляемых услуг, а также появление большого количества предприятий малого и среднего бизнеса позволяют человеку в полной мере реализоваться в той сфере деятельности, которая ему больше по душе.

Но, с другой стороны возникала другая опасность, по словам французского философа-персоналиста Э. Мунье: «Если технику предоставить самой себе, она тотчас поведет нас к самоуспокоенности (комфорт), к потере самостоятельности (жесткая централизация), к разобщенности (специализация), внося в нашу жизнь множество осложнений (цивилизация), и – в конечном итоге – к отчуждению» [1]. Переход к индустриальному обществу сопровождался ослаблением межличностных связей, возникал отрыв от корней и отчужденность от культуры, изолированность человека. Своего рода спасением от этой изолированности стало наступление века высоких технологий, который помог связать людей между собой посредством новых коммуникационных каналов.

Ускоряющийся темп жизни стимулирует спрос и предложение на всё, что сможет сэкономить наше время – самый ценный ресурс на сегодняшний день. Объединяющий людей по всему миру Интернет великолепно справляется с этой задачей – нам не нужно ждать посыльного с депешей, почтальона, переживать о недоставленных или потерянных письмах. Несколько минут – и написанное письмо уже читает человек на другом конце Земли, интернет сближает людей, которых разделило расстояние и время. Вы можете найти в социальных сетях друга, которого потеряли много лет назад, можете позна-

комиться с новыми людьми со схожими интересами для обсуждения каких-либо тем, или просто в целях усовершенствовать иностранный язык. Главное, что мы получаем благодаря интернету – информация и общение. Интернет расширяет границы для общения и знакомств, существуют сайты, на которых люди приглашают друг друга в гости в свою страну, предлагают совместные путешествия, общение. Всё это делает нашу жизнь ярче, насыщеннее, интереснее. Воспользовавшись гостеприимством человека, которого узнали на специализированном сайте, мы не только посмотрим страну или город, в котором он живёт, мы сможем намного ближе познакомиться с традициями и культурой этой страны, получить эту информацию «из первых рук», и, главное, обрести нового интересного человека. Мы точно так же можем принимать у себя гостей из других городов и стран, знакомить их с какими-то интересными местами родного города, вовлекать в свою культуру. Интернет значительно облегчает жизнь людям, мы можем делать с его помощью покупки, не выходя из дома, мы можем заказать товар с другого континента и получить его в довольно короткие сроки, и это очень удобно и важно, особенно людям с ограниченными возможностями. Договориться о собеседовании на работу или выбрать себе место отдыха стало теперь намного проще, не нужно тратить большое количество времени на то, чтобы обойти все офисы и раздать своё резюме или получить информацию. У нас высвобождается огромное количество времени для личностного роста, самосовершенствования, обретения новых навыков, для творческой самореализации и отдыха.

Зачастую молодые люди, ещё не до конца определившиеся со своей жизненной позицией и стремлениями, находят в сети единомышленников, которые могут поддержать, поделиться своим мнением, рассуждать на различные темы. Важным качеством, которое воспитывает общение в интернете – это толерантность и терпимость к собеседнику, поскольку в сети одновременно сосуществует огромное количество людей с различными и подчас совершенно противоположными точками зрения. Интернет может воспитать умение аргументировано вести дискуссию, ведь для того, чтобы ответить на выпад в сторону своих убеждений, человеку приходится основательно подготовиться, изучив информацию, которая предоставляется на различных сайтах. В интернете мы сами можем выбирать, откуда черпать информацию, можем сравнивать различные её источники, информация появляется в интернете и обновляется с огромной скоростью. Огромный её поток, имеющийся в сети, заставляет нас использовать критическое мышление, «фильтровать» её в своей голове и блокировать заведомо ложную или ненужную.

Развитие модернизированных средств коммуникации должно увеличивать взаимодействие между людьми, оно делает их общение проще и доступнее. Новости распространяются по сети Интернет мгновенно по всему миру. В Интернете можно найти ответ практически на любой интересующий вопрос на различные заданные темы. Можно обсудить полученную информа-

цию с помощью мгновенных сообщений ICQ, в социальных сетях, на форуме, в блоге (Интернет-дневнике) и так далее. В Интернете ведутся обсуждения злободневных тем, дискуссии, обмен мнениями. При помощи ICQ можно общаться одновременно с большим количеством людей, и сопоставлять полученные данные, проверять или уточнять что-либо.

Многочисленные социальные сети дают возможность заявить о себе, чем пользуются многие, в том числе и талантливые, люди, выставляя на всеобщее обозрение снятые фильмы, написанные песни и стихи, другое творчество. С помощью интернета можно не только убедить людей в своём таланте и прославиться, можно донести до людей свою точку зрения, своё видение окружающего мира. Безусловно, здесь кроется и опасность того, что сеть могут использовать недоброжелатели, террористы и просто люди с деструктивным мышлением. Однако, положительная роль глобальной сети велика, она способствует вовлечению человека и это невозможно отрицать.

При этом мы, конечно же, не можем закрывать глаза на те негативные моменты, которые несут с собой Интернет-коммуникации. «Портативный компьютер во время отпуска соединяет нас с работой, но отвлекает от того факта, что мы отдыхаем... Технология может создать физическое и эмоциональное отчуждение и отвлечь нас от нашей собственной жизни» [2]. Люди охотно становятся жертвами технологического прогресса, с радостью пуская его в свою жизнь, и подчас в те сферы, где этот прогресс вытесняет на второй план и саму личность и ощущения, получаемые от событий жизни: «Действительно ли камеры превращают в документ наиболее важные события жизни и отвлекают нас от важнейших эмоций и переживаний, от вида и незабываемых звуков запечатлеваемых событий?» [2, С.36].

Чрезмерное увлечение плодами технологического прогресса может привести к отстранению людей друг о друга, к «одинокости в толпе». Это очень тонкая грань, нам следует научиться различать, когда технологии помогают нам решать дела и связывают нас друг с другом, помогают познавать мир и получать информацию, то есть когда они идут нам во благо, и когда идут во вред. Ведь при чрезмерном увлечении технологиями, средствами массовой коммуникации налицо появление зависимости от них, манипулирование сознанием, отчуждение человека от общества, подчас и от самого себя, появление страхов и фобий. Интернет, и общение в этой сети в частности – один из самых распространённых видов эскапизма на сегодняшний день. Часто молодым людям намного проще и комфортнее написать человеку, даже живущему по соседству, нежели встретиться с ним и пообщаться в реальном времени и пространстве. Он как своеобразный панцирь – защищает человека от возможных непредвиденных ситуаций, вопросов, человек ощущает себя будто «за ширмой». Но в то же время интернет может являться единственной отдушиной для самореализации человека, который уже отчуждён от общества. Будучи уже подавленным и одиноким, он пытается вызвать к себе

интерес во всемирной паутине, но если этого не произойдет – это грозит усугублением уже имеющейся ситуации, развитием неврозов, нервными срывами. Известны случаи, когда подростки заканчивали жизнь самоубийством из-за травли в интернете, ставшей довольно распространенным явлением. Иногда на такой же исход человек решается просто для того, чтобы добиться высокого рейтинга своей страницы, что тоже может расцениваться как сигнал, как попытка привлечь внимание к себе, что является следствием скрытых (или явных) проблем. Хотя здесь речь идет, скорее, об общем уровне культуры нашего общества, отражением которого можно считать и Интернет-общение, основным «потребителем» которого является молодежь. То, что раньше было только на словах, теперь обретает визуальный ряд, пусть даже и в виде набора символов-букв, то нем не менее мы можем видеть это, анализировать, пытаться как-то повлиять.

Из всего вышесказанного мы можем сделать вывод, что бесспорно, технологический прогресс и модернизация средств коммуникации в частности принесла современному обществу вместе с сетью Интернет больше положительных моментов, чем отрицательных – это общение, книги, он-лайн магазины, поиск работы, конференции, возможность творческой реализации, и многое другое. Главное – не перейти грань, и оставаться при этом в настоящем, а не виртуальном мире. Всегда нужно помнить, что Интернет был придуман людьми и для людей, поставлен нам «на службу». Он не должен становиться нашим фетишем, заменять собой то, что нас окружает в реальной жизни, а также нашу сущность, наше лицо. Возможно, в реальной жизни приходится преодолевать большее количество барьеров, и она куда сложнее, но именно это и делает ее интересной и ценной.

Список использованной литературы:

1. Мунье Э. Что такое персонализм? / Пер. с фр. И. С. Вдовиной. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 1994. – С.73.

2. Нейсбит Д. Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла / Джон Нейсбит при участии Наны Нейсбит и Дугласа Филипса; пер. с англ. А.Н. Анваера. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. – С.35.

SOCIAL MEDIA В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

М. З. Файрушина

*Россия, г. Уфа, ГБОУ ВПО «Башкирская академия
государственной службы и управления
при Президенте Республики Башкортостан»*

В статье автором рассматриваются социальные медиа в современном мире, дается краткая история возникновения и развития социальных медиа, приводятся результаты исследования американского аналитика Майкла Стелзнера.

In the article the author examines the social media in the modern world, the developing of social media history apparent is given, the results of Michael Stelzner research of the American analyst.

Стремительное развитие социальных медиа обусловлено временем.

Сегодня они играют одну из ключевых ролей в жизни людей, благодаря которым функционируют крупные бизнес-сообщества, позиционируются товары, реализуются проекты.

Что следует понимать под ними? Перейдем к определению понятия социальных медиа.

Социальные медиа – вид масс-медиа, термин, используемый для описания новых форм коммуникаций производителей контента с его потребителями и для которых определяющее значение имеет фактор копродукции контента самими пользователями конечного продукта, когда каждый читатель/подписчик блога, например, может выполнять функции комментатора, репортера, фотокорреспондента и/или редактора данного сервиса.

Социальные медиа – это набор онлайн-технологий, которые позволяют пользователям общаться между собой. Общение может принимать самые различные формы – пользователи могут делиться своими мнениями, опытом и знаниями, взаимодействовать друг с другом, налаживать контакты, а также делиться новостями, информацией, видео, фото, музыкой и линкам (ссылка на веб-страницу)¹.

Особенностью **социальных медиа**, в отличие от СМИ, является чувство принадлежности к определенному сообществу. Ежедневно создается несколько сотен новых сообществ: бизнес-, рг-, рекламных сообществ, сообществ любителей собак и т. д. Считается, что социальные медиа представляют собой альтернативный источник информации².

Уникальная особенность социальных медиа заключается в том, что они помогают Интернет-пользователям находить друг друга, восстанавливая связи с друзьями прошлого, соседями, коллегами или одноклассниками. В основе подобных систем лежит технология Web 2.0, которая обеспечивает регистрацию пользователей, присоединяющихся к сети, и отслеживает отношения между ними³.

Первым «прототипом» социальных сетей являлись электронные доски объявлений, которые впервые появились в конце 70-х гг. XX в. Электронные

¹ Социальные медиа. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%EE%F6%E8%E0%EB%FC%ED%FB%E5_%EC%E5%E4%E8%E0 (дата обращения: 1.05.2013)

² Измествьева Е. Эффект социальных медиа на результаты краудфандинговых проектов. URL: <http://te-st.ru/2013/05/13/effect-of-social-media-on-crowdfunding-project-results/> (дата обращения: 1.05.2013)

³ Коммерс П. Социальные медиа в обучении с применением ИКТ // Аналитическая записка, март 2011. С. 3. URL: <http://iite.unesco.org/pics/publications/ru/files/3214685.pdf> (дата обращения: 10.05.2013)

доски объявлений были первым типом сайтов, которые позволяли пользователям входить в систему и общаться друг с другом.

Сайты знакомств являлись первыми «общественными» социальными сетями. С помощью них пользователи создавали учетные записи (обычно с фотографиями) и связывались с другими пользователями.

К первым «корпоративным» социальным медиа относятся «он-лайн сервисы» (CompuServe и Prodigy). Однако сайт «Six Degrees» считается первой современной социальной сетью, который был запущен в 1997-м году. На этом сайте пользователи могли создать профиль и легко подружиться с другими пользователями сайта.

Ярким примером социальных медиа является «Живой Журнал» (LiveJournal). «Живой Журнал» (ЖЖ, блог-платформа) впервые был запущен в Интернет в 1999 году американским разработчиком Брэдом Фицпатриком. Система «Живого Журнала» принадлежит американской компании LiveJournal, сервисы которого находятся в США. Владельцем ЖЖ является российская компания - SUP Media. ЖЖ изначально построен как социальная сеть постоянно обновляемых блогов. Блоги активно используются сегодня. Особенность заключается в возможности публикаций произошедших событий участником этого события, комментированием чужих записей. Благодаря публикациям блогеры передают свои эмоции: восторг, восхищение, радость, благодарность или, наоборот, переживание, грусть, равнодушие, агрессию. ЖЖ – это живые эмоции, идеи, мнения участников. Впервые на Украине ЖЖ приобрел свою популярность в 2004 году, он стал первой социальной сетью для общения украинских интеллектуалов и примкнувшим к ним маргиналов¹. В России ЖЖ как СМИ официально был зарегистрирован в 2009 году.

Рассмотрим результаты американского исследования.

Наиболее интересными представляются результаты исследования американского аналитика Майкла Стелзнера, перейдем к их рассмотрению.

Согласно сведениям «**How Marketers are Using Social Media to Grow their Businesses**» (2009)² подавляющее большинство маркетологов (88%) используют социальные медиа для рекламы своих брендов и товаров. Так, 70% респондентов, принявших участие в исследовании и согласившихся ответить на вопросы, являются владельцами собственного бизнеса, 26% – работают по найму. Подавляющее большинство опрошенных (78,1%) были в возрасте 30–59 лет, среди них 56% были женщинами и 44% – мужчинами.

Интересно, что владельцы собственного бизнеса более склонны использовать социальные медиа, чем наемные работники. Среди владельцев обращаются к социальным медиа более 90%, а среди наемных сотрудников –

¹ Речкина О. Живой журнал и первые блоги. URL: http://www.segodnya.ua/inet_history/ZHivoy-zhurnal-i-pervye-blogi.html (дата обращения: 10.05.2013)

² Главные социальные медиа с точки зрения маркетологов. URL: <http://mediarevolution.ru/advertiser/brands/1960.html> (дата обращения: 10.05.2013)

лишь 81%. Также социальные медиа в большей степени предпочитают молодые респонденты. Среди опрошенных в возрасте 30-39 лет социальные медиа используют 92,8% опрошенных, зато в возрасте 60-69 лет – очень небольшая доля респондентов. Менее трети (30,2%) опрошенных в этой категории ответили, что только-только начали работать с этим инструментом. Зато почти треть владельцев малого бизнеса (компаний, в которых работают от 2 до 100 сотрудников), или 29,3% опрошенных заявили, что используют социальные инструменты уже несколько лет.

Достаточно подозрительно относятся к социальным медиа индивидуальные предприниматели. Основные опасения в отношении социальных сетей были связаны с тем, что, по их мнению, владельцы и модераторы таких порталов не способны контролировать размещаемый пользователями контент. А соседство с непристойным контентом потенциально опасно для бренда, поскольку чревато нежелательными ассоциациями и скандальными историями.

Также выяснилось, маркетологи уделяют социальным медиа все больше времени. Почти две трети опрошенных (64%) используют социальные медиа пять и больше часов в неделю, а более чем треть (39%) используют их 10 и более часов в неделю. Наконец, почти каждый десятый опрошенный (9,6%) тратит на этот вид медиа более 20 часов в неделю. Люди, которые только начинают работать с этим инструментом, тратят на него в среднем 2 часа в неделю, однако со временем среднее время пользования вырастает до 10 часов в неделю. Те, кто пользуется социальными медиа уже несколько лет, тратят на них двадцать и более часов в неделю. Интересно также, что наемные работники тратят по двадцать и больше часов в неделю на социальные медиа вдвое чаще, чем владельцы бизнесов. На вопрос, с какой целью используются социальные медиа, ответы респондентов были различными: 1) привлечение внимания к компании, в которой они работают; 2) повышение качества трафика на сайт и расширение аудитории, которой можно предлагать товар; 3) продвижение вверх в различных рейтингах поисковиков. Четыре пятых опрошенных (81%) в этой категории отметили, что им успешно удается продвигать сайт своей компании в поисковиках при помощи социальных медиа. А каждый второй опрошенный заявил, что социальные медиа позволяют увеличить количество ссылок.

Огромным плюсом для рекламодателей является использование социальных медиа, что позволяет сократить расходы на рекламу.

Согласно мнению американского эксперта в области PR и коммуникаций Пола Холмса: «Социальные медиа сделали деятельность компаний прозрачной, что заставляет PR-специалистов и маркетологов менять подходы к своей работе»¹.

¹ Фелонов Д. Пол Холмс: социальные медиа поменяли принципы PR. URL: <http://www.radiportal.ru/articles/15160/pol-kholms-sotsialnye-media-pomenyali-printsipy-pr> (дата обращения: 05.05.2013).

Существует 7 разновидностей социальных медиа – это:

- Интернет-сообщества;
- блоги;
- виртуальные игры;
- социальные сети;
- сообщества по производству совместного контента;
- совместные проекты;
- геосоциальные сервисы.

К особенностям социальных медиа относятся доступность информации; минимизация личного пространства; отсутствие пространственных ограничений; оперативность (реагирование в реальном времени).

На сегодняшний день использование социальных медиа прочно вошло в жизнь людей и стало настолько популярным, что большинство из них не представляют без них своего общения, создания и ведения бизнеса. Социальные медиа позволяют оперативно донести информацию до адресата, открывают новые возможности для развития бизнеса, формируют новые сообщества, создают базу данных полезных контактов.

Секция 2.
ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОММУНИКАЦИИ

**ИНТЕРНЕТ-МЕДИАТЕКСТ КАК ФОРМАТ
СОВРЕМЕННОЙ МЕДИЙНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

С. В. Иванова

Россия, Уфа,

ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»

Статья посвящена вопросам функционирования медиа-текста в сети Интернет. Интернет-пространство накладывает свои особенности на развертывание информации медиа-текста. Находясь в глобальной сети, медиа-текст приобретает многомерность, которая находит свое выражение в таких характеристиках, как объемность, плотность и глубина.

The article reveals some peculiarities of how a media text functions on the Internet. The Internet imposes its own features on the way information unfolds in the media text. While on the Internet a media text acquires such characteristics as manyfacetedness which implies volume, density and depth.

Интернет-коммуникация в буквальном смысле ворвалась в современное информационное пространство, что не замедлило сказаться на формах существования масс-медиа в начале XXI века. Одним из признаков, которым наделил Интернет средства массовой коммуникации, является конвергентность. Проблемой конвергентности в настоящее время занимаются как отдельные ученые, так и целые коллективы, ей посвящены не только статьи, но и целые конференции (см., например [4]). Именно конвергентность, которая предполагает сближение явлений или нескольких онтологических характеристик, выступающих как совокупность нового порядка, стала тем параметром Интернет медиа-текста, который повлек за собой и другие качественные изменения, определяющие новый формат современного медиа-текста. В данной статье хотелось бы остановиться на параметрах Интернет-медиа-текста (далее ИМТ), то есть текста средств массовой информации, размещенного в «глобальной сети», которые возникают в силу существования изучаемого типа текста в цифровом пространстве.

Изменение формата медиа-текста в сети Интернет напрямую связано с технологическими возможностями данного ресурса. Как известно, ключевым словом, определяющим характер существования информации в «мировой паутине», является слово «сеть». Благодаря именно этому параметру медиа-текст функционирует по принципу ассоциативно-навигационной сети. Как известно, концепция ассоциативно-навигационной сети принадлежит В. Бушу, который еще в 1945 г. «выдвинул идею создания такой структуры текста, которая соот-

ветствовала бы в наибольшей степени, чем традиционный печатный текст (была бы изоморфна), ассоциативно-иерархической природе человеческого мышления и познания» [3, 23]. Иными словами, ассоциативно-навигационная сеть предполагает связь внутри одного текста и между текстами, осуществляемую по принципу ассоциаций (В. Буш, цит. по [3, С. 22-23]).

В полном соответствии с этим принципом Интернет-медиа́текст снабжается большим количеством ссылок, которые помещаются по всему пространству текста. Данные ссылки связывают ИМТ с другими текстами на схожую тематику. Электронный медиа́текст приобретает характеристики гипертекста, поскольку от него «отпочковываются» тексты на сходные или смежные темы. Как известно, гипертекст, представляя собой «нелинейно организованный объем политематических комментариев, интегрирующих непересекающиеся информационные ресурсы, между которыми при необходимости могут быть установлены перекрестные ссылки», интегрирует фрагментарное знание о социальной, психологической, дискурсивной действительности, которая отражена в линейном тексте [2, 50]. Таким образом, по многочисленным ссылкам читатель всегда может уйти за пределы того текста, к которому он первоначально обратился. Соответственно, можно говорить о том, что ИМТ приобретает такую характеристику, как глубина информации. Глубину информации можно трактовать как возможность погружения в данную проблематику, что обеспечивается ссылками к многочисленным статьям подобного плана, которые нацелены на углубление понимания читателем затрагиваемой проблемы.

Наряду с глубиной, ИМТ приобретает еще и такую характеристику, как плотность информации. Плотность информации предполагает насыщенность информационного потока. Насыщенность может возникать, в том числе, и благодаря мультимедийным ресурсам, на которые также содержатся ссылки в ИМТ.

Как известно, Интернет позволяет широко использовать ре-медиацию, то есть смену кода или сообщения [3, С. 41]. Ре-медиация предполагает свободный переход от одной семиотической системы к другой. Действительно, вербальный ИМТ как правило снабжается видео-, аудио- и изобразительными рядами. Характерно, что именно сам читатель может увеличивать объем этого потока, уходя в Интернет-пространство по предложенным ссылкам, переходя к другим семиотическим системам: просматривая видео-, прослушивая аудиофайлы, - с другой стороны, читатель может ограничиваться электронным аналогом печатного текста.

Соответственно, вместе с плотностью ИМТ приобретает объемность информации. Свойство объемности надо трактовать как такую характеристику, которая предполагает активацию целой совокупности различных каналов получения информации – вербального (сам текст) и невербальных (аудио, видео, изобразительные). ИМТ начинает существовать как поток информации, то есть как явление, существующее в 3D измерении.

Таким образом, существование ИМТ напрямую связано с технологическими возможностями цифрового пространства. Благодаря ресурсам сети Интернет медиа-текст, помещенный в дигитальное информационное пространство, приобретает такие параметры, которые позволяют говорить о нем не только как существующем в 3D измерении, но и обладающим 3D характеристиками. Интернет-медиа-текст приобретает многомерность, которая проявляется как глубина, плотность и объемность информационного потока.

Список литературы:

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учебное пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 128 с.
2. Большакова Л.С. О содержании понятия «поликодовый текст» // Вестник НовГУ №49. - Новгород: Изд-во НовГУ, 2008. - С.48-51.
3. Рязанцева Т.И. Гипертекст и электронная коммуникация. – М.: Изд-во ЛКИ, 2010. – 256 с.
4. Функционирование текста в среде конвергентных медиа. Гипертекст как объект лингвистического исследования: Материалы II международной конференции, 18-20 октября 2011 / отв. редактор С. А. Стройков [Текст]. Самара: ПГСГА, 2011: <http://www.textology.ru/article.aspx?aId=233> – Режим открытого доступа. –Дата обращения 10.02.2013.

THE REAPPROPRIATION OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN RUSSIAN FILM

Alexander Kumar Anand
USA, Norman, University of Oklahoma

Аннотация: Значимость Великой Отечественной Войны в качестве культурного символа России трудно переоценить. В современную эпоху победа Красной Армии над нацистской Германией рассматривается как самое важное достижение 20 века. Целью данного исследования является анализ фильмов, выпущенных после основной части современного исследования, то есть после второго срока Путина на посту президента, в рамках существующей теории кино.

Abstract: The importance of the Great Patriotic War as a cultural symbol in Russia cannot be overstated. In the modern era, the victory of the Red Army over Nazi Germany is seen as the single most important achievement of the 20th century. The goal of this research is to assess films released after the main body of contemporary scholarship, i.e. Putin's second term and beyond, within the framework of existing film theory.

Despite a worldwide recession and decreased cinema attendance around the globe, the Russian cinema market continues to exhibit significant yearly growth. Annual theater attendance in the Russian federation increased by over

100 million viewers between 2004 and 2012, from 67.4 to 168.75 million viewers per year [5]. Russia now represents the third largest cinema audience in Europe, close behind France and the United Kingdom [5].

In his book Propaganda and Film, a comparison of Soviet and Nazi German propaganda techniques, Richard Taylor points out that «cinema is the only medium of mass communication that appeals to an audience that is at the same time a mass», and as such «the member of a cinema audience... is uniquely susceptible not only to his own emotions, but to those of the mass around him» [13, p.30]. This is exactly why film is such an effective means of ideological dissemination, and the Russian film world grasped that from the beginning. From the fall of the Romanov dynasty, ideology was the prime component of Russian film [6, p.103]. Whereas filmmakers in other countries focused on the power of film to inspire the creativity and imagination of the viewer, the «power of the imagination in Soviet Russia... was harnessed to clear political aims» [6, p.104]. Therefore, if we are to make a legitimate assessment of the modern legacy of such filmmaking, the first aspect of modern film that must be assessed is its ideology.

As a literary foundation on which to base analysis, a sampling of contemporary scholarship was used. Two main sources were used to establish relevant cultural context: Rosalinde Sartori's «On the Making of Heroes, Heroines, and Saints», published in 1995 as part of the collection Culture and Entertainment in Wartime Russia, which is concerned with the rebirth of the Russian cult of the hero during the Great Patriotic War and how this precedent carries through the rest of the Soviet period [11], and Denise Youngblood's Russian War Films: On the Cinema Front, 1914-2005, published in 2007, which gives a thorough history of the Soviet and post-Soviet film industry, with extra attention paid to the ideology of films and their respective filmmakers. She pays further attention to portrayals of the Great Patriotic War during and after the war years, analyzing the role of the war in the capacity of entertainment as well as of high art. Despite her own contributions to the field, Youngblood maintains that «[t]he post-Soviet Russian war film is too new to have a history» [16].

Three films were chosen for analysis, all of which reached a significant audience [2, 7, 10] and typify the state of ideological debate of the post-Putin period [12]. The first, Andrei Maliukov's We Are From the Future, was released in 2008, the last year of Putin's first presidency. It is the ideal product of the entertainment system under his regime [12]: it tells the tale of a group of ultra-Westernized treasure-hunters who, through the magic of time travel, learn to value their Russian heritage and the sacrifices made during the Great Patriotic War. Next comes the 2010 historical drama Brest Fortress, which chronicles the very first days of the War in Russia through the eyes of her first defenders. It is worth noting that then-Prime-Minister Vladimir Putin was personally involved in its production, contributing about 28 million rubles out of its quarter-billion-ruble budget [9]. The third film, also from 2010, is Aleksei Uchitel's The Edge:

a stark, frank look at life in a post-war Siberian train depot. Though ostensibly anti-Stalinist in message, this film actually conforms to the same ideological trends present in the other two films.

The main ideological theme in each film is one of reeducating the Russian populace. In We Are From the Future, this is applied directly to the heroes, audience surrogates who are depicted as out of touch with traditional Russian values. Each of the main characters is a caricature of westernized Russian youth culture: Bormann, the leader, aspires to gain wealth and fame by selling Red Army medals to European collectors; Cherep seems at first to be a fairly standard tough guy archetype, but is revealed early on to be a swastika-tattooed skinhead; Spirt is a dreadlocked musician who takes nothing seriously; and Chukha is a tech-savvy manchild, good at computers but hopeless at social interaction [15]. In the past, their behavior is shown to be at odds with that of the martyred heroes of the Red Army: their modern slang hampers communication and raises the suspicion that they might be spies, and Bormann's German nickname and Cherep's Nazi tattoo would get them shot if anyone found out. The characters' transformation into «real men» is shown by two fights in which they are involved. The first takes place at the beginning of the film, and has the heroes ruthlessly beating up on some rival treasure hunters, who are all Central Asian ethnic minorities. This shows the dark side of their Western archetypes: Bormann is ruthless and greedy; Cherep is, as mentioned earlier, a Nazi; Spirt is a coward; and Chukha is hopelessly inept at anything that isn't on his computer screen. Moreover, the violence is directed at fellow Russian citizens. After being taught by the Red Army soldiers on the front about the nobler aspects of Soviet doctrine, however, the boys would never raise a fist to a fellow Russian, regardless of his ethnicity. They abandon their grave robbing and take the fight to the real enemies: modern-day skinheads, the ideological descendants of the German fascists.

In Brest Fortress, the reeducation is not contained within the story at all. Aside from the fairly standard and understandable dehumanization of the German soldiers, who lightheartedly toss grenades at wounded children, a few baffling sequences which serve only to show off how clever and brave the NKVD officers were before they were killed, and a technologically impossible bombing sequence, the film is laudably historically accurate. The educative aspects are directed instead at the audience. According to executive producer Igor Ugol'nikov, fellow producer Vladimir Putin felt it «essential to put forth every effort in order for as many viewers as possible, especially youth, could see the film» [9]. A full-fledged melodrama, the film never misses an opportunity to push for an emotional response from the audience, and thanks to appropriate pacing, editing, and scoring, it is extremely successful in this regard. Many named characters are introduced, only to tragically die onscreen moments later, every one of them a traditionally-characterized martyr embodying a Soviet virtue [11]: a young couple commit suicide with their last two bullets rather than surrender, the men of the fortress continue their fight long after the Germans

have bypassed the fortress on the road to Moscow, the regimental commissar chooses death by firing squad rather than denounce his homeland or his heritage.

The Edge plays with its message more than the previous two films: here it is the unlikely pair of a Red Army veteran and a stranded German girl who re-educate the other characters, most significantly overthrowing a zealous NKVD officer who violently enforces the party line. Interestingly, the main character, Ignat, conforms to both the heroic archetype of «what Russians would call an ‘authentic person» [16, p.220] and the wartime archetype of the wounded hero who fights for Soviet justice [11], only this time fighting against the excesses of the system. Also of note is that unlike the previous two films, the personal ideology of the characters is period-accurate: their behavior and rhetoric conform to what we know to be true of the period [3]. Whereas the first two films present a sterilized version of the war, divorced from almost any ideological realities of the Stalin period, characters in The Edge reference Stalinist doctrine and Stalin himself several times. The main villain even uses the common image of Stalin as a beneficent father figure [3] as a counterpoint to his own threats [4].

The strange absence of Stalin himself, and almost any direct mention of period ideology beyond «heroic service to the fatherland», is symptomatic of a larger trend within Russian film. All three of these films divorce victory in the war, and the national pride that comes with it, from the ideological background in which it happened – the first two by flat ignoring it, and the third by placing the heroes in opposition to the negative aspects of it. This is a response to a post-Soviet phenomenon described by Nina Krushcheva:

dismissing communism... (unintentionally) made worthless the beliefs of the millions of Soviet citizens who fought in the Second World War. It is not a question of whether they were right to hold the beliefs they did; but by «eliminating» their past we negated their sacrifice [8, p.69].

In denouncing the ideological environment of a given group, the achievements of those people are perceived as sullied by association. During and immediately after the War, Stalin himself «was considered the greatest hero of all» [11, p.177]. Such a strong association to a controversial figure might also draw the war itself into controversy: after all, Brest Fortress might lose some of its emotional impact if the film had to emphasize that the attack was unexpected because Germany and the Soviet Union were allied at the time [14], or that those men had to fight alone because their «Great Leader» failed to take any action at all at the beginning of the war. The deliberate decision to gloss over or contradict period ideology in modern film serves to disassociate the War from other symbols, to purify it from outside contamination. With specific regard to the Stalin as a historical figure, this has worked quite well: between 2001 and 2008, public opinion of Stalin became heavily skewed toward apathy [3]. The story of the War is not about him anymore. By divorcing the sacrifices made by thousands of heroes from the words and actions of their leaders, the War can remain unblemished in the public eye.

Works Cited:

1. Brest Fortress. Dir. Aleksandr Kott. Perf. Andrey Merzlikin, Evgeniy Tsyganov and Pavel Derevyanko. Belarusfilm, 2010.
2. «Brestskaya krepost». KinoPoisk. 06 Dec 2011 <<http://www.kinopoisk.ru/level/1/film/436263/>>
3. Dubin, Boris. «The Stalin Myth.» Russian Politics and Law 48.4 (2010): 46-53.
4. The Edge. Dir. Aleksei Uchitel. Perf. Vladimir Mashkov, Sergei Garmash, Anjorka Strechel. Rock Films, 2010.
5. FOCUS Press Releases. European Audiovisual Observatory. 14 May 2012. 15 Apr 2013. <http://www.obs.coe.int/oea_publ/market/focus-bis.html.en>.
6. Gillespie, David. Russian Cinema. Harlow: Longman, 2003.
7. «Krai.» KinoPoisk. 06 Dec 2011 <<http://www.kinopoisk.ru/level/1/film/460432/>>
8. Krushcheva, Nina. «Rehabilitating Stalin.» World Policy Journal 22.2 (2005) pp. 67-73. 31 Oct. 2011 <<http://www.jstor.org/stable/40209965>>.
9. Marakhovskii, Viktor. «Igor Ugol'nikov: Brestskuyu krepost' snimal nye dlya 'Oskara,' a dlya dyeda i otsy» Odnako. 05 Mar. 2011. 12 Nov. 2011 <http://www.odnako.org/blogs/show_448/>.
10. «My iz budushchego». KinoPoisk. 06 Dec 2011 <<http://www.kinopoisk.ru/level/1/film/260315/>>.
11. Sartori, Rosalinde. «On the Making of Heroes, Heroines, and Saints.» Culture and Entertainment in Wartime Russia. Ed. Richard Stites. Bloomington: Indiana University Press, 1995. 176-193.
12. Shlapentokh, Dmitri. «Russian History and the Ideology of Putin's Regime Through the Window of Contemporary Russian Movies.» Russian History. 36.2 (2009): 278-301. Arts and Humanities Citation Index. EBSCOhost. University of Oklahoma Library, Norman, OK. 27 Sept. 2011. <<http://ehis.ebsco.com>>.
13. Taylor, Richard. Film Propaganda: Soviet Russia and Nazi Germany. London: Croom Helm, 1979.
14. Treaty of Non-Aggression between Germany and the Soviet Union. Trans. Paul Halsall. 1997. <<http://www.fordham.edu/halsall/mod/1939pact.html>>.
15. We Are From the Future. Dir. Andrei Maliukov. Perf. Danila Kozlovskiy, Andrei Terentev, Vladimir Yaglych, and Dmitri Volkostrelov. A-1 Kino Video, 2008.
16. Youngblood, Denise J. Russian War Films: On the Cinema Front, 1914-2005. Lawrence: University Press of Kansas, 2007.

ПРЕИМУЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

А. З. Асаева

*Россия, Уфа, ГБОУ ВПО «Башкирская академия
государственной службы и управления
при Президенте Республики Башкортостан»*

В статье рассматривается иностранный язык как средство успешной коммуникации. Отмечается, что при изучении нескольких иностранных

языков открываются более широкие возможности в общении, что является неким преимуществом. Выделены личностные, академические и общественные преимущества.

In the article there has been considered a foreign language as a tool for efficient communication. It has been pointed out that there are some advantages of learning foreign languages. They are personal, academic and social.

В последнее время интерес к изучению иностранного языка в нашей стране неуклонно растет. Это прослеживается не только среди общих масс населения, но и нельзя не отметить политический или экономический интерес к иностранному языку: представителям государства очень часто приходится появляться на международной арене политики или экономики, где посредством иностранного языка они устанавливают контакт с деятелями других стран и национальностей. В связи с этим современное поколение молодежи нашей страны стало прекрасно осознавать всю значимость изучения иностранного языка. Более того, сейчас в условиях стремительно развивающегося общества повышенное внимание уделяется роли владения не только одним, но и несколькими иностранными языками, следовательно, можно заметить, что при изучении нескольких языков открываются более широкие возможности в общении, что является неким преимуществом. Поэтому не только лингвисты, но и представители другой сферы деятельности, такие как политики, бизнесмены, исследователи, переоценили преимущества владения несколькими иностранными языками. Среди таких преимуществ можно выделить личностные, академические и общественные (социальные) преимущества.

Касательно личностных преимуществ, то человек, владеющий более чем одним иностранным языком, имеет великолепную возможность общаться с представителями различных национальностей, читать иностранную литературу в оригинале, обогащаться культурно, повышать свои интеллектуальные познания в любой области и, наконец, получать удовольствие от путешествий в зарубежные страны. Так, преподаватели кафедры иностранных языков БАГСУ раскрывают перед слушателями академии все возможности, которые открываются перед ними при изучении иностранного языка, обучая их различным способам выражения самих себя на языке, знакомя их с культурой изучаемого языка, что позволит им ближе и глубже изучить традиции и достижения людей, живущих в других странах. Также, знание иностранного языка является конкурентным преимуществом для будущих специалистов при трудоустройстве на ту или иную работу. Известно, что студенты, владеющие иностранным языком, являясь так называемыми билингвистами, решают комплексные задачи лучше и креативнее.

Во время обучения той или иной профессии перед студентами порой возникает сложность при поиске необходимого материала на родном языке. Эту трудность можно снять, используя познания в языке и великолепные

возможности всемирной сети Интернет, и найти дополнительные источники на иностранном языке, что позволит углубить интеллектуальный потенциал студента и расширить его академические возможности при обучении. Всем известно, что в современном обществе очень часто используются слова и лексические выражения, заимствованные из других языков, но не всем всегда ясно, что они могли бы значить. Понять смысл данных слов и выражений помогает владение иностранным языком, который в свою очередь обогащает словарный запас, необходимый для успешной коммуникации.

Знание иностранных языков является очередным преимуществом в обществе. Так, государственные деятели, владеющие языками, легко могут представлять политические, экономические и другие интересы страны за рубежом. Языковая грамотность страны позволяет быть конкурентоспособным обществом в современном мире. Например, специалисты по международной торговле, представители средств массовой информации за рубежом, дипломаты, авиа работники и др., все должны владеть иностранными языками и знать культуру страны изучаемых языков для того, чтобы успешно общаться за пределами родной страны.

Таким образом, развитие языковых способностей у нынешних студентов позволит улучшить, а то и увеличить эффективность трудового потенциала в будущем. Общество же в целом извлечет как экономическую, так и политическую, социальную выгоду оттого, что население нашей страны сможет легко найти общий язык с представителями других стран и культур.

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЯЗЫКОВОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА

С. Б. Аюпова

Россия, Уфа,

*ФБГОУ ВПО «Башкирский государственный
педагогический университет им. М. Акмуллы»*

Статья посвящена исследованию особенностей художественной коммуникации в рамках лингвистики художественного дискурса.

The article is devoted to the study the peculiarity of the language world image in the direction linguistics of artistic discourse.

Изучение картины мира, запечатленной в произведениях литературы, является одним из наиболее актуальных направлений в филологии. Языковая художественная картина мира – составная часть художественной картины мира. Художественное сознание многомерно, ему, по мнению Л. А. Закса, присущи следующие интегральные мирообразные структуры: ценностно-смысловая, фиксирующая общее ценностное состояние мира; эмоционально-ценностная, поскольку смысл неотделим от состояния субъекта (это есть не

что иное, как художественное мироощущение); предметно-ценностная, фиксирующая ценности как предикаты объектов, или ценностный состав действительности в его взаимосвязи со своими предметными носителями (эта структура есть не что иное, как художественное миропредставление); сущностно-ценностная, или причинно-ценностная, так как мир предстает как система разнопорядковых сущностей (причинных) связей ценностного мира [1, С. 142]. Л. В. Миллер в дополнении к указанным структурам выделяет новую: коммуникативное измерение (сфера осуществления особого типа коммуникации – коммуникации художественной) [3, С. 280].

Сущность художественной коммуникации в ЯХКМ состоит в осуществлении интертекстуального взаимодействия ЯХКМ произведений конкретных авторов с другими шедеврами различных эпох и народов и в постоянном воссоздании ЯХКМ в разных объемах адресатами (в зависимости от их эстетического, этического, интеллектуального уровня) в процессе восприятия произведений. Таким образом, художественная коммуникация является характерной особенностью языковой художественной картины мира (далее – ЯХКМ).

Выявление субъектов и объектов художественной коммуникации зависит от подхода исследователя к художественному произведению: 1) в рамках лингвистики текста исследуется структура «адресант – текст» (И. Р. Гальперин, М. Я. Дымарский, Т. Я. Ким, Т. М. Николаева и др.); 2) в рамках культурологии изучается структура «адресант – текст – культурный контекст» (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Ю. Сватко, Ю. С. Степанов и др.); 3) в рамках психолингвистики анализируется структура «адресант – текст – адресат» (В. Изер, Ю. А. Сорокин и др.); 4) в рамках художественного дискурса актуализируются такие структурные элементы, как «действительность – адресант – текст – адресат – языковая художественная картина мира» (С. Б. Аюпова, В. М. Беренкова, А. П. Булатова, Ж. Делез, Ю. Н. Земская, Г.-Н. Кастанеда, Е. А. Кибрик, В. С. Ли, Л. В. Миллер, А. В. Млечко, О. Г. Ревзина, В. П. Руднев, Дж. Р. Серль, И. П. Смирнов, А. В. Флоря, Н. Ю. Чернышева, Л. А. Шестак и др.).

Исходя из этого, ЯХКМ должна включать в себя, во-первых, статические элементы (текст как материальный объект, образованный конкретными языковыми средствами); во-вторых, динамические элементы, которые объединены в культурно-эстетический универсум. В культурно-эстетический универсум входят 1) все наличные художественные смыслы, 2) этнокультурно обусловленные интерпретации, 3) культурная и эстетическая традиции, 4) эмоционально-оценочные составляющие [3].

Восприятие художественного произведения предполагает его соотнесение с объективной реальностью, с сознанием субъекта-творца ЯХКМ с воспринимающим и воссоздающим ЯХКМ сознанием, с художественной национальной культурно-эстетической традицией, поэтому художественное произведение как дискурс представляет собой частицу непрерывно движущегося человеческого опыта и втягивает в себя существующие вне его (в других произведениях) смыслы. В связи с этим Г.-Н. Кастанеда пи-

сал: «творец не создает литературное произведение ex nihilo: он организует материал <...> по определенным моделям» [2, С. 88]. В теории лингвистики художественного дискурса ЯХКМ, в которой отражается совокупность представлений о художественной действительности, характерной для той или иной национальной художественной культуры, представляет собой не объект сознания, но его составляющую. При таком подходе адресант уже не находится в центре внимания исследователя, а художественный дискурс «следует рассматривать как некоторую сверхтекстовую целостность, представляющую собой неопределенное множество высказываний, объединенных тематически на основе единой модальной установки» [4, С. 139].

В рамках лингвистики художественного дискурса изучаются лингвокогнитивные механизмы формирования ЯХКМ и особенности художественной коммуникации. Считается, что любое литературное произведение не только отражает авторское мировидение, но и всегда соотносено с выработанной коллективным субъектом системой национально обусловленных художественных конвенций, воплощенных в генеральной ЯХКМ и служащих базой художественной коммуникации.

Исследования в этом направлении только начинаются. Одной из немногих работ, выполненных в данном ключе, является докторская диссертация Л. В. Миллер [3]. В диссертации предпринята попытка выявления структуры художественной картины мира русской литературы на основе исследования взаимоотношений текстовых и концептных смыслов в процессе художественной коммуникации. Для достижения этой цели Л. В. Миллер выделила разные типы художественных концептов и способы их актуализации в тексте литературного произведения: мотивы и лейтмотивы. Взаимодействие текста и концептуальной системы воспринимающего субъекта осуществляется за счет «оживления» и последующего качественного изменения информации, принадлежащей к художественной традиции и закрепляющейся в дескрипторах, являющихся ассоциатами художественных концептов в тексте. Особый интерес в работе представляет проведенный анализ концептуализации аксеологических и эмоциональных составляющих художественных высказываний. В диссертации Л. В. Миллер поставлена проблема выявления эстетико-эмоциональных составляющих «аффективного содержания» текста, которая еще не нашла своего решения в филологических исследованиях.

В силу того, что исследование ЯХКМ только началось, в научной литературе существует много лакун. Так, не выявлены основные признаки ЯХКМ, как они зависят от особенностей художественной коммуникации.

Обращаясь к этой проблеме, предлагаем, возможно, далеко не полный перечень признаков. Отличительными признаками ЯХКМ, на наш взгляд, являются, во-первых, ее интенциональность, то есть способность сознаний адресанта и адресатов художественной коммуникации к художественному мирозиданию с помощью языковых средств. Во-вторых, способность художест-

венного слова к трансформации в художественном тексте в зависимости от целевых установок адресата, так как понятийное содержание и экспрессивные качества слова подвергаются в ЯХКМ семантическому осложнению и эстетическому преобразованию. При этом указанные трансформации могут восприниматься и осознаваться или не восприниматься и не осознаваться адресантами ЯХКМ, так как их эстетический, интеллектуальный, моральный уровень может быть разным. В-третьих, синтетизм художественного слова, так как ЯХКМ – это категория, синтезирующая в слове произведения литературы художественные образы, эстетические, этические категории, эмоциональные реакции, оценки. В-четвертых, относительная непознаваемость ЯХКМ, которая полностью определяется спецификой художественной коммуникации. ЯХКМ – это явление, которое недоступно абсолютному, адекватному, однозначному пониманию и прочтению, неисчерпаемое по своей сути, поскольку на ЯХКМ писателя накладывается ЯХКМ воспринимающего сознания, в свою очередь обе эти картины мира вписаны в национальную художественную традицию и в генеральную ЯХКМ.

Требуют своего изучения и функции ЯХКМ, представляющие собой проявление ее сущности. Так, интерпретивная функция ЯХКМ проявляется в том, что особенности художественного мировидения писателя отражаются на отборе языковых средств, их комбинациях; эстетическая (поэтическая) функция ЯХКМ состоит в том, что ЯХКМ воспринимает и воспроизводит в языке художественного текста прекрасное в жизни и в искусстве; этическая функция ЯХКМ связана с тем, что ЯХКМ отражает определенный общий уровень морали, нравственности, находящий свое выражение в произведении и вербализованный в тексте лексемами соответствующих лексико-семантических групп; аксеологическая функция ЯХКМ обуславливается тем, что ЯХКМ включает в себя систему оценок, ценностей человека, которые отражаются в лексемах определенных лексико-семантических групп и распределяются по лексическим полям: хорошо – плохо, правильно – неправильно, нормативное – ненормативное, духовное – материальное, богатство – бедность, жизнь – смерть, свой – чужой и др.; эмотивная функция ЯХКМ – в том, что в ЯХКМ средства языка позволяют выявить эстетико-эмоциональные составляющие «аффективного содержания» художественного текста; экспрессивная функция ЯХКМ предполагает, что ЯХКМ как эстетическое явление создается с помощью выразительных средств разных уровней языка; прагматическая функция находит свое воплощение в языковых авторских интенциях; модальная функция ЯХКМ состоит в выраженном с помощью грамматических и лексических средств языка отношении к реальной действительности (модальность реальности – ирреальности, объективная – субъективная модальность); когнитивная функция ЯХКМ проявляется в том, что ЯХКМ – это сфера концептуализации художественных знаний и смыслов, что находит свое выражение в художественных концептах разной степени осознаваемо-

сти, представляющих собой многослойное явление и имеющих языковую экспликацию в тексте литературного произведения; диалогическая функция ЯХКМ заключается в его интертекстуальности, в том, что литературное произведение способно вступать в диалог с текстами других писателей и поэтов разных эпох и народов; катарсическая. Специфической функцией ЯХКМ, отличающей данную картину мира от художественных картин мира других искусств, является, на наш взгляд, трансформационная функция, поскольку в ЯХКМ понятийное содержание и экспрессивные качества слова подвергаются семантическому осложнению и эстетическому преобразованию.

Таким образом, ЯХКМ представляет собой особое пространство, имеющее семантическое (сфера концептуализации художественных знаний и смыслов), прагматическое (сфера концептуализации интенций, оценок и эмоциональных реакций) и коммуникативное (в рамках которого осуществляется особый тип коммуникации – коммуникация художественная) измерения. ЯХКМ каждой эпохи находит воплощение в разнообразных произведениях, это картина чувственная, видимая, эмоционально окрашенная, каждая эпоха искусства в целом определяет общий уровень художественного мышления и художественной коммуникации.

Список литературы:

1. Закс Л.А. Художественное сознание. – Свердловск: Изд-во Свердловского ун-та, 1990. – 212 с.
2. Кастанеда Г.-Н. Художественный вымысел и действительность // Логос. Философско-литературный журнал. – 1999. – №3. – С. 69-103.
3. Миллер Л.В. Лингвокогнитивные механизмы формирования художественной картины мира (на материале русской литературы): дисс. ... д-ра филол. наук. – СПб, 2003. – 286 с.
4. Миллер Л.В. Художественная картина мира и мир художественных текстов. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2003. – 156 с.

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В РОМАННОМ ТВОРЧЕСТВЕ Д. И. СТАХЕЕВА

Р. Р. Бикмухаметова

Россия, Елабуга,

ЕИ ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский)

Федеральный университет»

Статья посвящена особенностям использования интертекстуальных элементов в текстовом поле Д. И. Стахеева. Исследование творчества писателя позволяет сделать вывод о достаточно высоком уровне межтекстуальных отношений романов данного автора с главной книгой его жизни - Библией,

что обеспечивает реализацию смысла, заданного Стахеевым. Новизна и актуальность исследования определяются как введением в научный оборот нового языкового материала (тексты Д. И. Стахеева), так и новым подходом к интертекстуальным элементам как эксплициаторам идиостилевых черт русского прозаика XIX в. со сложной судьбой.

The article is dedicated to the peculiarities of using intertextual elements in textual field of D.I. Stakheev. The research of writer's works enables to come to the conclusion that there is a high level of intertextual relationships of the novels by this author and with the main book of his life - the Bible, that ensure realization of sense, setting by Staheev. Novelty and currency of the research are defined not only by implementation into scientific usage a new language material, but also a new approach to the intertextual elements as the explicators of idiomatic features of the 19th century Russian prosaist with a very hard fate.

Явление интертекстуальности, получившее широкое системное научное изучение в литературоведении, существовало в языке всегда. Зарождение теории интертекстуальности восходит к трудам *М. М. Бахтина*. Каждое высказывание, по *М. М. Бахтину*, является звеном в цепи других высказываний. Каждый человек, формируя свой индивидуально-речевой опыт, непременно взаимодействует с чужими высказываниями.

Современное представление об интертекстуальности опирается, в основном, на концепцию *Ю. Кристевой*, переосмыслившей и продолжившей исследования *М. М. Бахтина* о взаимодействии «своего» и «чужого» слова, художественного воплощения «чужого как своего».

В данной статье речь пойдет об особенностях реализации интертекстуальных связей в текстовом поле нашего известного земляка *Д. И. Стахеева*.

Творчество *Дмитрия Ивановича Стахеева* отличается своей самобытностью и честностью перед читателем. Автор позволяет себе быть открытым и откровенным, что не дает возможности для появления плоских сюжетов. Герои его романов держатся на переплетении интертекстуальных взаимодействий в богатом воображении автора. Особенно ярко это проявилось в романном творчестве писателя, поскольку пространство романа позволяет широко экспериментировать с интертекстуальными включениями. При этом главный пласт таких включений напрямую связан с самой первой книгой, которую читал в своей жизни *Дмитрий Стахеев* – с Библией.

Для демонстрации интертекстуальных связей было выбрано художественное пространство романов «Избранник сердца» и «Обновленный храм». В этих произведениях автор открывается перед нами как тонкий исследователь человеческих душ. Данная выборка позволяет типизировать максимальное число интертекстуальных элементов. Стахеев не дает советов, а задает читателю прямые вопросы, ответы на которые можно найти не только в тексте самих романов, но и в интертекстуальных сносках.

Интертекстуальные элементы в романном творчестве Стахеева представлены аллюзиями, реминисценциями, цитатами.

В своей работе мы рассматриваем использование и функционирование цитат, самый большой пласт которых представлен библеизмами. В цитате обычно нет установки на создание стилистической экспрессии, и в этом смысле она малоинтересна для исследования интертекстуальности. Дословное цитирование практически не активизирует сотворчество читателя, принимается как факт. Однако в нашей статье цитаты занимают значительное место. Именно под ними зачастую скрываются более сложные текстуальные ссылки, отводящие нас от сочинений Отцов Церкви к философским трудам, а от библейских изречений и песнопений – к историческим личностям и событиям.

Обратимся к цитатам из текстов царя Соломона (Экклезиаста). Данная группа выделена отдельно, поскольку в ней представлен особый ряд интертекстуальных единиц, близкий к прочим библеизмам Стахеева, но отличающийся от них распространением функции анализа, а не констатации. Помимо аллюзий и реминисценций, в романах Стахеева можно найти и прямые цитаты из книги Притч царя Соломона.

При представлении отца Павла Стахеев вкладывает в его уста цитату из слов царя Соломона: *«любяй вино и елей – не обогатится»* [4, с. 180]. Перед нами показываются негативные пристрастия отца Павла. Почему автор прибегает к цитате, а не характеризует героя напрямую? Использование елей и вина вне богослужебной практики осуждается религией. Церковный человек призван внушать народу, приходящему в храм, необходимость воздержания от них без религиозных целей. Здесь сам священник красноречиво признает свою слабость, и мы уже в начале романа понимаем, что представителям обители не чужды мирские слабости.

Еще одна цитата из Соломона: *«Не отвечай безумному по безумию его, да не подобен ему будешь»* – прямое отображение сюжета романа [4, с. 180]. Данное указание известно и отцу Павлу, и священнику Никанору, но на деле следует ему только Иван Петрович.

Особый интертекстуальный уровень – Ветхозаветные цитаты. Интересны отсылки автора к Псалтырю Давида. Отец Никанор говорит, обращаясь к Ивану Петровичу: *«Пою Богу моему дондеже есмь»* [4, с. 190]. Говоря о своем пении, он приводит в противовес пение партеса. Делая такое сравнение, Никанор противопоставляет себя всему остальному миру, особенно Ивану Петровичу и его невозмутимому спокойствию. Так священник Никанор возводит свои заботы о храме в ранг молитвы, а заботы других уподобляет концертному пению, партесному стилю, имеющему в его глазах негативный смысл. И такого эффекта автор достигает путем введения всего лишь одной ссылки на Священное Писание.

Дмитрий Бортнянский, сам создатель партесного хорового концерта, также упоминается в романе «Обновленный храм». *«Заведет это на самых*

низких нотах: «Бра-атие» - умиление! А в хоре, в концертах, в Бортнянского, например: «Возведох очи мои» загудит – и цены нет» [4, с. 193].

Таким образом, мы можем говорить не только об интертекстуальности творений Стахеева, но и об их интермедиальности, благодаря включенным в тексты интермедиальным элементам.

Новозаветные цитаты используются автором особенно часто. Так отец Никанор – замечательный чтец. Чтобы проиллюстрировать его возможности Стахеев дает ему прочесть нам притчу об исцелении десяти прокаженных. Однако сам автор называет исцеленного расслабленным, ставя знак равенства между этими двумя разными заболеваниями. «Восстав, иди!» - произносил он, например, при чтении Евангелия об исцелении расслабленного, и в этих словах чувствовалась и строгость, и любовь, и прощение. Затем при последующих словах «Вера твоя спасет тя» тон чтения резко изменялся и в нём ясно слышалось что-то, как бы утверждающее и объясняющее причину исцеления» [4, с. 185].

Чудесное знание автором библейских текстов, продемонстрированное в романах, говорит о том, что это словоупотребление не ошибочно и не случайно. Иисус исцелил расслабленного у овечьей купели в Капернауме [Евангелию от Иоанна (Ин.5:1-16)], в то же время, мы наблюдаем цитату об исцелении прокаженного. Таким образом, Стахеев делает незримую параллель между болезнями духа и болезнями тела, отождествляя их перед силой человеческой веры и убеждений.

Священник Никанор часто использует цитаты из Библии в качестве элемента, унижающего собеседника. Фактически, для него это особый эквивалент ругательств. Так, слова послания апостола Иакова: «всякое даяние благо и всяк дар совершен ..» (Иак. I, 17) превращаются в критику и осуждение по отношению к Ивану Петровичу за благое дело, которое тот совершил [4, с. 185].

Медведников, заинтересованный в легкой наживе, говорит: «Сказано: претерпевый до конца получит спасение» [4, с. 210], «Сказано: «Празднословия не даждь ми» [4, с. 211], «Сказано: грядущего не изжenu» [4, с. 209]. Речь героя отличается большим количеством искореженных библейских цитат, большинство из которых произнесены не к месту и не несут смысловую нагрузку. Они подобны просительному слову «Дай!» и не служат ничему, кроме корысти героя.

Особую характеристику происходящей суете вокруг денег в романе «Обновленный храм» дает высказывание Владыки: «Но, сказано однако же: «аще не Господь созиждет дом – всуе трудитася зиждущие»... Да, тем более храм» [4, с. 240]. Используя здесь 126 псалом, автор напоминает нам, что благие дела не совершаются с дурными намерениями. Нельзя доверять постройку храма бесчестному человеку, поскольку тот будет строить не храм, а хлев.

При чтении романа «Обновленный храм» автор заставляет нас снова и снова переживать историю предательства Иудой Иисуса Христа. Причем, он никогда не рассказывает историю напрямую, но все время дает нам пережить ее посредством тонких намеков из встроенных в текст романа отсылок и кодовых интертекстуальных маркеров. Так, отца Никанора вспоминают обыватели:

– *Помнишь, того... а? – говорили они, – от Иоанна: «Ныне прославился сын человеческий» – беда хорошо!»* [1, с. 185] Ссылка на Евангелие от Иоанна совпадает с местом ухода Иуды Симонова Искарота от Христа для совершения предательства. *«Когда он вышел, Иисус сказал: ныне прославился Сын Человеческий, и Бог прославился в Нем». (Св. Евангелие от Иоанна 13:31)*

Активно используются цитаты из церковных гимнов и песнопений. Отец Никанор наделен особым талантом. Он умеет чудесным образом славить Бога. Священник делает это так хорошо, что все окружающие трепещут. Однако автор дает понять, что все эти восхваления должны быть не столько приятными, сколько полезными для людей. В качестве такой иллюстрации выступают хвалебные акафисты Иисусу Христу из уст Никанора: *«... он величественно произносил первые слова акафиста Иисусу: «Ангелов творче и Господи сил», и как потом сразу понижал тон и молитвенно со слезами в голосе продолжал: «Отверзи ми недоуменный ум и язык»* [1, с. 185].

Акафист Иисусу Сладчайшему в данном случае выступает юмористической ноткой от автора по отношению к своему герою, который оказался не верен своим сладкоголосым песням, когда дошло до дела.

Автор также использует строки из богородичного тропаря в речи своего героя: *«Сказано: «Много может моление матернее ко благосердию Владыки Господа»* [1, с. 203]. Даровавший десять тысяч старик использует это выражение невзначай и в то же время, оно характеризует его внутренний настрой. Богатый купец желает отмолить свои грехи через благие поступки, стать угодным Богу.

В то же время, обращение к тропарю может иллюстрировать и душевную пустоту персонажей. Пьяные дьячки распевают *«Днесь светло красуется царствующий град...»* [1, с. 220] и не видят в жизни иных радостей, кроме своего питья и даже обретенные деньги для них – только повод выпить.

Цитаты из молитв – еще одна заметная группа интертекстуальных единиц. Молитва крестного знамения исходит из уст Никанора в адрес жителей города N. *«Идите же и научите все народы, крестя их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа...»* говорится в Св. Евангелие от Матфея. Именно так крестит отец Никанор людей без разделения на социальное положение и убеждения. *«... Никанор того и другого одинаково благословлял большим крестом, делая знамение его твердо на темени, на плечах и на груди обоих и произнося при этом с внушительною ясностью – «Во имя Отца» ... и т. д.»* [1, с. 186].

Примечательно, что эта молитва сближает мирянина и священнослужителя, светскую и церковную жизнь. Таким образом, используя молитву

крестного знамения, автор показывает близость происходящего в храме тому, что происходит вне его. Мир не разделен у Стахеева на мирской и духовный. Все это – лишь грани одного целого, живущего по общему единому закону человеколюбия.

Таким образом, интертекстуальные связи в романном творчестве Дмитрия Стахеева являются сложным инструментом, который обогащает текст произведений, подчеркивает внутренние и внешние изменения в героях. Позволяет прочувствовать их мысли, поведения, поступки. При всем этом он еще и украшает романы и обогащает их смысловые уровни.

Список литературы:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова. – М.: КомКнига, 2007. – 576 с.
2. Бахтин М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве [Текст] / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. - М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
3. Денисова Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод [Текст] / Г.В. Денисова. - М.: Азбуковник, 2003. – 298 с.
4. Стахеев Д.И. Духа не угашайте. Избранные произведения. – Казань: Татарское книжное издательство, 1992. – 417 с.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ В АССОЦИАЦИЯХ ДЕТЕЙ В РУССКОМ, ТАТАРСКОМ И БАШКИРСКОМ ЯЗЫКАХ

В. Р. Габдуллина,

*Россия, Уфа ГБОУ ВПО «Башкирская академия
государственной службы и управления
при Президенте Республики Башкортостана»*

Статья посвящена возрастным изменениям способа идентификации слова с опорой на чувственно-эмоциональные и оценочные переживания. Ассоциативные эксперименты проводились на русском, татарском и башкирском языках в 4 разных возрастных группах от 4 до 17 лет. Анализ материалов показал рост данного способа идентификации слова с возрастом. Наблюдается как количественные, так и качественные изменения в способе идентификации слова.

The article is devoted to age change of word identifying way on the base of feelings, emotions and evaluations. Associative experiments were held in Russian, Tatar and Bashkir languages in 4 different age groups from 4 to 17. The materials' analysis showed growth of this word identifying way with the increase of years. Qualitative and quantitative changes of the word identifying way are observed.

Эмоции – это своеобразная форма познания и отражения действительности, связанная с потребностями человека и лежащая в основе мотивов его деятельности. Человек говорит, и в словах его всегда присутствуют переживания, эмоции и чувства, хотя процессы эти не осознаются им самим и не поддаются непосредственному наблюдению.

Лингвистический подход к анализу выражения эмоций средствами языка сформулировал представление о наличии в составе словаря специфического класса/классов так называемой «эмоциональной лексики», которая отличается от всего остального массива (нейтральных) слов за счет особенностей своего значения. Психолингвистический подход предполагает, что эмоционально-чувственный компонент присутствует в значении всех слов языка без исключения, но зафиксировать этот компонент очень сложно. Как справедливо отмечает Е. Ю. Мягкова, «результатом постоянных процессов «творения» значения является наличие в структуре значения слова как более или менее постоянных, так и сиюминутных элементов, что в еще большей степени затрудняет процесс описания эмоционально-чувственной составляющей значения» [2. С. 97].

В ходе анализа экспериментальных данных, полученных в результате проведения свободных ассоциативных экспериментов с испытуемыми детского возраста в татарском и башкирском языках, с последующим сопоставлением материалов свободных ассоциативных экспериментов, проведенных Т. М. Рогожниковой с испытуемыми-русскими детьми [3. С. 101], выяснилось, что с возрастом дети всё чаще опознают слова-стимулы, опираясь на чувственно-эмоциональные и оценочные переживания. Продемонстрируем вышесказанное следующими примерами. Возьмем татарское слово-стимул ЖҖИР (ЗЕМЛЯ). В дошкольном возрасте испытуемые-татары идентифицируют данное слово, опираясь на следующие чувственно-эмоциональные переживания: *суык (холодная), зур (большая), тугәрәк (круглая), кара (черная), матур (красивая), тигез (ровная)*. Процент реакций с данным способом идентификации составил в дошкольном возрасте всего 7% реакций из 100%.

В младшем школьном возрасте появились следующие реакции: *чиста(чистая), кара(черная), туган(родная), жуеш(мокрая), чәкәләр матур (красивые цветы), матур(красивая), пычрак(грязная), зур(большая), туган ил(родная страна), яшел (зеленая), оло(большая) и др.* Количество реакций выросло из 7% до 37% реакций.

В среднем школьном возрасте к вышеперечисленным реакциям добавились слова: *уңдырышлы(плодородная), туган як(родной край), әйбәт(хорошая), йомры(круглая), тугәрәк (круглая), йомошак(мягкая), кәкре(кривая), жан иясе(душа), мин(я) и составили – 40% реакций.* И в старшем школьном возрасте мы имеем самое большое количество реакций, связанных с данным способом идентификации слова – 58% реакций: *кара(черная),*

туғарак (круглая), йомры(шарообразная), зур(большая), оло(большая), туган як (родина), каты(твердая), туган эҗир(родная земля), комлы (с песком), эйбэт(хорошая), туган ил (родная страна), Яркей (Яркеево), йәшел (зеленая), йомшак (мягкая), уңдырышлы (плодородная), матур (красивая), яраткан (любимая), сафлык (чистота), ашламалы (удобренная), ярату (любить).

Обратимся теперь к башкирскому языку и в качестве примера разберём башкирское слово-стимул КЕШЕ (ЧЕЛОВЕК). В дошкольном возрасте количество реакций, полученных на данное слово с опорой на чувственно-эмоциональные и оценочные переживания составило 30% из общего числа всех реакций. Следующие реакции были отнесены к группе реакций с эмоциональной и оценочной окраской: *зур(взрослый, большой), оло(взрослый), матур(красивый), якшы(хороший), һэйбэт(хороший), дуҗ (друг), дуҗтар (друзья), йән эйәһе(душа), робот, насар(плохой), ысын кеше(настоящий человек), Аллах бәндәһе(божье существо), күп (много), акыллы (умный), бәхет барыһынала (всем счастья).*

В младшем школьном возрасте процент подобных реакций остался на том же уровне – 30%, однако реакции сменились на более абстрактные и обобщенные: *һэйбэт(хороший), якшы(хороший), насар(плохой), матур (красивый), сибәр(красивый), тере йән (живое существо), акыллы(умный), йән эйәсе (душа), ярҙам(помощь), личность, бәхетле(счастливый), ярата (любит), кеше инде(человек уж), тырыш(старательный), белемле(знающий, образованный).*

В среднем школьном возрасте чувственно-эмоциональные и оценочные реакции возросли до 56%, изменившись не только количественно, но и качественно: *һэйбэт(хороший), якшы(хороший), матур(красивый), насар(плохой), яман(плохой), йән эйәһе(душа), ят кеше(незнакомый, чужой человек), изгеле(святой, благочестивый, добрый), изге (добрый, святой), бәхетле кеше(счастливый человек), хөрмәт(уважение), үзебеззен кеше(свой человек), төрлөсә(разные), бөтәһелә һәр береһенән айырыла (все отличаются друг от друга), личность, тизкәре (упрямый), гражданин, көслө(сильный), күп(много), ышанысһық (не надежный), күнелле(веселый), яраткан (любимый), просто кеше (просто человек), әллә күпме кеше(много людей), тыныс(спокойный), бай(богатый), хужа(хозяин), яратырға(любить), тере (живой), тырыш(старательный).*

Отметим, что способ идентификации слова с опорой на чувственно-эмоциональные и оценочные переживания стал доминирующим способом идентификации в среднем и старшем школьном возрастах. В старшем школьном возрасте реакции с данной опорой составили 50% и представлены следующими реакциями: *якшы(хороший), һэйбэт(хороший), һэйбәтлек (добро, что-то хорошее), матур (красивый), шәхес (личность), йән (душа), бәхетле кеше(счастливый человек), кешелекле(человесный), насар (плохой), яқын кешеләр(близкие люди), гүмер(жизнь), һайуандар да аламарақтары бу-*

ла (бывают даже хуже животного), кәшене қешелеқле итеп қүреу (видеть человека человеком), һайбәт әшләр әшләу (хорошие дела делает), һайбәт қеше — йәмғиәт (хороший человек общество), усал (злой), унган (трудолюбивый), берзан-бер (единственный), оло бер шахес (большая личность), йәш (молодой), югары белемле (много знающий), тере (живой), зыян (вред), хисле (эмоциональный).

Далее продемонстрируем проявления чувств и эмоций в реакциях испытуемых-русских. Обратимся к слову-стимулу МЕЧТА. В дошкольном возрасте переживания детей представлены всего двумя реакциями: *всё красивое, любовь*. В младшем школьном возрасте количество чувственно-эмоциональных реакций возросло незначительно, достигнув 8%: *хорошая, моя, счастье*. В среднем школьном возрасте опознание слова с опорой на чувственно-эмоциональные и оценочные переживания переходит на новый качественный уровень достигая 15%: *быть счастливой, крылатая, любимая, остаться маленькой, старинный корабль, который плывет по небу, то, чего не будет, хорошая, сбывается, пространство, сон*. И в старшем школьном возрасте мы имеем следующие реакции: *алый парус, небо, хорошая, быть счастливой, жить 1000 лет, розовый цвет, белый парус, хорошо жить, быть нужным людям, весна, воспоминание, любить, любовь, мое желание очень недоступное, надежда, неосуществимое желание, приятная, страна Гвиана, что-то далекое, стать человеком и др.* – 28%.

Таким образом, примеры, продемонстрированные выше, наглядно подтверждают психолингвистическую концепцию А. А. Залевской, рассматривающую идентификацию слова как полный набор процессов, протекающих в речемыслительной деятельности человека, продуктом которых является субъективное переживание знания, увязываемого со словом в единой информационной базе человека, с учетом эмоционально-оценочных нюансов, при взаимодействии осознаваемого и неосознаваемого, вербализуемого и не поддающегося вербализации [1. С. 145].

Список литературы:

1. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование / А.А. Залевская. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1990. – 206 с.
2. Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова / Е.Ю. Мягкова. – Курск: Курск. гос. пед. ун-т, 2000. – 110 с.
3. Рогожникова Т.М. О спиралевидной модели развития значения слова у ребенка // Психолингвистические проблемы семантики и понимания текста: Сб. науч. тр. - Калинин: Калининск. гос. ун-т, 1986. – С.100-105.

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

В СИСТЕМЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ

*В. И. Галиуллина,
Россия, Уфа, ГБОУ ВПО «Башкирская академия
государственной службы и управления
при Президенте Республики Башкортостан»*

В статье рассматриваются вопросы развития системы непрерывного образования в России, раскрывается взаимосвязь образования с процессом глобализации в Европе, и обсуждаются перспективы организации обучения иностранному языку в системе непрерывного образования личности.

This article summarizes the perspectives of current education in Russia, analyzes the interaction of education with the globalization process in Europe and discusses prospects of foreign language education organizing in the system of current education.

Социальные изменения последних десятилетий вызвали появление новых тенденций развития российского образования. В основе концепции реформирования системы образования у нас в стране, как и во всем мире, заложена идея непрерывного образования, которая заключается в постоянном обновлении знаний, приобретении новых специальностей, развитии творческого потенциала человека на протяжении всей его жизни. Провозглашенная международной организацией ЮНЕСКО непрерывность образования стала основополагающим принципом образовательной политики, предполагая это как «образование через всю жизнь». Большинство европейских стран рассматривает это направление в качестве высшего приоритета национальных и интернациональных политик.

Одним из наиболее эффективных способов реализации принципа непрерывности в образовании является формирование дополнительного профессионального образования. Как любая организованная образовательная деятельность за пределами базовой системы профессионального образования, представляющая дополнительные профессионально-образовательные услуги, она представляет собой самостоятельный компонент общей системы непрерывного образования. В современных условиях важнейшим качеством специалиста становится профессиональная гибкость и мобильность. Специалисты должны периодически совершенствовать профессиональную квалификацию и быть готовыми к освоению смежной профессии и (или) переквалификации.

Проблемами развития концепции непрерывного образования занимаются многие зарубежные и отечественные исследователи. К наиболее известным российским исследователям в этой области, относятся, на наш взгляд, А. П. Владиславлев, Г. П. Зинченко, В. Г. Онушкин, С. И. Змеев, Л. В. Тарасенко, И. К. Войтович и др. В исследованиях данных авторов раскрывается сущность непрерывного образования, осмысливаются его цели, задачи, принципы, структура и функции.

При этом следует отметить, что вопросы обучения иностранному языку в системе непрерывного образования, изучены еще недостаточно. Как известно, роль иностранных языков в нашей жизни велика, знание языков предоставляет безграничные возможности для развития и самореализации личности. С развитием международных деловых контактов, внедрением новых зарубежных технологий, развитием контактов с иностранными специалистами очень возросла потребность регионов в специалистах, владеющих иностранными языками. Именно поэтому сейчас возрастает актуальность обучения иностранным языкам в системе непрерывного образования личности.

В данной связи интерес представляет монография Войтович И. К., в которой автор анализирует отечественный опыт разработки моделей обучения иностранным языкам различных возрастных групп населения. При этом особое внимание уделяется вопросам создания системы непрерывного иноязычного образования на базе Института иностранных языков и литературы Удмуртского государственного университета.

«Мировая глобализация, интеграция внутри Европы и трансформационные процессы в России и других странах Восточной Европы привели к бурному росту контактов во всех сферах нашей жизни на межкультурном уровне. Коммуникация с представителями других культур имели место во все времена, но сегодня как никогда они носят глобальный и массовый характер. Мир стал более открытым, а живущие в нем люди более мобильными. Туристические поездки, обмен школьниками, студентами с целью более глубокого изучения языка, культуры, стажировки ученых и международные конференции, транснациональные концерны, совместные предприятия, выставки, гастроли, политические дискуссии на международном уровне, олимпийские игры, различные спортивные соревнования, личные контакты – вот далеко неполный перечень ситуаций межкультурного общения, прочно вошедших в нашу действительность» [1, С. 15].

Цели непрерывного образования заключаются в том, чтобы способствовать формированию и укреплению навыков самостоятельности личности, развитию творческого подхода, расширению кругозора и способности адаптироваться к изменениям, происходящим в экономике, культуре, обществе. Такие области знаний, как математика, русский язык, иностранный язык и др. необходимы нам на протяжении всей жизни. Изучать иностранные языки целесообразнее с детства, так как программа иностранного языка для младшего возраста создает базу, на которую органично накладывается уже следующий уровень знаний, приобретаемый в школьном, а затем в вузовском и послевузовском образовании.

Языковую подготовку в Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан обеспечивает кафедра иностранных языков, которая была создана в 1999 г. в качестве методологического центра по организации образовательных программ по ино-

странному языку. В ее состав входят квалифицированные преподаватели, прошедшие современную школу лингвистической, переводческой и методической подготовки. Практически, все они стажировались в странах изучаемого языка или в ведущих языковых ВУЗах страны, имеют соответствующие дипломы и сертификаты (Британского совета (Великобритания), Немецкой Академии Менеджмента Нижней Саксонии (ФРГ)). Многие преподаватели выезжали за рубеж в качестве переводчиков, выступали с докладами на российских и международных конференциях по лингвистике и методике преподавания иностранных языков.

В настоящее время кафедра иностранных языков обеспечивает учебный процесс по программам высшего профессионального образования, профессиональной переподготовки и повышения квалификации, осуществляет учебный процесс аспирантуры БАГСУ по иностранному языку, прием вступительного экзамена в аспирантуру и экзамена кандидатского минимума по иностранному языку.

На кафедре создано новое поколение учебно-методического обеспечения дисциплины «Иностранный язык» с учетом различных направлений и профилей подготовки в Академии. В учебном процессе используются современные образовательные технологии, разработаны рабочие программы по профессионально-компетентностному обучению иностранному языку, ориентированные на целевые группы обучающихся. Кафедра применяет как оправдавшие себя традиционные формы обучения, так и современные приёмы интенсификации учебного процесса с привлечением аудио- и видеоматериалов и компьютерных технологий.

Усилиями сотрудников кафедры в Академии разработана программы изучения иностранных языков, позволяющие читать и понимать оригинальную зарубежную литературу по специальности, устанавливать и поддерживать контакты с зарубежными коллегами, вести профессиональную деятельность с использованием иностранного языка. Студенты, аспиранты, слушатели Президентской программы подготовки управленческих кадров имеют реальную возможность овладеть лексическими и грамматическими нормами изучаемого языка и использовать их в профессиональной сфере в форме устного и письменного общения.

Кроме того, кафедра иностранных языков оказывает дополнительные образовательные услуги по обучению иностранным языкам на разных уровнях: от коррекционного курса, цель которого помочь студентам и аспирантам, недостаточно знающим иностранный язык, успешно подготовиться к сдаче итогового экзамена «Иностранный язык в профессиональной сфере», до подготовки к сдаче кандидатского минимума по иностранному языку и сдаче международных экзаменов.

Таким образом, реализуемые в настоящее время в России процессы развития системы непрерывного образования, в том числе обучения ино-

странному языку, обеспечивают широкие возможности для всестороннего гармоничного развития личности каждого гражданина нашего общества. В целях эффективной организации обучения иностранному языку в системе непрерывного образования личности следует исходить из следующих основных принципов:

– обеспечение непрерывного образования на основе преемственности образовательных программ и взаимодействия уровней образования (дошкольного, начального, среднего, общего, дополнительного, высшего и послевузовского образования) в течение всей жизни человека;

– ориентирование обучающихся на применение приобретенных знаний, умений и навыков на практике;

– организация учебного процесса по системе интенсивной информатизации, с использованием дистанционных технологий обучения для различных уровней обучения, в том числе с использованием телекоммуникационной связи.

Список литературы:

1. Войтович И.К. Иностранные языки в контексте непрерывного образования: монография / под ред. Т. И. Зелениной. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. – 212 с.

РАЗРАБОТКА СИСТЕМЫ КАТЕГОРИЗАЦИИ ДЛЯ АНАЛИЗА СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ЯЗЫКОВЫХ РЕПРЕЗЕНТАНТОВ КОНЦЕПТА GUILT В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Л. И. Галлямова,

*Россия, Уфа, ФГБОУ ВПО «Башкирский
государственный университет»*

В данной статье рассматриваются средства языковой репрезентации концепта Guilt в английском языке, разрабатываются возможные системы категоризации концепта Guilt и элементов его содержания.

The present article analyzes the means of lexical representation of the Guilt-concept in English language and develops possible categorization systems for the Guilt-concept and its components.

Социально-психологический феномен вины играет важную роль в культуре, вина является культурологическим концептом. В данной работе мы опираемся на определение понятия «концепт», данное З. Д. Поповой и И. А. Стерниным, согласно которому, концепт – это «глобальная единица мыслительной деятельности, квант структурированного знания» [3, С.7].

З. Д. Попова и И. А. Стернин уточняют, что структура концепта не является жесткой, но является необходимым условием существования

концепта и его вхождения в концептосферу [3, С.8]. Внутренняя организация концепта строится по полемому принципу. Информационное содержание концепта содержит несколько слоев, некоторые из которых представлены отдельными лексемами.

В современном английском языке концепт GUILT структурируется разноуровневыми языковыми единицами, каждая из которых несет культурно-значимую информацию. В результате анализа словарных дефиниций был определен содержательный минимум концепта GUILT, который обозначается как «*a strong feeling of shame and sadness because you have done something that you know is wrong*» [4, с.633].

Для надлежащего проведения анализа языковой репрезентации концепта GUILT в английском языке, необходимо выделить основу для категоризации данного концепта. Существуют различные принципы категоризации структуры концепта (представленные в работах С. Г. Воркачева, З. Д. Поповой и И. А. Стернина, Ю. С. Степанова, М. В. Пименовой и др.).

Концепт GUILT может быть отнесен к социо-оценочным концептам по определению Н.Д. Арутюновой [1, С.56], т. е. к концептам, регулирующим отношение человека к социуму, наряду с такими концептами, как *стыд, срам, посрамление, позор, совесть достоинство, слава, честь* и некоторыми другими.

Основопологающим признаком предлагаемой нами категоризации является оценочная составляющая действия, совершаемого человеком, которая, в свою очередь, может быть разделена на две составляющие:

1) внутренняя оценка человеком своих собственных действий или действий других людей с точки зрения морали и нравственности;

2) оценка действий человека с точки зрения общества, т. е. с нормативно-правовой позиции. Таким образом, первое подполе концепта представляет собой понятия, относящиеся к осуждению действия по морально-нравственным меркам. Второе подполе охватывает признаки осуждения действия по правовым меркам.

Принимая данную категоризацию за основу, на основе анализа словарных дефиниций, содержащихся в авторитетных английских словарях, можно выделить несколько ядерных репрезентантов концепта GUILT, помимо непосредственно слова *guilt: blame, fault, shame*. К первому подполю концепта могут быть отнесены следующие слова и фразы, идентифицирующие чувство вины и осуждение на морально-нравственной основе: *self-reproach, self-accusation, self-condemnation, feelings of guilt, guiltiness, a guilty conscience, a bad conscience, pangs of conscience, remorse, remorsefulness, regret, contrition, contriteness, repentance, penitence, compunction, shame, disgrace, dishonour, rue*. Данные слова обозначают чувство вины, моральной ответственности, которое человек испытывает перед собой и другими, перед обществом, за содеянное, которое считает неприемлемым,

либо в соответствии со своей совестью как внутренним морализатором, либо в соответствии с принятыми в обществе моральными нормами.

Второе подполе концепта GUILT характеризуется следующими словами-идентификаторами: *culpability, guiltiness, blameworthiness, wrongdoing, wrong, wrongfulness, criminality, unlawfulness, misconduct, delinquency, sin, sinfulness, iniquity, responsibility, accountability, liability, answerability, misdeed, wrongdoing, offence, misdemeanour, misconduct, sin, vice, lapse, indiscretion, peccadillo, transgression, trespass*. В большинстве своем, слова-идентификаторы, принадлежащие ко второму подполю, носят определенный денотационный характер, обозначая виды преступлений, нарушений общественных и правовых норм, а также ответственность перед обществом и правовой системой.

Э. Р. Доддс, вслед за некоторыми американскими антропологами, различает два типа культуры: *shame-culture* и *guilt-culture*, культуру вины и культуру стыда. Культура стыда придерживается системы ценностей, основанных на понятиях чести и славы, т. е. репутации человека в обществе. Культура вины придерживается нравственных норм, установленных законом [1, С.57].

В ходе анализа словарных единиц, репрезентирующих концепт GUILT, было уделено внимание реализации сопряженных с понятием вины культурных концептов «стыд, совесть», в частности, были выявлены компоненты, указывающие на внутренние переживания, душевные муки индивида, совершившего некий проступок: *guilt-ridden, be consumed with guilt, be haunted by guilt, be overwhelmed with guilt, be racked with guilt, assuage guilt, suffer guilt, a burden of guilt*. Также в содержательной структуре единиц, репрезентирующих концепт GUILT, представлены компоненты, идентифицирующие муки совести: *guilty conscience, bad conscience, to feel pangs of conscience*. Доминанты «культуры стыда» проявляются в наличии компонентов, отражающих утрату достоинства, чести: *loss of face, disgrace, dishonor, to fall from grace, immorality, shame, degradation, ignominy, disrepute, ill-repute, infamy, scandal, opprobrium, obloquy, condemnation, contempt, disesteem, derogation*.

Компоненты, отражающие доминанты «культуры стыда» (*feel responsible – feel that you made something bad happen, especially because you were careless or you have prevented it from happiness*) присутствуют практически во всех репрезентантах концепта GUILT: *culpable, blameable, responsible, accountable, liable, reproachable, condemnable, delinquent, sinful, convicted* [2, С. 315].

Доминанты «культуры совести» отражены в содержании единиц, описывающих глубокие переживания, самоосуждение, раскаяние: *self-reproach, self-accusation, self-condemnation, feelings of guilt, guiltiness, a guilty conscience, a bad conscience, pangs of conscience, remorse, remorsefulness, regret, contrition*,

contriteness, repentance, penitence, compunction, shame, disgrace, dishonour, rue, и т. п.

Для более детального понимания содержательной структуры репрезентантов концепта GUILT был проведен анализ по аналогии с аналитическим методом С. В. Ивановой и З. З. Чанышевой [2, С.316]. По результатам проведенного анализа были выявлены обязательные и факультативные элементы содержания концепта GUILT. К обязательным элементам можно отнести четыре группы компонентов. Во-первых, это непосредственное наименование совершенного проступка, преступления. Вторая группа элементов охватывает описание причины, явившейся основанием для неправомерного действия. Третья группа включает в себя репрезентанты, обозначающие факт содеянного, осознание вины или признание вины, что ведет к возникновению чувства моральной ответственности. Далее наступает реакция индивида на содеянное, которая может быть выражена сильным раскаянием, внутренними переживаниями или легким смущением, чувством неловкости. Разновидности реакции индивида могут быть отнесены к факультативным признакам содержания.

1. Наименование поступка: *misdeed, wrongdoing, offence, misdemeanour, misconduct, sin, vice, lapse, indiscretion, peccadillo, transgression, crime, illegal/unlawful act, breach/violation/infracton of the law, felony, delinquency, infringement, act of dereliction, shortcoming, fault, malefaction, evil-doing.*

2. Причина поступка: *unprofessional behaviour, unprofessionalism, unethical behaviour, malpractice, maladministration, dereliction of duty, negligence, breach of ethics, neglect, oversight, through my fault, carelessness, forgetfulness, thoughtlessness, indifference, inattention.*

3. Факт осознания/признания вины: *culpable, to blame, blameworthy, blameable, at fault, in the wrong, responsible, answerable, accountable, liable, censurable, reproachable, condemnable, reprehensible, erring, errant, delinquent, offending, sinful, felonious, iniquitous, criminal, convicted, peccant.*

4. Разновидность реакции индивида на содеянное – чувство смущения, неловкости: *ashamed, uncomfortable, sorry, rueful, discomfited, distressed, abashed, shamefaced, sheepish, embarrassed.*

5. Разновидность реакции индивида на содеянное – внутренние переживания, чувство раскаяния, душевные страдания: *mortified, in sackcloth and ashes, with one's tail between one's legs, compunctious, remorseful, conscious-stricken, guilt-ridden, regretful, contrite, repentant, penitent, hangdog, self-reproach, self-accusation, self-condemnation, feelings of guilt, guiltiness, a guilty conscience, a bad conscience, pangs of conscience.*

Таким образом, результаты проведенного анализа представляют собой некую систему категоризации для рассмотрения содержательной структуры компонентов репрезентантов концепта GUILT. Предлагаемая нами категоризация концепта GUILT имеет относительный характер и может быть дополнена и изменена другими исследователями.

Список литературы:

1. Арутюнова Н.Д. О стыде и совести//Логический анализ языка: Языки этики/Отв.ред. Н.Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н.К. Рябцева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 448 с.
2. Иванова С.В., Чанышева З.З. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения: Монография / С.В. Иванова, З.З. Чанышева. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. – 366 с.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку//Антология концептов/Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. – М.: Гнозис, 2007. С. 7-9.
4. Longman Dictionary of Contemporary English. - Pearson Education Limited, 2001.
5. Macmillan English Dictionary. - Bloomsbury Publishing Plc, 2002.
6. Oxford Collocation Dictionary. – Oxford: Oxford University Press 2003.
7. Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms. – Oxford: Oxford University Press, 1999.
8. Oxford Thesaurus of English. – Oxford University Press, 2004.

СЛОВА ПЕРИОДА НЕМЕЦКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ И ИХ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ

*Р. Г. Гатауллин,
Россия, Уфа,*

ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»

В статье рассматриваются слова и словообразовательные конструкции, содержащие в семантической структуре культурологические знания, развитие их многозначности. Подробно анализируются слово *Soli* и его производные, создание дополнительных элементов значения.

In this article the following issues are examined: the words and word-formative constructions that are enclosed in the semantic structure of culturological knowledge, the development of their polysemy. The word «*Soli*» and its derivatives are analyzed in detail, as well as creation of additional elements of meaning.

В современном немецком языке имеется значительное количество слов, связанных с современной немецкой историей, характеризующихся наличием в семантической структуре культурологических знаний. К ним относятся, прежде всего, слова эпохи исторического переворота в 1989-90 гг., так называемые *Wende-Wörter* – необычные словообразовательные и семантические неологизмы, впитавшие в семантическую структуру глубокие изменения в общественной системе: *Blockflöte*, *Beitrittsgerangel*, *Beitritts-Hickhack*, *Billig-Ostland*, *Billig-Ossiland* [1, С.7]. Наряду с культурологическими компонентами значения они обладают эмоционально-экспрессивными коннотациями, так как номинация объекта происходит с субъективно заинтересован-

ных позиций, ср.: Noch-DDR, Noch-Volkskammer, Noch-DDR-Regierung, Sündenbock-Syndrom, Betonkopf, Möchtegerne-Bundesbürger, Einheitstaumel, Einheitsgalopp, Mauerspecht, [4] и т. д. В эпоху исторического переворота относительно высокую словообразовательную продуктивность проявляет *Wende* (*перестройка, переворот*) в составе сложных слов, ср.: Wendestaatsstreich, Wendeheuchler, Wendebruder, Wendeschwester, Wendehals, Wendekommunist, Wendemut, Vor-Wende-Frühling, Wendekampf, SED-Wender, Kater nach dem *Wenderausch* [3, С.25]. Многие перестроечные словообразовательные конструкции с компонентом *Stasi*- стали меткими, модными словами (Schlagwörter) того времени: Stasigespenst, -heuchler, -hysterie, -staat, -story, -strudel, -verdacht, -vorwurf, -welle; *Stasi-Frust* und dicke Gesetzbücher auf dem Gabentisch (НТВ 28./29.12.91). Das große Unbehagen, dem die *Schreihälse* durch den skandierten Ausruf «Heuchler», Ausdruck verleihen, wurde von einem nicht geringen Teil der Demonstranten im Grundsatz durchaus geteilt (SZ 21./22.11.92). Значительная часть этих слов связана с конкретными реалиями или с относительно коротким отрезком перестроечного процесса в бывшей ГДР, ср.: (in) Einheitsanorack, Blockflöten-Partei, Blockflöten-Vorwurf, Hierbleiber, Trabi-Welle, D-Mark-Wahl, Blockflöte, DM-Wunderland, DM-Zeitalter. Создание словообразовательных конструкций было реакцией на реалии тогдашней Германии с иронической позиции, с иронической дистанции: Lieber ein Glas GORBATSCHOW als einen Topf voller *KOHLsuppe*; Wir lassen uns weder *einKRENZEN* noch *verKOHLen*. Verweigerung statt *VerWAIGELung*. Der Autor schreibt mit spitzer Feder und beschränkt seine bissige Satire auf die *De-De-Erich-Zeit* durchaus nicht auf die *Volksbildhauerei* (ND, 20.07.90). Как показывают выделенные примеры, их коннотативная окрашенность опирается на «игровое» употребление имен политиков того времени, ср.: Горбачев – 1) политик (Горбачев М. С), 2) название водки; Коль – 1) Helmut Kohl («канцлер немецкого единства»), 3) Kohl - капуста (Kohl suppe – щи); а также Кренц (Egon Krenz), Эрих Хонекер (Erich Honecker), Вайгель (Theo Waigel) и т. д. Следует предположить, что коннотативная окрашенность слов эпохи исторического переворота (*Wendewörter*) «изнашивается» и постепенно исчезает: после достижения определенной точки коммуникативной релевантности и активности эти слова самое большее будут иметь окраску «архаичности».

К словарю перестроечного времени относится также слово **Soli** с его пейоративно окрашенным расширенным вариантом *Wende-Soli* «налог перестройки, налог, связанный с перестройкой». В качестве усечения слова *der Solidaritätszuschlag* (солидарная доплата, солидарная надбавка) в немецком языке оно появилось в 1991 году после введения дополнительного налога (Zuschlag auf die Einkommenssteuer, Kapitalertrags- und Körperschaftssteuer). Основное назначение этого прямого налога было возмещение дополнительных расходов, связанных с восстановлением немецкого единства. Доходы от данного налога составили в 2012 году 13,624 млрд. евро, ср.:

«Der **Soli** spült jedes Jahr rund zwölf Milliarden Euro in die Bundeskasse und kann vom Bund allein abgeschafft oder verändert werden. Wohin fließt der **Soli**.» В последующие годы появилось большое количество сложных слов с *Soli* в качестве первого или второго компонента. Само слово *Soli* и его производные в политических текстах, а также в коммуникации характеризуются высокой активностью и частотой употребления. Неслучайно слово *Soli* в 2011 году стало «словом недели» на телевизионной программе ProSieben: «Das Wort der Woche ist **Soli**» (www.prosieben.de 29.07. 2011). Следует отметить, что в Германии ежегодно «Обществом немецкого языка» (Gesellschaft für deutsche Sprache) определяется «слово года» «das Wort des Jahres» - самое общественно значимое слова года, сравни «слова года» в истории Германии: Finanzkrise, Klimakatastrophe, Fanmeile, Bundeskanzlerin, Hartz IV, Das alte Europa, Teuro, Schwarzgeldaffäre, Millennium, Reformstau, Sparpaket, Superwahljahr, Sozialabbau, Politikverdrossenheit, Besserwessi, Die neuen Bundesländer, Reisefreiheit, Gesundheitsreform, Tschernobyl, Glykol, Ellenbogengesellschaft, Nulllösung, Rasterfahndung, Holocaust и другие. Одновременно определяются также так называемые Unwörter – слова с ярко выраженными отрицательными коннотациями (слова противоположные «словам года»), ср.: Herdprämie, Entlassungsproduktivität, Humankapital, Ich-AG, Gotteskrieger, Kollateralschaden, sozialverträgliches Frühableben, Wohlstandsmüll, Rentnerschwemme, Diätenanpassung, erweiterter Selbstmord, Scheininvalidе.

Несмотря на активность и частотность употребления в различных текстах, слово *Soli* и его полная форма *Solidaritätszuschlag* в современных немецких словарях не зафиксированы. Указывается лишь на форму множественного числа слова Solo: Wahrig Deutsches Wörterbuch [с.1189], DUDEN Deutsches Universal Wörterbuch A-Z [с.1414]: Soli ↑ Solo (n; s, -li): *Kantate für Soli, Orchester und Chor*. Можно предположить, что Soli может быть и усеченной формой слова Solidarität. Однако *Soli* как существительное женского рода в корпусе наших примеров полностью отсутствует, хотя сложные слова со значением «солидарность» часто встречаются, ср.: Solikundgebung (Solidaritätskundgebung) – митинг солидарности; Solikampf (Solidaritätskampf) – борьба солидарности. По значению «**Soli**» может быть также усеченной частью слов Solicitation, Solicitor, solid, Solidago, Solidarökonomie, Solidarbürgerschaft, Solidargemeinschaft, solidarisch, solidarische Bürgerschaft, solidarische Haftung и т. д. Этим объясняется его многозначность в составе композит. Иногда встречается форма **SoLi**, также со значением «солидарность», «солидарный», например: «Der **SoLi**-Verein unterstützt Projekte». Таким образом, **Soli** можно рассматривать как многозначное слово, полисемия которого развивалось в процессе его функционирования, и как омоним, поскольку **Soli** является результатом усечения разных слов.

Анализ Интернет-сайтов таких популярных изданий как Der Spiegel, Die Welt, Focus, Süddeutsche Zeitung, Frankfurter Allgemeine Zeitung (FAZ), Welt am Sonntag, Wirtschaftswoche, TAZ, Handelsblatt, Bildzeitung свидетельствует о том, что **Soli** как самостоятельное слово и в составе композит функционирует, как правило, в двух значениях: 1) налог; 2) солидарность, солидарный. Иногда авторы газетных статей используют эту многозначность в стилистических целях, обыгрывая оба значения в одном контексте, ср.: Unsinn über *irgendeinen Soli...* Dabei fangen die Probleme schon in der Überschrift an: Was genau meint (www.bild.de 22. 03. 2012). Встречаются многочисленные сложные слова как, например, Solipakt, Soliverpflichtung der Bundesländer, Solizuschlag, Solizuschuss, где значение первого компонента очень сложно однозначно декодировать, ср.: Rot-Grün in Niedersachsen will Ende des *Soli-Zuschlags* (www.haz.de).

Значение «налог» реализуется в большинстве примеров, ср.: «Der *Soli* war nie als Dauer-Zuschlag gedacht. Der CDU-Wirtschaftsrat fordert laut «Spiegel» ebenfalls den «*Soli*» zu senken. «Wir sollten den Soli in *Straßencent* umbenennen (Die Welt 20.03. 2013). Значение «налог» присутствует в таких сложных словах, как *Soli-Einnahmen*, *Soli*»-*Streit*, *Soli-Urteil*, *Soli*-Politik, *Soli*-*Abbaugesetz*, *Soli*-*Debatte*, *Soli*-*Senkung*, *Soli*-*Abschaffung*, *Soli*-*Aus*, сравни: «Mehrere Unionspolitiker aus Ostdeutschland machen sich für die Beibehaltung des *Solidaritätszuschlags* stark. Sie wehren sich gegen *Soli*-*Abschaffung*» (Frankfurter Rundschau 19. 03. 2013) «Ost-Politiker kritisieren mögliches *Soli*-*Aus* scharf». (Fokus)

Финансовый кризис во многих странах валютного союза явился причиной появления нового культурологического компонента в семантической структуре *Soli*, а именно значения «налог в пользу обанкротившихся стран ЕС»: «Deutsche wollen den *Euro-Soli*, um die europäische Gemeinschaftswährung zu retten». «Der *Euro-Soli* kommt. Der **Euro**-*Rettungswahn* treibt immer neue Stilblüten. Die Deutschen sollen einen *Euro-Soli* zahlen und mit ihren Beiträgen die Arbeitslosen in den Pleitestaaten unterstützen». (Die Welt, 2.03. 2013) «*Schulden-Soli*» soll Europa aus der Krise helfen. Mit dem «*Zypern-Soli*» bricht Europa ein Tabu (Die Welt 20. 06. 2012, www.welt.de). Energie-Gruppe verlangt «*Soli*» auf zypriotisch (Интернет-сайт: www.euronews.de). Bundeskanzlerin Angela Merkel hat sich für die Einführung eines *Soli-Fonds* in der Eurozone ausgesprochen. (Wirtschaftliche Nachrichten, 25.10.2012) «So war es auch beim Rettungspaket für das pleitebedrohte *Zypern*. Wer mehr als 100 000 Euro auf dem Konto hat, muss eine «*Solidaritätsabgabe*» von 9,9 Prozent berappen» (Die Welt 25.03.2013, www.welt.de). «*Der Griechen-Solikommt*». 22,4 Milliarden Euro macht Deutschland für die Griechen locker. (www.focus.de 05.05.2010) Кроме того, в предложениях «*Der Euro-Soli kommt*», «*Der Griechen-Soli kommt*» присутствует также значение «страх, ужас» по ассоциации с известным в немецком языке выражением «die Tataren kommen» (приходит что-то страшное, наступают ужасные времена).

На базе значения «налог» развивается значение «дополнительная плата, взнос», ср.: «*Soli-Abgabe* (Titel) Gäste sollen freiwilligen Bonus in Höhe von drei Prozent des Reisepreises zahlen können» (www.abendblatt.de 5.08.2012); (*Soli-Abgabe* - дополнительная оплата туристов в пользу пароходства); *Soli-Kasse* [Richard von Weizsäcker] (слово употреблено бывшим федеральным президентом в значении «касса взаимопомощи») «Der *Kinder-Soli* ist nur Abzocke. Die Unionsspitzen versuchen die Debatte, dass Kinderlose eine Sonderabgabe zahlen sollen, zu ersticken – vergeblich. Denn der Generationenvertrag ist notleidend». (www.bild.de 15. 02. 2012) (*Kinder-Soli* - налог за бездетность). Расширение культурологического компонента в структуре значения *Soli* наблюдается также в композите «*Energie-Soli*», ср.: Bundesumweltminister Peter Altmaier (CDU) plant diverser Medienberichte zufolge einen Vorstoß in Sachen EEG, der unter dem Namen «Strompreis-Sicherung» kursiert. Eine juristische Prüfung, ob der *EEG-Soli* und zusätzliche Eingriffe bei Bestandsanlage dem durch die Verfassung garantierten Vertrauensschutz entspreche, sei unerlässlich. *Energie-Soli* war eine große Überraschung für viele, was sich da heute Morgen durch das Internet wie ein Lauffeuer verbreitete (www.bild.de 28.01. 2013). Благодаря пейоративному значению второго компонента в некоторых случаях в словообразовательных конструкциях с компонентом *Soli* возникают отрицательные коннотации, ср.: Die *Soli-Sauerei*: Geld verschwindet in Haushaltslöchern. Wir zahlen 32 Milliarden Euro zu viel. Eigentlich sollten wir den *Soli* ja nur vorübergehend bezahlen! (www.bild.de 29. 09. 2007) *Soli-Schwindel* wird fortgesetzt. (www.focus.de 17. 08. 2009) Ostdeutsche Politiker lehnen Aus für *Soli* ab. Finanzministerium erwägt *Gesundheits-Soli*. Hamburger sollen *Olympia-Soli* im Fitnessstudio zahlen.

Декодирование, понимание, а также перевод слов с компонентом «*Soli*» затрудняется наличием в предложениях и других культурологических релевантных языковых единиц, ср.: Urteil in *München* bestätigt «*Soli*»-Politik. Auch 20 Jahre nach der Wiedervereinigung hat der Solidaritätszuschlag seine Berechtigung. Das haben die obersten deutschen Finanzrichter bestätigt. (www.sueddeutsche.de 21. 07. 2011) Der «*Soli*» wackelt. *Karlsruhe* soll entscheiden (название статьи). Der seit fast 20 Jahren erhobene Solidaritätszuschlag kommt in *Karlsruhe* auf den Prüfstand (www.focus.de 25.11.2009). Предложения содержат страноведческие знания, известные немецкому читателю, о том, что в *Мюнхене* находится Федеральный верховный суд (Bundesfinanzhof), а *Карлсруе* употребляется в метонимическом значении: название города обозначает то, что там находится, а именно Федеральный конституционный суд (Bundesverfassungsgericht). *Soli* употребляется также с сокращенными словами, имеющими культурологическое значение, ср.: EEG (Elektroenzephalogramm) EEG-*Soli* – Der Vorschlag einen EEG-*Soli* ... einzuführen, ist ein Schlag ins Gesicht eines jeden, der eine Investitionen im Bereich der Erneuerbaren Energien getätigt hat. (München bbv 29.01.2013 Pressemitteilung).

Иногда слова, часто употребляющиеся как синонимы, отличаются друг от друга как по культурологическому, так и по содержательному компоненту: *Solidaritätszuschlag* - вид налога, а *Solidarpakt* - субсидия федерального государства, предназначенная для восточных земель, ср.: «Zwischen dem *Solidaritätszuschlag* und dem *Solidarpakt* kommt es in der Debatte häufig zu Verwechslungen. Der Solidaritätszuschlag, kurz *Soli* genannt, wird seit 1991 in Form eines Zuschlags von 5,5 Prozent auf die Einkommens- und Körperschaftssteuer erhoben. Der *Soli* ist jedenfalls nicht identisch mit dem Solidarpakt II, über den die ostdeutschen Länder und Berlin von 2005 bis 2019 rund 156 Milliarden Euro erhalten» («Welt am Sonntag»). Однако в следующих предложениях *Solidarpakt* функционирует в значении *Solidaritätszuschlag*, т. е. как полный его синоним, ср.: SELLERING will den *Soli-Pakt* für alle: Der Ministerpräsident von Mecklenburg-Vorpommern hat sich für einen gesamtdeutschen *Solidarpaktausgesprochen* (Mitteldeutsche Zeitung, 17.12. 2012). Neuer Zündstoff im Streit über den *Solidarpakt*: Laut «Handelsblatt» sind die Kommunen der meisten ostdeutschen Länder im Plus: Ost-Kommunen schreiben schwarze Zahlen; in Westdeutschland ist es umgekehrt. Das größte Etatloch klafft in Hessen. (www.spiegel.de 23.03-2012) Streit um *Ost-Soli*: Der umstrittene *Solidarpakt* Ost muss dem Städte- und Gemeindebund zufolge langfristig von einem Investitionsfonds abgelöst werden. (www.focus.de 21.03.2012).

Значение «солидарность, солидарный» присутствует в семантической структуре ряда сложных слов, ср.: *Soli-Seite*. *Soli-Kreis* *Soli-Aufruf*, *Soli-Grüße*, *Soli-Party*, *Soli-Aktion*, *Soli-Brigade*, *Pussy-Riot-Soli*, *Venezuela-Soli*, *Soli-Gruppe*, *Olympia-Soli*, *Gesundheits-Soli*, *Antifa Soli-Konzert*, *Heizkosten-Soli-Festival*, ср.: «*Soli-Demo* für die ermordeten Kurdinnen». *Soli-Komitee* Wuppertal –*Solidarität* mit dem Widerstand; *Soli-Grüße* aus Krakow: «Freiheit für die revolutionären KämpferInnen Sonja Suder und Christian Gauger, die vom Deutschen Staat verfolgt werden. Morgen findet in Rostock eine *Soli-Party* zur Unterstützung des «Medinetz Rostock» statt. *Soli-Aktion* für Tim H. in Güstrow. Tim H. wurde zu einer Haftstrafe von 22 Monaten ohne Bewährung verurteilt. *Soli-Erklärung* der IL zu Dresden und der Repression gegen Tim H. (www.antifa.de 21.01.2013). *Soli-Touren* Radreisen in Deutschland und Europa. *Soli-Kram*: Alles aus dem Bereich Antifa. (www.bild.de 18. 02. 2013) *Rabatz-Soli-Konzert* und Demo Hauptbahnhof Paderborn. Ein Filmabend und eine «*Soli-Party*» stehen im Gmünder Jugendkulturzentrum «Esperanza» auf dem Programm. (www.schwaebische-post.de). Eine *Soli-Brigade* nach Nicaragua (www.taz.de) *Mobi-Veranstaltung* und *Soli-Brunch* für das Bundesweite. Es gab zahlreiche Festnahmen bei Frauendemo und *Pussy-Riot-Soli* in Nowosibirsk. (день солидарности «свободу пусси райот») (de.ria.russia 8.03.2013). Hier geht es zur *Soli-Bären-Galerie*. *Venezuela-Soli*: Informationen der *Soli-Gruppe* Venezuela zu Terminen aus Frankfurt. Der *Lobbyisten-Soli* (Berliner Zei-

tung 13.02. 2013). *Soli-Öl, Soli-Forum; Soli-Artikel: Soli-Stuff; Soli-T-Shirt* für Deniz K. Die Einnahmen gehen an Deniz für Gerichts- und Anwaltskosten! *Soli-Kaffee* in Solidaritätspresso. *Soli-Abo* spenden Der Schlüssel zur Freiheit. Spenden Sie ein Knast-Abo: Täglich verschickt die taz etwa 750 Abos an Gefangene. (www.taz.de). *Soli-Party* in Halle (Mitteldeutsche Zeitung 32.01.2013). *Soli-Party* zur Unterstützung unseres Film-Projekts.

Кроме того, в языке имеется небольшое количество лексических единиц, являющихся омонимами, ср.: вошедшее из итальянского языка **Soli** со значением «студийный альбом итальянского певца и актёра Адриано Челентано»; названия многочисленных итальянских ресторанов в Германии: Italienisches Restaurant «Tre Soli»; Herzlich Willkommen im «TRE SOLI»; Spätessen Berlin Trattoria Tre **Soli**; названия итальянских гостиниц: Hotel Tre **Soli**, Schoppernau: Angebote für Hotel Tre **Soli** bei TripAdvisor; имена, фамилии: Tatjana **Soli** is a novelist and short story writer.

Сложные слова с компонентом *Soli-* участвуют в создании фразеологических сочетаний, ср.: «Ostpolitiker laufen Sturm gegen *Soli-Abschaffung*» (Mitteldeutsche Zeitung); «Brüderle will Soli an den Kragen» (Welt am Sonntag). В Интернете можно найти немало примеров жаргонного употребления **Soli** в пейоративном значении, ср.: Der Sommer braucht den CSD und dafür *Solimäuse!* Da ist der Frühling genau der richtige Zeitpunkt, um diese einzutreiben...Wir freuen uns als eine mini-Version des Dragzhaufens (sogenanntes Dragzhäuflein) diese duftige Jahreszeit, und hoffentlich viele *Solimäuse* bei der Queeren *Soliparty* für den Transgenialer CSD begrüßen zu dürfen. Wir machen Quatsch.

Таким образом, для интерпретации разных типов словообразовательных конструкций, для правильного декодирования их значений необходимы знания различного рода: а) языковые знания; б) фоновые знания, которые не всегда расположены непосредственно на поверхностной структуре текста; в) культурно-специфические, социокультурные (исторические, экономические, политические и др.) знания. Понимание словообразовательных конструкций, имеющих дополнительные культурологические знания, связано также с различиями в языковых общностях. Чем больше дополнительных знаний кроме лексико-грамматических потребуется для интерпретации, тем сложнее интерпретация словообразовательных конструкций. Интерпретация каждого типа словообразовательной конструкции, как свидетельствуют примеры, всегда требует наличия определенного объема неязыковых знаний или знаний картины мира. Общие знания, к которым прибегает читатель, существенно облегчают восприятие новых слов, исходя из традиционных механизмов переработки словообразовательной конструкции. Таким образом, любой акт языковой деятельности предполагает наличие неязыковых знаний [5, С. 190].

Список литературы:

1. *Oschlies*, Wolf: *Wir sind das Volk. Zur Rolle der Sprache bei den Revolutionen in der DDR, Tschechoslowakei, Rumänien und Bulgarien*, Böhlau Verlag Köln Wien, 1990.

2. *Weizsäcker*, von Richard: *Verantwortung für sozialen Fortschritt, Gerechtigkeit und Menschenrechte*, - Bonn, 1986.

3. *Wörter und Unwörter. Sinniges und Unsinniges der deutschen Gegenwartssprache*. - Falken-Verlag, Niederhausen, 2003.

4. *Wörter, die Geschichte machten. Schlüsselbegriffe des 20. Jahrhunderts*. Bertelsmann - Lexikon Verlag, 2001.

5. *Wilss*, W.: *Wortbildungstendenzen in der deutschen Gegenwartssprache*, - Gunter Narr Verlag, Tübingen, 1986.

ВАЛЕНТНОСТЬ И СТИЛИСТИКА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Р. Г. Гатауллин, Л. Р. Шайхутдинова,

Россия, г. Уфа,

ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»/ ИКЕА

В статье рассматриваются проблемы валентности, ее виды и роль в образовании производных и сложных слов. Анализируются нарушение семантической сочетаемости и правил дистрибуции деривационных морфем; полярность между немецкими и иноязычными морфемами; напряженность между системой и нестандартным употреблением; контраст между прямым и образно-переносным значением составных частей.

In this article the problems of valence, its types and role in the building of derivative and compound words are examined. The following issues are analyzed: the violation of semantic compatibility and rules of distribution of derivative morphemes; the polarity between German and foreign morphemes; the intensity between the system and non-standard usage; the contrast between direct and figurative meaning of compound parts.

Создание слова – соединение одной лексической основы с другой, лексической основы с деривационной морфемой (словообразовательным суффиксом или префиксом) происходит по существующим в конкретном языке правилам и закономерностям; формирование производного слова определяется закономерностями словообразовательных моделей, лексико-грамматической характеристикой, индивидуальным значением производящей основы, валентностью словообразовательных элементов. Таким образом, лексическое наполнение словообразовательных моделей ограничено названными лексико-семантическими валентными рамками. Способность образовать «правильное слово» зависит как от индивидуальной семантики производящей основы, так и от лексико-категориального значения деривационной морфемы. При наполнении словообразовательной модели без учета семантической природы непосредственно составляющих либо без учета семантической связи между компо-

нентами создается тот или иной компонент коннотативного значения. Даже небольшое отклонение от полной характеристики семантического инварианта модели вызывает эмоционально-экспрессивную окраску производных слов, а сами словообразовательные конструкции получают статус нестандартности.

Нестандартизированными являются отчасти словообразовательные конструкции, образованные по конкретному образцу, по аналогохолистическому принципу в отличие от композиционно упорядоченного (композиционно регулярного) принципа стандартизованных словообразовательных конструкций [6, С. 257]. Следует при этом заметить, что между стандартными и нестандартными окказионализмами, равно как и между узуальными и не узуальными словами четких границ не наблюдается; так, например, в книге Ortner, H. / Ortner, L. *Zur Theorie und Praxis der Kompositaforschung* термин *Quadratnestpflanzverfahren* [15, С. 639] рассматривается как неuzuальное слово, ср. также *Schießbudenlandschaft* [8, с. 13-14]). В то время как стандартизованные окказионализмы являются результатом естественной реализацией потенциальных возможностей деривационной системы языка, то нестандартные окказионализмы образуются путем устранения, отмены ограничений [1, С. 73] и окказионального наполнения словообразовательных моделей, ср.: *Augenzwang, Drohnenflur, Gottesgefäß, Gotteshügel, Rauchverlies, Schattenflur, Schlummerpunsch, Zermalmungsschauer* (Benn, *Werke*); *Gewissenszange* (Böll, *Clown*); *Lügenkörnchen* (OLe), *Gedanken-Krüppel* (Grass, *Schnecke*); *Menschenhülse, Lärmlumpen* (Wohmann, *Jetzt*); *Vielpersonenperson, Wortsarg* (Grass, *Schnecke*); *Esssarg, Schlafsarg, Wohnsarg* (Wolf, *Himmel*). Особенно часто встречается устранение семантических и семантико-стилистических ограничений и соединение семантически несовместимых компонентов [14, С. 42-45], вследствие этого возникают необычные сложные существительные, отличающиеся различной степенью метафорической образности и экспрессивности, ср. например образования у Бенна, Селана, Грасса, Канта, Штритматера с составной частью «Wort-»: *Wortblume* (Ole), *-bombe* (Celan), *-brocken* (Abspann), *-falle* (Grass, *Schnecke*), *-fetzen, -gefunkel, -höhle, -hülse, -kanone, -land, -mord, -nacht, -salat, -sand, -schein, -schneise* (Celan), *-schutt, -sarg* (Grass, *Schnecke*), *-teig -ungestüm, -Vigilie, -waage, -wand, -wegen* (Celan), *-zweig* (Wundertäter), *Baum-, Mutter-, Orlog-, Purpur-, Tausend-, Würge-, Zeltwort* (Celan), *Siebenschläferwort* (Benn), *Schnellfeuer-Wortsalat* (Grass, *Schnecke*); *auch Sprachturm, Satzbordell* (Benn); *Satzblume* (Wundertäter); «Das einzige unparfümierte Wort in diesem *Wortbausch* ist doch der Name «Stern» (Es geht, S.152). У названных сложных существительных снимаются ограничения совместимости; дифференциальные семы составных частей *Wort-, -wort, Satz-, Sprache-* отчасти нейтрализуются, благодаря чему в тексте возникает обусловленная эффектом неожиданности экспрессивность, ср.: Das Wort «knorke» nehmen die Duden-Verfasser zum Beispiel in ihre *Wörterbibel* auf. Sie ordnen es der Umgangssprache zu (Laden). In meinem Osterzeugnis wird mir vom Lehrkörper bescheinigt, dass ich mich seit Michaeli nur in Turnen verschlechterte.

Dort steht jetzt hinter dem Doppelpunkt mangelhaft. Ein *Donnerwort*. Aber ich gewöhne mich an meine Unzulänglichkeit in Körper-Ertüchtigung (Laden 2).

Нестандартизованные окказионализмы, являющиеся произведениями текста [16, С. 83], существуют в языке благодаря наличию в их необычной семантической структуре метафорических образов: Ich hasse Veteranengeschwätz, weil es meistens den bramarbasierenden *Urstoff*, sozusagen die *Veteranenhefe* für die nächste Veteranengeneration enthält (Böll 1987, S. 113). Vgl. auch: Ihre Lippen, geschminkt in der Form einer sommerseligen Kirsche... das helle rotlippige Gesicht... er sah die Mundkirsche sektnass aufplatzen... *Lippenkirsche*, ihre kühlen *Sektlippen* (Wohmann, Jetzt). На основе их употребления в тексте можно сделать вывод о степени их распространенности [11, С. 47]. Из-за необычного соединения компонентов возникает «отношение напряженности» («Spannungsverhältnis»), напряжение между собственным значением слова и его реализацией в тексте, которое может быть усилено так называемой «контрастивной конфронтацией словообразовательных средств» [18, С. 151]. Созданию «отношения напряженности» способствуют:

- нарушение семантической сочетаемости (Kompatibilität), стыковка (соединение) непосредственных составляющих, которые семантически не подходят друг к другу [9, с. 273; 17, с. 204; а также 10]. Результатом сочетания особой формой словообразовательных конструкций с некомпатибельным ИС является оксюморон;
- нарушение правил дистрибуции деривационных морфем;
- полярность между немецкими корневыми морфемами и суффиксами иноязычного происхождения;
- напряженность между системой и нестандартным употреблением языка. Это порождает выразительные окказионализмы [12, С. 206];
- взаимосвязь и взаимодействие между стилистико-коммуникативной ролью моделей и внешним контекстом их реализации;
- контраст между прямым и образно-переносным значением составных частей;
- повторы *megamegaschlau* [7, С. 24].

Нестандартизованные сложные существительные «не воспринимаются как аномальные или бессмысленные, поскольку их противоречивость в плане содержания лишь частична»: *Straßenkehrer-Akademie*, *Provinz-Regent* (FAZ), *Frömmigkeitsstriptease* (Zeit), *Fixstern-Unfehlbarkeit*, *Papstlehrling* (Brezan, Semester); *Mode-*, *Nachtigallen-Salate* (Wohmann 92), *Weingeistregen* (Süskind), *Phrasenbrei* (Holt 2), *Deutschlandbrei* (Böll).

Современная теория валентности позволяет установить некоторые закономерности образования новых слов при помощи деривационных элементов в рамках соответствующих словообразовательных моделей. Под валентностью языкового знака понимаются закономерности его сочетаемости с другими языковыми знаками. Различают внешнюю и внутреннюю валентность слова. Внешняя валентность слова выражается в возможности

его соединения с другими словами в составе предложения или словосочетания. Внутренняя валентность слова определяется как закономерности лексического наполнения словообразовательных моделей, или как закономерности соединения элементом производного или сложного слова на уровне непосредственно составляющих его лексической основы [5, С. 15-16]. Внутренняя валентность рассматривается как совокупность условий реализации лингвистических возможностей словообразования. Как подчеркивает М. Д. Степанова, внутренняя валентность слова может рассматриваться в двух планах: как формально-морфологическая и как семантическая [5, С. 17]. Формально-морфологическая валентность выражается в том, что словообразовательные элементы соединяются с определенными основами в зависимости от их морфологической принадлежности, фонетической структуры и т. д. К формально-морфологической валентности словообразовательных элементов относятся фонетические, морфологические, структурные ограничения их сочетаемости с производящими основами. Фонетические закономерности выражаются в слоговой и акцентуальной характеристиках аффикса и производящей основы, в характере звукового стыка непосредственно составляющих. Морфологические закономерности определяют сочетаемость производящих основ разных лексико-грамматических классов слов между собой или с тем или иным набором словообразовательных аффиксов, а к структурным относятся нормы сочетаемости аффиксов (основ) с производящими основами строго определенного лексико-грамматического класса слов, определяемые словообразовательной структурой производящих основ [2, С. 27-28]. Семантическая валентность аффикса (основы) определяется семантической совместимостью смысловых структур аффикса (основы) и соответствующей лексической основы. Семантические закономерности сочетаемости отражают экстралингвистические факторы, так как производящие основы (лексические единицы) обладают самостоятельным, а словообразовательные элементы (суффиксы и префиксы) – связанным лексико-категориальным значением. Семантическая валентность компонентов сложного слова в значительной мере приближается к внешней лексической и синтаксической валентности, так как лексическим значением слова заданы наиболее существенные условия сочетаемости его с другими словами не только в предложениях, но и условия и предпосылки для появления необходимых и возможных партнеров в словообразовательных процессах. Границы лексической валентности определяются сдвигами значения компонентов. Валентность отражает как семантические, так и синтаксические отношения зависимости или необходимости сочетания с другими словами. Понятие внутренней валентности слова как потенциальной способности к сочетанию компонентов слова применимо не ко всем словообразовательным моделям, а лишь к тем, в которых процесс словообразования происходит при помощи двух непосредственно составляющих.

Для каждой словообразовательной морфемы имеются ограничения

семантического, стилистического, лексического и формального характера, хотя и диапазон формально-морфологической валентности большинства аффиксов довольно широк. Например, немецкий суффикс *-er* сочетается не со всеми глагольными основами. Но возможны, хотя и необычны, такие образования как *Haber, Raffer, Umschwärmer*. Сравни также суффикс «-тель» в русском языке в словах «учитель», «строитель», с одной стороны, и сознательное, целенаправленное нарушение лексико-семантических ограничений, нарушение «словообразовательного стандарта» в словах «смея-тель», «долгоспатель» – с другой [3, С. 123], что ведет к созданию эмоционально-экспрессивных элементов значения.

Многие аффиксы, указывая на принадлежность слова к тому или иному функциональному стилю, на преимущественное употребление слова в той или иной речи, являются своеобразным индикатором определенной функциональной сферы языка. Производные с *-(i)aner Pinsulaner* «художник», *Börsianer* «биржевик» получают сниженную стилистическую окраску, поскольку обычной функцией суффикса *-(i)aner* в литературном языке является образование слов со значением наименования лиц по месту жительства, стране, городу, лиц по их принадлежности к учениям: *Brasilianer, Sizilianer, Hegelianer*. В производных *Pinsulaner, Börsianer* происходит своеобразный функциональный сдвиг, т. е. нарушаются стилистические ограничения сочетаемости, так как книжные аффиксы сочетаются, как правило, с книжными основами, а разговорные аффиксы с разговорными, ср., напр., *благородность* с одной стороны, и *балбесность* – с другой. Многие стилистически маркированные производные приобретают окказиональный характер, так при их создании наблюдается расширение диапазона сочетаемости морфем, при котором реализуются возможности словообразовательной модели, ср.: *Reagonomik, Reagonismus*. Сравни также: «Прямо-таки не *текучесть*, а *бегучесть* кадров» (КП). Создание производных такого рода часто сопровождается нарушением морфологической валентности непосредственно составляющих. В одних случаях компоненты взяты из разных сфер функционирования этих элементов, ср.: *faschistoid*, в других случаях аффиксы вступают в соединение с основами, с которыми они обычно не соединяются. Нарушение формальной валентности наблюдается при комбинации суффиксов *-ling* и *-in*, *-er* и *-lein*, *-er* и *-chen*, *-el* и *-chen*: *Fremdlingin, Lieblingin, Lehrerlein, Sängerlein. Altertümmler, Züngelchen, Jügelchen; eintheatern, leibig*. В стилистических целях в разговорной речи употребляется с большой активностью и продуктивностью суффикс *-ier(en)*, характеризующийся преимущественным употреблением в научной и публицистической речи. Ограниченный диапазон сочетаемости аффиксов служит, таким образом, возможности их стилистического использования, поскольку новое слово с тем или иным аффиксом воспринимается как необычное как по своей структуре, так и по своему значению, ср.: *Hexen-*

heit, Christenheit. Нарушение морфологической валентности имеет место в производных с *-chen, -lein*, когда в качестве производящей основы выступают имена абстрактные (*Tänzchen, Jährchen, Spielchen*) вещественные (*Bierchen, Schnäpschen*), конкретные (*Frauchen, Herrchen*), собственные (*Karlchen*), основы глагола (*Schnuckelchen*), прилагательного (*Grauchen*), (*Schönchen, Frühchen, Dummchen*), местоимения (*Duchen*). Нарушение семантической валентности наблюдается при сочетании уменьшительных суффиксов с основами, значение которых не допускает уменьшение (*Gigantchen*) или предметно-логическое значение которых не связано с признаком о размере или размерный признак оценивается лишь эмоционально. *Schreiberchen, Lehrerchen*. На первый план выдвигается гипокористическое (презрительное) значение, ср.: *писака, учительшики*. Непривычность многих новообразований часто обуславливается некоторыми ограничениями семантической валентности: суффикс *-en* в немецком языке может присоединяться только к основам вещественных имен, ср.: *Gold* (золото) – *golden* «золотой», *Metall* – *metallen* и др. Именно поэтому неотмеченные прилагательные *plakaten, marsch-musiken* являются необычными, вместе с тем понятными, так как образованы по продуктивным моделям. Окказионализмы такого рода встречаются достаточно часто в произведениях художественной литературы, подтверждая мысль В. Мотча о том, что в принципе любые комбинации могут быть образованы и поняты, если нет структурных ограничений [13, С. 45]. Такие производные строятся с учетом морфологических, фонетических закономерностей в обход факторов семантического характера, ограничивающих способность модели создавать новые слова. Соединение немецких производящих основ с иноязычными аффиксами является также нарушением формальных закономерностей сочетаемости, так как заимствованные аффиксы имеют специфическую оформленность, свой индивидуальный фонетический и морфологический статус. Деривационные морфемы иностранного происхождения, не претерпевшие фонетической и морфологической ассимиляции, воспринимаются носителями языка как чужеродные, что создает определенный контраст, полярность. Многие производные с заимствованными деривационными морфемами имеют пейоративную, фамильярно-разговорную, разговорно-грубую окраску. Но количественное увеличение словообразовательного ряда с тем или иным аффиксом ведет к нейтрализации стилистического эффекта. По мере адаптации иноязычные словообразовательные элементы приобретают внешние показатели структурности заимствующей системы языка, что ведет к стиранию нестандартности, необычности производных, хотя первоначально любое заимствование, в том числе и иноязычные деривационные морфемы, имеет нулевую валентность [4, с. 12-15]. Рассмотрим некоторые образования с иноязычными элементами. При помощи суффикса *-ant* образуются названия лиц с оттенком

пренебрежения, презрения и иронии: *Schmierant* «грязнуля», *Bummelant* «гуляка, прогульщик», *Schmierelant*, *Paukant*, *Mogelant*, *Haselant*, *Querlant*. Пейоративная оценка производных большей частью восходит к глагольной производящей основе. Суффикс *-aster* служит для обозначения лиц по роду занятий, по поведению, часто с оттенком пренебрежения: *Kritikaster* «критикан», *Poetaster* «стихоплет», *Philosophaster* «лжемудрец, философствующий болтун», *Politikaster* «политикан, политический интриган». Источником экспрессивности производных с суффиксом *-ist* является его необычное сочетание с основами существительного и прилагательного: *Nikotunist* «курильщик», *Blödist* «дурак». При помощи данного суффикса образуются также названия лиц по профессии, интересам и склонностям: *Blumist* «садовник», *Jodist* «врач». Их употребление ограничено разговорным языком. Для образования названий лиц с отрицательными качественными характеристиками служат суффиксы *-ier*, *-euse*, *-öse*, *-loge*, *-(i)kus*: *Schlappier* «шляпа, растяпа», *Tippeuse/Tippöse* «машинистка», *Stichologe* «портной», *Luftikus* «ветрогон», *Pfiffikus* «хитрец, пройдоха», *Politikus* «политикан», *Schwachmatikus* «мямля». Производные с названными суффиксами обладают шуточной, иронической окраской. При помощи суффиксов *-age*, *-tät*, *-itis*, *-eritis* образуются существительные, характеризующие склонности, состояние человека. Некоторые имеют значение собирательности: *Futterage* *груб*, «жратва», *Schmierage* «писанина», *Benehmität* «манеры», *Grobität* «грубость», *Radioritis* «радиомания». Увеличение числа стилистически окрашенных производных с иноязычными аффиксами возможно, очевидно, не за счет широкого развития уже имеющихся моделей, а за счет вовлечения новых иноязычных аффиксов.

Таким образом, можно говорить о том, что производное слово существует как двуединство, в котором каждая часть предполагает другую, открывает для нее соответствующую валентность. Однако не всегда одна часть производного слова соответствует другой по валентности.

Список литературы:

1. Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970.
2. Ефимов Р.В., Каравашкин В.И. Внутренняя валентность слова: Теория и практика. – Харьков, 1977.
3. Журавлев А.Ф. Производность и экспрессия. – Актуальные проблемы русского словообразования. – Ташкент, 1978.
4. Маковский М.М. Языковой механизм лексико-семантического заимствования. – Иностранные языки в школе, 1970, 3.
5. Степанова М.Д. О «внешней» и «внутренней» валентности слова. – Иностранные языки в школе, 1967, 3.
6. Coulmas, F.(1985): Lexikalisierung von Syntagmen. In Handbuch der Lexikologie, Hrsg. Schwarze, Ch./Wunderlich.D. Königstein/, 1985
7. Donalies, E. Basiswissen. Deutsche Wortbildung. – Tübingen und Basel, 2007.
8. Eichinger, Ludwig M. Deutsche Wortbildung. Eine Einführung. –Tübingen, 2000.

9. Fleischer, W. (1974): Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. – Leipzig, 1974. – S. 273,
10. Fleischer, W., Barz, I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. – Tübingen: Niemeyer, 1995.
11. Große, R. Bezeichnungen für Kommunikationsereignisse unter soziologischem Aspekt. In: LAB 36. – Leipzig, 1982. – S. 42-48.
12. Herberg, D. Wortbildung und Expressivität. In: Sprachpflege, H.10 1979.
13. Motsch, W. Zur Stellung der Wortbildung in einem formalen Sprachmodell. – Studia Grammatica. – Berlin, 1965.
14. Motsch, W. Deutsche Wortbildung in Grundzügen. – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1999.
15. Ortner, H. / Ortner, L. Zur Theorie und Praxis der Kompositaforschung. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1984.
16. Schröder, M. Überlegungen zur textorientierten Wortbildungsforschung. In: LS/ZISW/A, 123. Berlin, 1985.
17. Stepanowa, M.D. / Fleischer, W. Grundzüge der deutschen Wortbildung. VEB Bibliographisches Institut. – Leipzig, 1985.
18. Žerebkov, V.A. Deutsche Stilgrammatik. – Moskau, 1988.

ФОНЕТИКО-ГРАФИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В КОММЕНТАХ (на материале англоязычной медиа-коммуникации в сети Интернет)

***В. М. Зубарева,**
Россия, г. Уфа,*

ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»

Статья посвящена описанию фонетико-графических средств в комментариях к статьям британских онлайн-газет. Анализируемые средства представлены в двух группах: выполняющих эмотивную и выделительную функцию и являющихся примерами несоблюдения правил орфографии и пунктуации.

The article describes phonographical means in the comments to British online newspapers. The analyzed means are presented in two groups: performing an emotive and emphasizing function and breaking the rules of spelling and punctuation.

С развитием Интернет коммуникации очевидным стал факт существования особого «языка глобальной сети» (Л. Ю. Иванов), «языка Интернета» (Л. Р. Дускаева, О. В. Протопова, В. Ф. Хайдарова), обслуживающего данную коммуникативную среду. При выделении языка сети Интернет как особой формы существования речи основным критерием служит способ передачи информации, а именно глобальный сетевой электронный канал. Под языком Интернета понимается «система фонетических, лексических и грамматических средств, свойства которых и стилистические признаки формируются под влиянием факторов, действующих в Интернете» [7]. Соответственно

лингвистическое описание коммуникации в сети Интернет проводится на фонетическо-графическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Выделение именно фонетическо-графического, а не просто фонетического уровня связано с преимущественно письменной природой Интернет-языка. Несмотря на наличие единого канала, коммуникация в сети Интернет неоднородна по своим формам, к которым относятся блог, чат, форум, твиттер, электронная почта и т. д., что неизбежно ведет к разнородности языка Интернета в каждом конкретном случае его использования.

Цель данной статьи состоит в описании фонетико-графических средств, используемых в комментариях к статьям современных британских онлайн-газет. Под комментарием понимается сообщение-комментарий читателя, следующее за онлайн-статьей. Материалом исследования послужили 4000 комментариев к статьям различной тематики онлайн-изданий: *The Telegraph*, *The Guardian*, *Daily Mail* и *The Sun*.

Фонетико-графический уровень включает два типа явлений: во-первых, графическую фиксацию особенностей произношения и интонации, во-вторых, использование графических знаков для специальных прагматических целей [8, С.129]. «Появление графических средств обусловлено «экранной» формой существования текстов компьютерно-опосредованной коммуникации: автор вводит текст сообщения на клавиатуре, и соответственно, оперирует теми возможностями, которые на этой клавиатуре имеются» [8, С.132]. Для обозначения средств фонетико-графического уровня С. Херринг использует термины орфография и типография, к которым относятся буквенное обозначение; неалфавитные символы клавиатуры, такие как числа, пунктуация и специальные символы; нестандартное использование заглавных букв и эмодзи, то есть последовательности символов клавиатуры, которые прототипически имитируют выражения лица [10]¹.

Проведенный анализ показывает, что все фонетико-графические средства, используемые в комментариях можно разделить на две группы: во-первых, средства, употребление которых продиктовано необходимостью компенсировать отсутствие таких основных свойств устной речи, как просодии и паразыма, выражаемых посредством интонации, ударения, скорости, ритма, пауз, тона голоса, мимикой и жестами. Их основной функцией является акцентное и интонационное выделение значимых, по мнению автора, частей сообщения, а также передача эмоций. Во-вторых, графические средства, при использовании которых наблюдается несоблюдение правил орфографии и пунктуации.

В первой группе наиболее частотным является употребление заглавных букв вместо строчных. При этом написанию прописными буквами могут подвергаться а) отдельные буквы, б) слова, в) целые предложения и д) сами комментарии.

¹ Здесь и далее перевод автора – В.З.

- a) E.g. (1) HomEUr syndrome.¹
- b) E.g. (2) No thanks, I like REAL men!!
- c) E.g. (3) ALL OF ITS A STEP TOO FAR! None of this is for guys!
- d) E.g. (4) YET ROAD TAX GOES UP EVERY YEAR...
PETROL AND DIESEL IS THROUGH THE ROOF....
ALL UK GOVERNMENTS STINK NOT JUST THIS ONE.....
I ALSO BLAME UK PUBLIC APATHEY FOR THIS...

Широко применяется также многократное употребление вопросительных и восклицательных знаков. Их количество варьируется от двух знаков до более, чем 20.

E.g. (5) Dart it and move it to a Zoo?? Surely killing it must be the absolute last resort.

E.g. (6) @PeteSpectrum - now you are talking!!!!!! Great idea!!!!

E.g. (7) Why is it that the «super powers» of this planet can allocate & spend BILLIONS of \$ &/0r pounds to create nuclear bombs & inter-continental ballistic missiles to destroy the world in minutes & yet we are unable to find a cure for that terrible thing called cancer.....????????????????????????????

I lost both my parents to cancer....

Употребление многоточия в комментариях также специфично. Традиционно многоточие – это «знак препинания в виде трех рядом поставленных точек» [1, С. 227]. В комментариях количество точек может сокращаться до двух и наоборот увеличиваться до бесконечности.

E.g. (8) must be awful to be so reliant on drink ..well done though!! for stopping !

E.g. (9) self induced sickness, kid pays the price.....no pity.

E.g. (10) thank the heavens lool, get Kevin Strootman throw him in the midfield with carrick and James Rodriguez throw him on the left and put zaha on the right then we see where we go from there

Возможно сочетание вопросительных, восклицательных знаков и многоточия, что проиллюстрировано примерами:

E.g. (11) Blokes wearing makeup?!?wrong wrong wrong..what the hell is the matter with people?!..get a grip!..gym,footy,beer,makeup...no!!!!

Другим очень распространенным знаком препинания являются скобки, которые, как и в традиционной письменной речи, служат для «выделения слов, частей предложения или предложений, содержащих добавочные замечания и пояснения к основной части текста» [1, С. 406].

E.g. (12) Cameroon would rather give his foreign aid bonanza to third world despots in the sum of £13 billion (soon to be £20 billion) as we decend into a third world status - maybe he may allow some of it to help his own people (are we his own people ????)

¹ Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация автора коммента.

Еще одним эмотивным фонетико-графическим средством является многократное повторение букв, которое имеется в основном в словах-междометиях: а) зарегистрированных в словарях: ohh, ummm, err, hahahha, hahahaha, jeeez, hmmm, rahh [11] и б) незарегистрированных в словарях: ahhh, awww, uhhhhh, ggg.

Сетевые аббревиатурные образования, передающие эмоции и мысли пользователя достаточно широко встречаются в комментариях: ТВН – to be honest, LOL – lots of laugh, laughing out loud, Lmao – laughing my ass off, OMG – oh my god.

Для передачи эмоционального состояния авторы комментов помимо прочего прибегают к использованию эмотиконов: :), (:, ;), :-), :О, =(.

Однако такого рода примеры являются наименее распространенными в данной группе фонетико-графических средств.

Ко второй группе относятся графические средства, при использовании которых авторы комментов отходят от правил. Причиной такого несоблюдения норм Н. В. Кузнецова считает «такое человеческое свойство, как лень, нежелание «утруждаться»» [4]. В комментариях самыми распространенными случаями некорректного письма с точки зрения орфографии и пунктуации являются: а) отсутствие заглавной буквы в начале предложения, б) отсутствие знаков препинания в конце предложения или коммента; в) отсутствие апострофов, д) полное отсутствие знаков препинания и заглавных букв, и е) написание имен собственных строчными буквами.

а) E.g. (13) they can't ban the old bag.....do they not know who she is???

б) E.g. (14) Putin will be gone shortly

в) E.g. (15) I went to see it last night, its crap!!

д) E.g. (16) even from the trailer the film looks awful and im no film critic

е) E.g. (17) Knowing how stubborn fergie is, he will tell you that welbeck is much better than falcao and refuse to buy.

К нестандартному написанию С. Херринг также относит замену букв или слов числами и другими символами клавиатуры [9]. Данные примеры крайне редки в комментариях.

E.g. (18) 2 Any guy who does follow this..Advice - dont wear lipstick!!!

E.g. (19) Can you imagine a foundation stain on the collar of a mans shirt @ a board meeting?

В примере 18 число 2 заменяет предлог *to*, в примере 19 символ @ используется вместо предлога *at*.

Итак, использование в комментариях описанных выше фонетико-графических средств свидетельствует о проявлении так называемой «письменной разговорной речи» (Д. Р. Валиахметова, А. В. Кузнецов), так как данные средства выполняют функции, свойственные главным образом устной неформальной коммуникации. При этом, обращает на себя внимание тот факт, что преобладающими оказываются средства, которые служат для передачи

эмоционального состояния читателя и выделения значимых частей сообщения, что в первую очередь отражает суть коммента как сообщения, выражающего мнение, точку зрения читателя. Языковая ненормативность (то есть несоблюдение правил) в использовании графических средств занимает очень малую долю в общем объеме комментов и является признаком, во-первых, асинхронности данной формы Интернет коммуникации, и, во-вторых, направленности комментов на неограниченное количество коммуникантов. Необходимо, кроме того, подчеркнуть, что все описанные выше средства преобладают в комментариях к статьям «несерьезной» тематики.

Список литературы:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М. Советская Энциклопедия. – 608 с.
2. Валиахметова Д.Р. Письменная разговорная речь в контексте особенностей Интернет-дискурса // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф. (Казань, 11-13 дек. 2001 г.): Труды и материалы: В 2 т. / Под общ. ред. К.Р. Галиуллина, Г.А. Николаева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – Т.2. – С. 7-9.
3. Дускаева Л.Р., Протопова О.В. Язык сети Интернет // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 648-651.
4. Иванов Л.Ю. Язык интернета: заметки лингвиста. URL: <http://www.faqwww.ru/lingv.htm> (дата обращения: 15.04.2013).
5. Кузнецов А.В. Письменная разговорная речь в онлайн-коммуникации// Молодой ученый. – 2011. – №3. – Т.2. – С. 24-26.
6. Кузнецова Н.В. Неофициальная письменная речь как особая функционально-стилевая сфера коммуникации (на примере отношения участников интернет-коммуникации к несоблюдению орфографических норм). [Электронный ресурс]. – URL: http://nvkouznetsova.professorjournal.ru/moi_raboty/informal_writing (дата обращения: 10.04.2013).
7. Хайдарова В.Ф. Язык интернета или жаргон интернетчиков? Гуманитарная картина мира в системе современного знания: сб. тезисов I междунар. науч. интернет-конф. – Караганда: Центр гуманитар. исследований, 2009. [Электронный ресурс]. – URL: <http://scireople.ru/publication/108125> (дата обращения: 20.04.2013).
8. Щипицина Л.Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация: Лингвистический аспект анализа. – М.: КРАСАНД, 2010. – 296 с.
9. Daily Mail. - <http://www.dailymail.co.uk/home/index.html> (дата обращения: 25.04.2013).
10. Herring S.C. Grammar and Electronic Communication // Encyclopedia of Applied Linguistics. – 2012. [Электронный ресурс]. – URL: <http://ella.slis.indiana.edu/~herring/e-grammar.pdf> (дата обращения: 11.04.2013).
11. Longman Dictionary of Contemporary English. – Pearson Education Limited, 2003. – [XVII], 1949 p. [LDCE].
12. The Guardian. – <http://www.guardian.co.uk> (дата обращения: 25.04.2013).
13. The Sun. - <http://www.thesun.co.uk/sol/homepage> (дата обращения: 25.04.2013).
14. The Telegraph. - <http://www.telegraph.co.uk> (дата обращения: 25.04.2013).

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ КАК СРЕДСТВУ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ф. Р. Имамудинова,

Россия, г. Уфа,

ФГКОУ ВПО «Уфимский юридический институт МВД России»

Вопросы соотношения языка и культуры, связи и взаимозависимости иностранных языков и межкультурной коммуникации рассматриваются в статье. Развитие коммуникативной компетенции учащихся является необходимым условием при обучении иностранным языкам. Автор статьи подчеркивает, что языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках.

The article deals with the problems of language and culture correlation, interdependence of foreign languages and intercultural communication. The author of the article states that foreign languages are to be studied in the world and culture unity of the foreigners. The development of communicative competence is the main aim of teaching foreign languages.

В современную эпоху именно большинства государств и регионов, интенсификацией экономических, политических и духовных отношений народов, усиливающих связи людей разных национальностей и конфессий, живущих в полиэтнической среде, вызвано пристальное внимание к вопросам межкультурной, международной коммуникации, ведущую роль которой определяет геополитическая реальность, закономерно выдвигающая в современном мире на передний план прогресса человечества социокультурный компонент.

Человек – это общественное существо, которое живет в обществе и, следовательно может и должен общаться с другими членами общества, объединяясь с ними через общение. «Без общения нет общества, без общества нет человека социального, нет человека культурного, человека разумного, homo sapiens» [10, С. 9].

Общение (или коммуникация) – это основа существования человека, правящая им, его жизнью, развитием, поведением, его познанием мира и самого себя как часть этого мира.

В понятие термина «коммуникация» входит несколько определений. Коммуникация – это «акт общения, связь между двумя или более индивидами, основанная на взаимопонимании»; «сообщение информации одним лицом другому или ряду лиц»; «сообщение, общение»; «акт обмена (особенно новостями); акт или процесс передачи информации другим лицам» и т. д.

Что касается межкультурной коммуникации, то ее очевидно из самого термина: это общение людей, представляющих разные культуры; это адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам [4, С. 45].

В связи с частым использованием термина «культура» и его кажущейся простотой, возникает необходимость определить данное понятие. Резюмируя различные точки зрения, культуру можно назвать «общественным явлением». Это – совокупность материальных и духовных ценностей, накопленных и накапливаемых определённой общностью людей. Культура – продукт социальной активности человеческих коллективов, она имеет исторический генезис и, наконец, играет определяющую роль в становлении отдельной человеческой личности [3, С. 64].

Соотношение языка и культуры занимало умы многих исследователей. А. Д. Швейцер и Л. Б. Никольский сводят все подходы к трем точкам зрения: 1) язык не является ни формой, ни элементом, культуры; 2) язык – это часть культуры; 3) язык – форма отражения культуры [11, С. 37]. Как отмечает С. В. Иванова, культурно-языковые связи отличаются гетерогенностью [5, С. 16]. Представляется целесообразным воспользоваться таким описанием соотношения языка и культуры: «Язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее» [7, С. 9].

Рассматривая язык как средство межкультурной коммуникации, можно заметить очевидную тесную взаимосвязь языка и культуры.

Язык – это носитель культуры, отражающий не только реальный мир, окружающий человека, но и общественное самосознание народа, его менталитет, национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, систему ценностей, мироощущение, видение мира. Это сокровищница, копилка культуры, хранящая культурные ценности – в художественной и научной литературе, в грамматике, в лексике, в идиоматике, в пословицах, поговорках, в фольклоре, в письменной и устной речи.

Очевидно, язык не существует вне культуры как «социально унаследованный совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни» [8, С. 185]. Напротив, как один из видов человеческой деятельности, язык становится составной частью культуры, определяемой как совокупность результатов человеческой деятельности в разных сферах жизни человека: производственной, общественной, духовной. Однако в качестве формы существования мышления и как средство общения язык стоит в одном ряду с культурой [2, С. 48].

Одной из актуальных задач в преподавании иностранных языков можно назвать соизучение языковых и внеязыковых фактов, сопутствующих коммуникации. С. Г. Тер-Минасова отмечает: «Каждый урок иностранного языка — это перекресток культур, это практика межкультурной коммуникации, потому что каждое иностранное слово отражает иностранный мир и иностранную культуру: за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием (опять же иностранным, если слово иностранное) представление о мире» [10, С. 25].

Учитывая то, что язык является, в первую очередь, средством общения [6, С. 604], при обучении иностранным языкам необходимо развивать

коммуникативные способности учащихся. Межкультурное общение – «общение носителей разных культур и разных языков» [9, С. 7]. Оно может быть как непосредственным (при личном общении), так и опосредованным (СМИ, книги, Интернет и т. п.).

Что касается изучения иностранных языков и межкультурной коммуникации, то очевидно их тесная связь и взаимозависимость. Язык, как семиотическая и смысловая система, обладающая обширными семантическими кодами ценностных центраций, оказывая воздействие на личность, транслирует языковое знание в виде лингвистического опыта. При этом у получателя лингвистического опыта появляется не только новый образ мира как компиляция образа мира носителей изучаемого языка, накладывающийся на образ мира родного языка, но и новый комплекс ценностных отношений, также характерных для носителей языка, но претерпевших смысловые и функциональные изменения в сознании реципиента. На стыке этих новообразований формируется новое отношение индивида к окружающему миру, представляя и его личностный рост, и новое качество развития субъекта, в частности в языковой сфере.

При обучении иностранным языкам в ВУЗе, в настоящее время акцент делается, в основном, на изучении языка как средства общения между специалистами разных стран, а не только на узкоспециальных навыках перевода профессиональных текстов. Иностранный язык для «вузовского специалиста – и орудие производства, и часть культуры, и средство гуманитаризации образования» [10, С. 27]. При этом главный ответ на вопрос о решении актуальной задачи обучения иностранным языкам как средству коммуникации между представителями разных народов и культур заключается в том, что «языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках» [10, С. 28]. Язык тесно связан со всеми проявлениями общественной жизни. Две культуры никогда не совпадают полностью, они имеют общие и уникальные черты. Без понимания исторических, экономических, социальных традиций, обусловивших образ мышления носителей иностранного языка, сложно овладеть языком как средством общения.

Так, взаимосвязь языка и культуры наиболее ярко проявляется в лексике: способах номинации, словах с национально-культурным компонентом значения (например, безэквивалентная, фоновая лексика) и т. п. Лексика «отражает действительность, реагирует на изменения в общественной, материальной и культурной жизни народа» [6, С. 257]. На уроках иностранного языка представляется необходимым обращать особое внимание учащихся на несовпадение перевода лексических единиц с одного языка на другой.

Студентам-юристам, изучающим английский язык, можно обратить внимание на несколько вариантов перевода слова «преступник». Самым общим является «a criminal» - «someone who is guilty of a serious crime or of

serious crimes». В официальных или специальных текстах используется, в основном, «an offender» – «a word used especially in a official or legal context meaning someone who is guilty of a crime». В отношении малолетних преступников применяется слово «a delinquent» – «a person, especially a young person, who is guilty of criminal behaviour such as fighting or destroying things». В отношении как лица, так и организации, совершивших правонарушение СМИ применяют «a lawbreaker» – «a word used especially in newspapers or on television meaning a person or organization that does something illegal». В США для обозначения человека, совершившего тяжкое преступление, используется «a felon» – «a word used especially in American English meaning someone who is guilty of a serious crime» [12, С. 287].

Связь культуры народа с языком особенно ярко проявляется во фразеологизмах. Многие пословицы, поговорки отражают специфические национальные черты, обладают той языковой образностью, которая корнями уходит в историю народа, его быт, обычаи, традиции. Так, в английском языке может употребляться выражение «half the battle» - залог успеха, победы. Это – часть пословицы «the final blow/stroke is half the battle», что может быть переведено как «доброе начало полдела откачало» [1, С. 195]. В английском языке имеется большое количество фразеологизмов имеющих литературное происхождение.

Формирование культуры речи изучающего иностранный язык невозможно без усвоения стилей языка, речевого этикета, языковых клише. Так, английские речевые штампы могут вызывать проблемы у учащихся. Недаром речевой штамп определяют как «средство речи, отложившееся в коллективном сознании носителей данного языка как устойчивый, «готовый к употреблению» и потому наиболее «удобный» знак для выражения определенного языкового содержания» [4, С. 588]. Например, в устной речи «Look here» не переводится дословно, а употребляется для привлечения внимания слушателя («Послушайте»): «used to call attention to what one is going to say: *'Look here, this is ridiculous.'*» [10]. Также в разговоре используется «I see» (*informal* used to say that someone has understood something [13]), что переводится как «Понял». В русском языке используются такие вводные выражения: «С одной стороны», «С другой стороны». Их английскими эквивалентами являются «On the one hand», «On the other hand». Подобные речевые штампы отражают сложившиеся языковые традиции, учащимся желательно понимать их смысл на слух или в письме, не переводя дословно. Без этого могут возникнуть затруднения при понимании разговорной речи, при чтении газет или журналов, которое, как правило, изобилуют языковыми клише.

Таким образом, овладение иноязычным лингвистическим опытом обеспечивает профессиональное и акмеологическое развитие и рост личности как субъекта иноязычной коммуникативной активности и трансля-

тора норм, традиций миропонимания иноязычной культуры. При изучении иностранного языка, учащиеся постигают не только языковые формы, но и культуру носителей языка. Язык не становится бездушным нагромождением грамматических правил и лексических закономерностей, но живым, нужным средством общения с другими людьми, что значительно повышает мотивацию к обучению.

Список литературы:

1. АРФС – Англо-русский фразеологический словарь. / А.В. Кунин. – М.: Рус. яз., 1998. – 512 с.
2. Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1975, С.48.
3. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. - М., 1976.- 320 с.
4. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М., 1995, С.45
5. Иванова С.В. Лингвокультурология и лингвокогнитология: сопряжение парадигм. – Уфа: РИО БашГУ, 2004. – 152 с.
6. ЛЭС - Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с.
7. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 208 с.
8. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи//Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.,1993,С.185.
9. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: РАН Институт Языкознания, 1996. – с. 7-22.
10. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. – 624 с.
11. Швейцер А.Д. и Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику. - М.: Высшая школа, 1978.- 216 с.
12. Longman Activator – Longman Language Activator - Longman Group Ltd., 2000. – 1587 p.
13. Oxford - Compact Oxford English Dictionary of Current English. – www.askoxford.com.

**ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ОБРАЩЕНИЕ
АМЕРИКАНСКОГО ПРЕЗИДЕНТА К НАЦИИ НА ЗАНЯТИЯХ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА СО СТУДЕНТАМИ**

*Е. М. Лебедева,
Россия, г. Уфа, ГБОУ ВПО «Башкирская академия
государственной службы и управления
при Президенте Республики Башкортостан»*

В статье рассматриваются новые подходы в изучении иностранных языков и практическое применение новых интерактивных форм обучения

на примере «Еженедельного видеообращения американского президента к нации».

In this article new competences in studying foreign languages are considered, use of new interactive forms in teaching is shown by the example of «Weekly Address the US President».

Изменение общественно-политической ситуации в мире, развитие международных контактов во всех сферах, вовлеченность в эти контакты все большего числа российских граждан, международная интеграция и Интернет привели к росту роли и значения умений и навыков реального иноязычного общения. Изменилось и само понимание этого общения в образовании в целом.

Формирование ключевых компетенций у школьников и студентов является одной из важнейших задач, стоящих перед школой и ВУЗом в связи с модернизацией отечественного образования. Актуальным становится вопрос компетентностного подхода в образовании. Концепция модернизации российского образования так определяет социальные требования к системе образования: «Развивающемуся обществу нужны современно образованные, нравственные, предприимчивые люди, которые могут самостоятельно принимать ответственные решения в ситуации выбора, прогнозируя возможные последствия, способные к сотрудничеству, отличающиеся мобильностью, динамизмом, конструктивностью, обладающие развитым чувством ответственности за судьбу страны» [1]. Школа и ВУЗ не могут дать человеку запас знаний на всю жизнь. Но они в состоянии дать школьнику и студенту базовые ориентиры основных знаний. Школа и ВУЗ развивают познавательные интересы и способности школьника и студента, продолжают развивать ключевые компетенции, необходимые для дальнейшего самообразования. Коммуникативная компетенция лежит в основе всей человеческой деятельности. На нынешнем этапе развития информационного общества, с возникновением новых средств коммуникации мы способны по-новому оценить роль и значение коммуникативной компетенции, которая все более становится основой социально-экономического развития общества и интеллектуально-эмоционального развития индивида. Приоритетным направлением развития современного ВУЗа стала гуманистическая направленность обучения, при котором ведущее место занимает личностный потенциал. Он предполагает учет потребностей и интересов студента, реализацию дифференцированного подхода к обучению. Сегодня в центре внимания - студент, его личность, неповторимый внутренний мир. Поэтому основная цель современного преподавателя - выбрать методы и формы организации учебной деятельности студентов, которые оптимально соответствуют поставленной цели развития личности. Основной целью обучения иностранным языкам является формирование и развитие коммуникативной культуры студентов, обучение практическому

овладению иностранным языком. Задача преподавателя состоит в том, чтобы создать условия практического овладения языком для каждого студента, выбрать такие методы обучения, которые позволили бы каждому студенту проявить свою активность, свое творчество. Задача преподавателя - активизировать познавательную деятельность студента в процессе обучения иностранным языкам. Использование новых информационных технологий, Интернет-ресурсов помогают реализовать личностно-ориентированный подход в обучении, обеспечивают индивидуализацию и дифференциацию обучения с учетом способностей, уровня знаний. Возможности использования Интернет-ресурсов огромны. Созданы условия для получения любой необходимой информации: исторический, политический, экономический, страноведческий материал, статистические данные, новости из жизни молодёжи, статьи из газет и журналов, музыка, спорт и т. д. С помощью Интернета можно решать целый ряд дидактических задач: формировать навыки и умения чтения, совершенствовать умения письменной речи, пополнять словарный запас. Студенты могут получать образование, принимать участие в тестированиях, конкурсах, олимпиадах, проводимых по сети Интернет, переписываться и общаться по Skype со сверстниками из других стран, участвовать в чатах, видеоконференциях и т. д.

Коммуникативный подход подразумевает обучение общению и формированию способности к межкультурному взаимодействию, что является основой функционирования Интернета. Вне общения Интернет не имеет смысла – это международное многонациональное, кросс-культурное общество, чья жизнедеятельность основана на электронном общении миллионов людей во всем мире. В настоящее время приоритет отдается коммуникативности, интерактивности, аутентичности общения, изучению языка в культурном контексте. Данные принципы делают возможным развитие межкультурной компетенции как компонента коммуникативной способности. Конечной целью обучения иностранным языкам является научение свободному ориентированию в иноязычной среде и умению адекватно реагировать в различных ситуациях, т. е. общению. Чтобы научить общению на иностранном языке, нужно создать реальные, настоящие жизненные ситуации (т. е. то, что называется принципом аутентичности общения), которые будут стимулировать изучение материала и вырабатывать адекватное поведение.

Коммуникативный подход – стратегия, моделирующая общение, направленная на создание психологической и языковой готовности к общению, на сознательное осмысление материала и способов действий с ним. Для пользователя реализация коммуникативного подхода в Интернете не представляет особой сложности. Коммуникативное задание должно предлагать студентам проблему или вопрос для обсуждения, причем они не просто делятся информацией, но и оценивают её. Интернет помогает в формировании умений и навыков разговорной речи, а также в обучении лексике и грамматике, обеспе-

чивая подлинную заинтересованность и, следовательно, эффективность. Интерактивность не просто создает реальные ситуации из жизни, но и заставляет учащихся адекватно реагировать на них посредством иностранного языка.

Преподаватели кафедры иностранных языков БАГСУ используют коммуникативный и компетентностный подход в обучении студентов иностранному языку.

Нами разработаны рабочие программы по специальностям экономики, юриспруденции, политологии, государственного и муниципального управления и психологии для очной и заочной формы обучения, на базе полного, средне специального, второго высшего образования, для бакалавров и магистров с учётом специфики обучения. Мы активно используем новые методы и технологии, учим студентов не просто запоминать и воспроизводить материал, а применять полученные знания на практике. Применяем методы, организующие обучение через желание, активизирующие обучение студентов, стимулирующие их природную любознательность, мотивирующие интерес к самостоятельному приобретению знаний. Задача современного преподавателя – не дать готовые знания студентам, а создать мотивацию и сформировать комплекс умений учить самого себя. Процесс обучения осуществляется в условиях постоянного активного взаимодействия преподавателя и студента, взаимодействия студентов между собой. Применение новых информационных технологий на занятиях иностранных языков в БАГСУ - это замечательные реалии сегодняшнего дня: комплектация кафедры высокопрофессиональными учебными пособиями издательства «Macmillan» и «Longman», наличие двух компьютерных классов, позволяющее использовать различные CD-rom приложения к учебникам, языковые интернет-сайты, проводить тестирование студентов и on-line тестирование, наличие магнитофонов с usb-портом, позволяющее использовать CD приложения к учебникам и всевозможные аудио материалы из Internet, что значительно расширяет творческий диапазон преподавателя. Наличие интерактивной доски позволяет использовать всевозможные видео материалы, принимать участие в on-line конференциях, skype-семинарах. На данном этапе преподаватели кафедры иностранных языков активно работают над созданием курсов дистанционного обучения.

Принимая во внимание поставленные перед преподавателем задачи приведём в качестве примера использование на занятиях студентов-политологов интерактивной доски и видео материалов «Еженедельного обращения Президента Барака Обамы к нации».

Президент США Барак Обама еженедельно обращается к своим согражданам. Длительность обращения составляет 4-5 минут. Президент говорит о наиболее значимых событиях, произошедших за неделю, о том, что волнует его больше всего как президента и человека, даёт свою личную оценку и комментарии, воодушевляет, поддерживает, поздравляет или выражает сочувствие. Затрагиваются темы внешней и внутренней политики, экономики,

социологии, науки, культуры и спорта. Все видео обращения можно посмотреть на сайте: www.whitehouse.gov

На сайте так же есть текст выступления, который можно распечатать.

Привожу пример от 04.08 2012

August 04, 2012

Weekly Address: Celebrating the Summer Olympics and Paralympics («Поздравление Олимпийской и Пара олимпийской сборной США»)

Hi, everybody. Today, I want to take a break from the back-and-forth of campaign season, and talk about something that's brought us all together this week – the Summer Olympics.

These games remind us that for all our differences, we're Americans first. And we could not be prouder of the men and women representing our country in London, in both the Olympics and in the Paralympics.

Last weekend, Michelle led the American delegation to London and reaffirmed the special relationship we share with our strongest ally, Great Britain. She met with the Queen, and with Prime Minister Cameron's wife, Samantha. She spent some time thanking our brave service members and military families. And, of course, she took in as many events as she could to cheer on our athletes.

I've got to admit I was a little jealous she got to go. But like many of you, I caught as many events as I could, jumping off the couch for a close race, or a perfect vault. I watched the wonderful young women of our gymnastics team recapture the team gold for America, and I was filled with pride watching Gabby Douglas win the all-around gold with incredible poise and grace. I watched our swimmers win a haul of medals, and Michael Phelps become the most decorated Olympic athlete of all time. I saw our women's soccer team power through the competition.

And I'm just as proud of all our athletes in sports that don't always get as much attention. The U.S. women's eight continued its rowing dominance with another gold medal. Kayla Harrison won America's first-ever gold medal in Judo, and Marti Malloy won a bronze. Kim Rhode became the first American to win individual medals in five straight Olympics with her gold in skeet shooting; and her teammate, Army Sergeant Vincent Hancock, won his second skeet gold.

I also thought of the truly difficult journeys that many of our athletes have made. Some have faced personal loss, or beaten cancer. Some have worked long shifts at multiple jobs to feed their Olympic dream. And some have done the impossible. Less than four years ago, Bryshon Nellum was shot three times in his legs. But this week, he'll run the 400 meters. And as a boy, Lopez Lomong fled war and persecution and life as a refugee – one of the «Lost Boys» of Sudan. Today's he's an American – and representing his country at the Olympics for the second time.

So it's no surprise America is vying for the top of the medal count. But

it's not the medal count alone that inspires us – most of our athletes won't claim a medal at all. It's the character of the men and women who compete for those medals. It's their hard work and sacrifice – the countless hours in the gym, in the pool, on the track. It's their dogged perseverance and unyielding determination, through disappointment and triumph alike.

It's that unconquerable spirit – that American spirit – that says even though we may have very different stories to tell; even though we may not look alike or talk alike or be dealt the same hand in life – if we work hard, we can achieve our dreams. We can make it if we try. We are one people, with common values and ideals; we celebrate individual excellence, but recognize that only together can we accomplish great and important things we cannot accomplish alone.

That's why we watch. That's why we cheer. That's why we come together, for two weeks in summer, and swell with pride at the incredible things our fellow citizens can do.

So to all our Olympic and Paralympic athletes – whether you've already competed or have yet to compete – your country could not be prouder of you. Thank you for presenting the best of America to the rest of the world. And, thank you for becoming new role models to our children – mine included – and inspiring them to believe that if they work hard and do their best, they can achieve great things, too.

Go get 'em this week, Team USA. We can't wait to welcome you home.
God bless you, and God bless America. [2]

После прослушивания видео обращения группа приступает к обсуждению полученной информации, делится имеющимися знаниями по затронутым вопросам, проводит параллель между США и странами мира, Европы, Азии, Россией. В данном случае группа обсуждала выступление Американской, Российской сборной на Олимпиаде в Лондоне и выступления других команд. Надо ли говорить о том, что закончить обсуждение данной темы было проблематично. Так высок интерес к спорту и так много желающих было высказаться.

Барак Обама является великолепным оратором, обладающий прекрасным английским, речь его всегда образна и убедительна. Еженедельное 5-минутное прослушивание развивает слуховые навыки студентов, позволяет быть в курсе политических, экономических, социальных новостей страны изучаемого языка, дает современную лексику по перечисленным темам, студенты заучивают слова и выражения, определенные преподавателем (подчеркнутые в тексте), и таким образом расширяют свой словарный запас. Знание ситуации и обладание собственным мнением мотивирует студентов на обсуждение. Если ситуация проблемная, группа делится на 2-3 команды. Каждая команда предлагает свой выход из создавшейся ситуации или решение проблемы с последующей защитой своего проекта.

Если тема очень дискуссионна и волнует всех, студенты пишут эссе с последующим выступлением и обсуждением на занятиях. Эти занятия очень много дают мне как преподавателю. Мое общение со студентами идет как взаимодействие с думающими, имеющими собственное мнение и точку зрения людьми. Отношения партнёрства лежат в основе занятий. По мнению самих студентов такой вид занятий им нравится больше всего.

Список литературы:

1. «Концепция модернизации российского образования до 2010 года». – М., 2002. С.10.
2. August 04, 2012 Weekly Address: Celebrating the Summer Olympics and Paralympics <http://www.whitehouse.gov/video>

РЕПАТРИАЦИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ В КОММУНИКАЦИИ

Ю. А. Новосёлова

Россия, г. Уфа,

*ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный
педагогический университет им. М. Акмуллы»*

В свете актуальных вопросов интерпретативной теории процессы перевода и интерпретации текста тесно взаимосвязаны. Проанализировав причины ведущие к данному умозаключению, мы переходим к рассмотрению репатриации как приёма декодирования и метода поиска наиболее подходящего эквивалента при переводе. Также в статье наглядно объясняется (на примерах из произведений Ф. М. Достоевского и Б. Виана, французского писателя), почему именно репатриация играет огромную роль при восстановлении оригинала в культурологическом аспекте коммуникации.

In modern linguistic researches' opinion such as «Interpretational theory of translation», the process of translation and interpretation are interconnected. That's why we try to analyze the reasons of this fact. In this article the repatriation is regarded as a method to choose the best equivalent of translation. The author explains why the communicational repatriation is of the greatest importance for cultural value of text-original in literature and describes the most interesting examples from Dostoevsky and French writer Vian.

С точки зрения интерпретативной теории, перевод рассматривается как процесс творческого преобразования информации, закодированной в соответствии с закономерностями одного языка и правилами сочетания и соединения его знаков и информации, декодированной на другой язык [2, С 18], что по-иному можно именовать «*межъязыковым перекодировани-*

ем», при помощи которого мы пытаемся привести в соответствие две разные языковые системы.

При работе с художественным текстом переводчику необходимо распознавать авторский код, который служит щифром к восстановлению формы, стиля и содержания заключенного в нём сообщения. Тожественность перевода оригиналу в полной мере зависит от степени совпадения кодов *адресанта и адресанта* [1, С 143] – автора и переводчика, и при малейшем их несоответствии вполне возможно отклонение воспринимаемого переводного текста от его варианта в оригинале. Первопричиной подобных несоответствий в отечественной лингвистике принято считать характерные для произведений русской классической литературы иноязычные вкрапления, являющиеся несвойственными для основного кода, но принадлежащими системе языка перевода. Так, в произведениях Ф. М. Достоевского иноязычные вкрапления, назовем их *репатрированными* (прим. авт.), воспринимаются как представители «чужого кода» для носителей русского языка, но «своего» для носителей французского языка [2, С. 18], создавая тем самым дополнительную стилистическую нагрузку и эмоциональный эффект. Переводчики могут либо переместить эти единицы в систему языка-источника, либо, что представляется, на наш взгляд, намного сложнее, «репатрировать» в русский текст [2, С. 18]. Проанализировав переводы произведений Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот» на французский язык и произведений французского писателя Б. Виана, на русский язык, выполненные несколькими современными авторами А. И. Ивановой, Д. С. Селескович, А. С. Фененко, Е. И. Курячей, мы пришли к выводу, что иноязычные вкрапления оригинала компенсируются с помощью переводных эквивалентов. Например, *Dormbarfier* – досл. сонливый бородач – передано как *барбьер* деревенский [4, С. 808], *de facto* – досл. по факту передано как *de fait* [4, С. 808], иногда приводится разъяснение: *Non, je reprends mon - se non è vero* – здесь же приведён перевод: *se non* и *vero* – беру назад... [4, С. 808]; «– *Ja wohl*, – протянул я, продолжая смотреть ему прямо в глаза; *fines herbes sous ses yeux* – досл. нежные травы, перен. – бледнота – «*фенезерв* под слезами», *avec des honneurs* – досл. почестями – «со всеми причитающимися ему *онерами*, отвели его в полицейский участок» [4, С. 808], «*abreuveur d'injures*» – досл. тот, кто выкрикивает оскорбления - *абревёр дэнжуров*, «*Je voudrais une âme soeur type de votre pièce*» – «Я хотел бы найти родственную душу, точь-в-точь, как ваша *ньесса*» [3, С. 164], «*La médecine ce n'est pas le jeu d'adouilles*» – Медицина – это вам не *адудева* игра [3, С. 167], *Sous-Chuiches* –досл. священники мелкого чина – передано как «*Сушвишские* священочки» [3, С. 166], *porteur* – *Bonheur* – досл. приносящий, несущий удачу – передано как *портбонёр* [3, С. 164]. Итак, репатриация – сложный переводческий приём, без которого невозможно было бы передать французский шарм и российскую иронию. Репатриация иноязычного вкрапления – творческий процесс, который порой позволяет тексту

оригинала, преломленному сквозь призму мировоззрения переводчика, обрести новые оттенки стилистических особенностей и воссоединить два, а порой и несколько совершенно иных «схем национального мировосприятия» в контексте межкультурной коммуникации.

Список литературы:

1. Курячая Е.И. «Разрушение стандарта как когнитивная доминанта идиостиля Б. Виана и способы её репрезентации в тексте оригинала и перевода». – УрГУ, 2013 г. – С. 275–283.
2. Бархударов, Л. С. Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 2010 г. – С.190-198.
3. Собрание сочинений Б.Виана «Пена дней». – 1 М: Локид, 1997. – С. 164-168.
4. Собрание сочинений Ф.М. Достоевского – М. «Академкнига», 2010г. – С. 808.
5. B.VIAN, La vie en une seconde – Paris, Presse Universitaire, 2012. p. С. 184 – 192.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

М. В. Петрова

*Россия, г. Уфа, ГБОУ ВПО «Башкирская академия
государственной службы и управления
при Президенте Республики Башкортостан»*

В докладе представлено видение проблемы обучения иностранному языку в свете профессионально-компетентного подхода.

The report represents an overview of the professional competence approach to teaching a foreign language in a higher educational institution.

Современный мир характеризуется быстрыми переменами. Такие важнейшие факторы, как глобализация, развитие информационных и коммуникационных технологий, управление знаниями и необходимость поддержки и регулирования диверсификации, создают совершенно иную среду для образования. Претерпевает изменения парадигма преподавания/обучения. В прежней парадигме основной акцент делался на приобретение и передачу знаний. Признаками перемены этой парадигмы являются: образование, более центрированное на студенте; изменение роли преподавателя; дальнейшее уточнение целей; переход от входных ресурсов к результатам; изменение организации обучения.

В ряде западноевропейских систем профессионального образования и подготовки (VET- Vocational Educational Training) принято выражение «обучение на основе профессиональных компетенций». В российской образовательной системе укоренился термин «профессионально-компетентный подход». В рамках Болонского процесса европейские университеты в разной мере осваивают (принимают) компетентный подход, который рассмат-

ривается как своего рода инструмент усиления социального диалога высшей школы с миром труда, средством углубления их сотрудничества и восстановления в новых условиях взаимного доверия. В России реализация профессионально-компетентного подхода может выступить дополнительным фактором поддержания единого образовательного, профессионально-квалификационного и культурно-ценностного пространства.

Профессионально-компетентный подход в обучении иностранным языкам позволяет превратить современного студента из пассивного элемента образовательной системы в активного участника образовательного процесса, где он учится формировать свое мировоззрение, постигая накопленный человечеством опыт с помощью традиционных источников информации и новых технологий, а преподаватель выступает в роли советника, помощника, оппонента и консультанта. Именно профессионально-компетентный подход позволяет не только получить некий объем знаний, но и обучает студента самому главному – умению самостоятельно мыслить и приобретать знания.

Профессионально-компетентный подход в обучении выдвигает на первое место не информированность ученика, а умение разрешать проблемы по аналогии, возникающие в следующих ситуациях:

- при освоении современной техники и технологии;
- во взаимоотношениях людей, в этических нормах, при оценке собственных поступков;
- в практической жизни – при выполнении социальных ролей гражданина, члена семьи, горожанина, избирателя;
- при выборе специализации своей профессиональной деятельности, оценки – своего уровня подготовленности, умение ориентироваться на рынке труда.

Универсализация Европейской образовательной системы создает мощную мотивацию для студентов Российских вузов, так как они будут видеть реальную возможность применить полученные на занятиях по иностранному языку знания в конкретной жизненной ситуации. Несомненно, возрастет востребованность специалистов со знанием иностранных языков на рынке труда, что будет еще одним дополнительным стимулом к изучению данной дисциплины. Все это влечет за собой изменение в требованиях к уровню владения иностранным языком, определения новых подходов к отбору содержания и организации материала.

Главная цель профессионально-компетентного подхода в обучении иностранному языку заключается в формировании всесторонне развитой личности студента, его теоретического мышления, языковой интуиции и способности овладения культурой языкового общения и поведения, позволяющей ему быть равным партнером межкультурного общения на иностранном языке в бытовой, культурной и профессиональной сферах.

Задачами профессионально-компетентного подхода в обучении

иностранному языку являются формирование 3 основных компетенций у студентов: лингвистической, коммуникативной, межкультурной. Лингвистическая (языковая) компетенция предполагает владение системой сведений об изучаемом языке по его уровням: фонетика, лексика, состав слова и словообразование, морфология, синтаксис, основы стилистики текста.

Задача создания коммуникативной компетенции интенсивно разрабатывается в различных областях науки о языке и отличается разнообразием подходов и определений в силу многоаспектности данного понятия.

Коммуникативная компетентность обучаемого иноязычного обучения – это способность к полноценному речевому общению во всех сферах человеческой деятельности, с соблюдением социальных норм речевого поведения. Это, во-первых, взаимоотношения между собеседниками и их социальные роли. Характер речевого общения будет разным в зависимости от того, с кем общаемся, каков социальный статус говорящего, каков их возраст, пол, интересы и т. д. Во-вторых, имеет значение место общения. Третий очень важный компонент речевой ситуации – цель и намерения говорящего. То есть, собственно коммуникативные умения и навыки – это умения и навыки речевого общения с учетом того, с кем мы говорим, где говорим, с какой целью. Их формирование возможно только на базе лингвистической или языковой компетенции.

Задача создания третьей компетенции обусловлена наличием межкультурного аспекта профессиональной деятельности современного специалиста, связанные со взаимодействием представителей разных культур, с выполнением продуктивных коммуникативных функций: достижение согласия, погашение конфликтов, умение достигать консенсуса через компромисс, преодоление коммуникативных барьеров которые могут явиться причиной коммуникативных неудач, приводящих к провалам переговоров, неэффективной работе коллектива, социальной напряженности в обществе.

Из-за низкой межкультурной компетенции выпускники вуза – будущие специалисты не способны социально адаптироваться и интегрироваться как в профессиональной социум своей страны, так и мирового сообщества, испытывая шок из-за размытости ценностных ориентаций, несформированности способности и готовности решать коммуникативные и профессиональные задачи, адекватно заданным характеристикам межкультурной коммуникации.

Ориентация на профессионально-компетентностное содержание в обучении иностранному языку предполагает так же необходимость его стыковки с современными методами и технологиями в обучении иностранному языку.

Перспективными и эффективными современными технологиями при обучении профессионально-компетентностному иностранному языку являются дистанционное обучение посредством глобальной сети, информационные и коммуникативные технологии (ИКТ), современные психолого-

педагогические технологии (обучающие, ролевые, деловые игры и т. д.).

В связи с этим на кафедре иностранных языков разработана учебная программа развития презентационных компетенций на занятиях по иностранному языку.

Учебная программа развития презентационных компетенций на занятиях по иностранному языку

Этапы организации учебного процесса
по развитию презентационных компетенций

1. Установочный этап.

Цель обучения: мотивационная.

Формирование положительного отношения к публичным выступлениям.

Задачи обучения:

- 1) снизить чувство дискомфорта и неуверенности при выступлениях перед аудиторией;
- 2) развить коммуникативные умения;
- 3) мотивировать студентов к выступлению.

Содержание учебных заданий.

На данном этапе содержание отражает представления о межкультурных различиях и разных стилях жизни. Предлагаются следующие приемы и задания для реализации цели и задач: 1. Представление себя, своих интересов, целей и планов в будущей профессии при помощи симулирования интервью. Прослушивание аудиоматериалов: вопросы при приеме на работу. Умение задавать открытые, закрытые, поисковые вопросы. Создание своего положительного образа. Преподаватель подчеркивает ценность каждого выступления.

2. Прочтение текста «National stereotypes» («Национальные стереотипы»), высказывание по теме, аргументация своей позиции, представление мини-презентаций по предложенным преподавателем мини-темам с использованием соответствующего вокабуляра и речевых образцов. Студенты определяют для себя понятие «национальный стереотип» и способы преодоления предубеждений по этому поводу.

3. Дискуссия на тему кросс-культурных различий на основе текста «When in Rome...» («Когда вы в Риме...») и аудиоматериалов «When you think to do business with the Japanese» («Когда вы думаете о работе с японцами»). Обсуждение важности языка жестов и приемлемой модели поведения в разных странах. Высказываются точки зрения о корректности поведения и толерантности к поведению.

Методы и приемы обучения:

монологические, дискуссионные, рефлексивные.

Формы организации учебной деятельности:

индивидуальные, групповые (диады, триады, пары сменного состава).

Результат обучения.

Студенты: 1) приобретают уверенность в себе; 2) готовятся к диалогу; 3) вырабатывают способность к самопрезентации; 4) выражают свое мнение по заданным темам аргументированно.

2. Формирующий этап.

Цель обучения: формирующая, когнитивная.

Формирование умений слушания, восприятия, умений структурирования, умений исследовательской деятельности.

Задачи обучения:

- 1) развивать умения самостоятельного мышления;
- 2) развивать умения слушания и реагирования на вопросы;
- 3) развивать умения работы в команде, умения взаимодействия;
- 4) активизировать умения самооценки и способствовать развитию «Я – концепции».

Содержание учебных заданий.

Для реализации поставленной цели предлагается следующий блок упражнений и заданий:

1. Преподаватель представляет студентам теоретические положения о том, что такое презентация. Ответы на вопросы преподавателя, анализ примеров неуспешной ситуации, высказывание мнений по проблеме, ответ на главный вопрос: «Что делает презентацию успешной?». Преподаватель акцентирует внимание на важности мнения студентов.

2. Преподаватель предлагает выбрать критерии для успешности и неуспешности проведения презентации (do's and don'ts).

3. Преподаватель предлагает студентам ответить на вопрос: «Что делает презентацию привлекательной для аудитории?». Студенты, обсудив в парах возможные варианты ответа, высказывают свои предположения. Преподаватель предлагает обсудить такой важный аспект презентации, как невербальное общение и использование иллюстративных материалов, слайдов и power point. Преподаватель приглашает выступающего лектора со стороны и просит студентов после выступления высказать свои мнения и проанализировать достоинства и недостатки выступления и ограничения, которые могут появиться в определенной ситуации. В данной экспериментальной программе в качестве приглашенного лектора выступили студенты-стажеры из Токио и США.

4. Ролевая игра – телевизионное интервью по заданной ситуации. Работая в паре, студенты исполняют роли интервьюера и интервьюируемого. Каждый студент имеет четкую задачу, поставленную в данной ситуации.

Методы и приемы обучения:

ролевая игра, дискуссия, проект, мозговой штурм, метод диалога, методы анализа проблемных ситуаций (case studies).

Формы организации учебной деятельности:

групповые (диады, триады, пары сменного состава).

Результат обучения.

Студенты: 1) приобретают умения самостоятельного мышления; 2) активизируют умение слушать и реагировать; 3) адекватно оценивают себя и участников ситуации общения; 4) совершенствуют коммуникативные умения; 5) активизируют исследовательские умения; 6) адекватно реагируют на критику сокурсников, учатся уважать другое мнение.

3. Итоговый этап.

Цель обучения: развивающая.

Формирование презентационных умений.

Задачи обучения:

- 1) активизация умений анализировать;
- 2) активизация умений самостоятельной работы;
- 3) развитие эмпатии;
- 4) активизация взаимодействия.

Содержание учебных заданий.

1. Парная работа. Студентам предлагается обсудить проблему: «Что создает хорошего руководителя (What makes a good manager)?». Студенты делятся на микрогруппы и обсуждают качества, необходимые профессионалу для того, чтобы быть успешным. После завершения дискуссии преподаватель просит оценить выступления и умение взаимодействовать. Критические замечания приветствуются, поскольку именно на этом этапе формируется положительное отношение к критике.

2. Групповая работа. Дискуссия – дебаты «Education in XXI century» («Образование в XXI веке»). Студенты делятся на группы по 3-4 человека. Задача каждой группы представить аргументированную точку зрения и их видение проблемы. Предварительно преподаватель предлагает просмотреть учебный видеофильм «Independent schools» («Независимые школы») о системе среднего образования в Великобритании, сравнить два типа школы – в России и Великобритании. После этого студенты формируют свое мнение, выслушивают мнения других групп, ведущий дискуссии подводит итоги дебатов, резюмируя все высказанные точки зрения. Таким образом, в ходе дискуссии студенты учатся принимать другие мнения.

3. Научно-исследовательская работа. В рамках студенческой конференции преподаватель предлагает подготовить свои презентации и принять участие в конкурсе на лучшее публичное выступление. Тема может быть выбрана произвольно в рамках тематики конференции.

4. Проблемная ситуация (case study) – принятие решения. Студентам предлагается прочтение текста «Шотландец в компании Mazda» («Scotsman at Mazda»). После прочтения текста студенты анализируют ситуацию, методом мозгового штурма предлагают возможные выходы из ситуации.

5. Подготовка финальной экзаменационной презентации по произвольно

выбранной теме. Форма контроля сформированности презентационных умений – экзамен, который принимается в виде презентации. Студентам предлагается схема оценки презентации: показатели, критерии, по которым проводится оценка.

Методы и приемы обучения:

поисковые, метод ролевой игры, метод мозгового штурма, метод дискуссии

Формы организации:

групповые, индивидуальные, парные, коллективные.

Результат обучения:

Студенты: 1) демонстрируют хороший уровень развития коммуникаций, умений; 2) проявляют уважение к мнению товарищей; 3) проявляют высокий уровень готовности к проведению презентации.

На контрольном этапе исследования была проведена оценка уровня развития презентационных умений. Традиционно формой отчетности студентов является экзамен. Экспериментальная программа заканчивается экзаменом, который проводится в виде презентации. Соответственно критерии оценки экзамена изменяются. Доминирующим фактором при оценке экзамена служат следующие критерии: 1) умение управлять аудиторией, привлекать внимание и вызывать интерес; 2) умение поддерживать контакт (зрительный контакт, риторические вопросы); 3) умение контролировать эмоции и жесты; 4) умение логично излагать материал; 5) умение оценивать релевантность речевых моделей; 6) умение выбрать адекватную поведенческую модель; стиль одежды.

В заключение можно сказать, что значимость формирования презентационных компетенций у студентов не вызывает сомнения в связи: 1) с гуманитарной ориентированностью образования; 2) с рассмотрением понятия «ключевые профессиональные компетенции» с позиции потребностей студентов; 3) с контекстом присоединения России к Болонскому процессу; 4) с усиливающейся конкуренцией на рынке труда.

Данная программа строилась на принципах профессионально-компетентного, личностно-деятельностного подходов, а также с использованием концепций педагогической коммуникативной компетентности и положений знаково-контекстного подхода.

СУГГЕСТИВНЫЙ КОД ТЕКСТА В ПОЛИКОДОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Т. М. Рогожникова

Россия, Уфа,

*ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный
авиационный технический университет»*

В статье обсуждается проблема суггестивного воздействия в процессе коммуникации. На примере различных переводов одного произведения анализируется суггестивный потенциал поэтического текста. Рассматриваются ассоциативная цветность и эмоциональный образ вербальных моделей. Обсуждается современный инструментарий для подобных исследований.

The article deals with the problem of suggestive influence in the process of communication. The poetic text suggestive potential is discussed through the analysis of different translations of the same poem. The associative color and verbal models emotional images are analyzed. The article also considers modern tools that allow conducting such investigation.

Культурологические, лингво-семиотические и дидактические аспекты коммуникации предполагают ведение научного поиска в поликодовом языковом пространстве, которое допускает существование не только различных научных парадигм, но и полярных точек зрения внутри одной парадигмы. Суггестия в тексте, безусловно, может быть причислена к такой социально востребованной зоне этого коммуникативного пространства, которая сегодня активно изучается лингвистикой и психолингвистикой. В этом контексте совершенно особую роль приобретает анализ текста и его переводов на другие языки. Воздействие вербальной модели реализуется через те эмоциональные, сенсорные, ментальные (интеллектуальные) состояния, которые данная модель вызывает в человеке. Поэтические тексты («рифмованная суггестия») занимают совершенно особое место, отличаясь высоким уровнем реализации суггестивной функции. Рассматривая текст как зону взаимодействия, мы можем судить о качестве и уровне психического воздействия, направленного на индивидуальное сознание, декодировать латентные «помимовольные» (в терминологии Е. Д. Поливанова) импульсы, которые воспринимаются человеком без критической оценки и не осознаются, поскольку психологические механизмы суггестии в значительной мере лежат в сфере бессознательного.

Законы действия слова и суггестивные свойства языка связаны с необходимостью понимания того скрытого воздействия, которое оказывается на индивида. Дешифровка суггестивного кода текста требует построения алгоритма анализа. Мы выделили круг задач, решение которых сопровождается обязательным установлением единиц анализа, без чего исследовательские усилия невозможны. Во-первых, необходимо установить качество воздейст-

вия; во-вторых, определить его силу; в-третьих, смоделировать «суггестивный образ текста»; в-четвертых, эксплицировать максимально возможное количество единиц анализа, которые прямо или косвенно способствуют формализованному измерению суггестивного потенциала текста. Задачи были соотнесены с векторами поиска. *Первый вектор* – изучение результатов альфа- (бета-дельта -тэта) - активности мозга, получаемых в ходе предъявления вербальных стимулов. Сознание человека функционирует в широком диапазоне ритмов мозга. Ритмическая активность мозга, имеющая отчасти электрическую природу, выстраивает наше видение предметного мира, формирует образ мира и ту «боевую готовность», с которой человек с миром взаимодействует. Различные вербальные модели (полярные в особенности) являются уникальным источником, активизирующим весь диапазон восприятия человеком мира [6; 7]. *Второй вектор* связан с исследованиями психосемантики цвета и потенциала звукоцвета. Анализ цветовой ассоциативности звуков, опирающийся на экспериментальную проверку получаемых результатов, уже имеет свою историю и традиции. В ходе исследований [8; 2; 9; 10] было установлено, что анализ звуко-цветовых соответствий позволяет эксплицировать латентную информативность и экспрессивность вербальной модели. Среди вопросов, на которые искались ответы, особо следует выделить проблему поиска универсальных семантических закономерностей индивидуального шкалирования цветов и установления инструмента измерения фонетической значимости звуков.

Третий вектор увязывается с описанием «состояний» индивидуального ассоциативного поля, который возможно описывать через анализ единиц ядра идиолексикона человека методом фоносемантической оценки слов. Подобное исследование провела Р. А. Даминова, которая обнаружила, что единицы ядра ментального лексикона, функционируя с положительной фоносемантической оценкой, удерживают вокруг себя ассоциативную оболочку с отрицательной оценкой [1]. Таким образом, описание психологической структуры семантики слова можно вести в рамках конечного пространства состояний определенной размерности.

Сегодня к названным трем направлениям исследования суггестивного потенциала вербальных моделей мы можем добавить еще два. *Четвертое направление* связано с ранжированием признаков звукобукв и выделением особых языковых единиц текста, которые с наибольшей степенью вероятности кодируют и декодируют суггестивный заряд данной вербальной модели. В качестве рабочего названия для подобного рода языковых единиц возможно предложить термин «текстофонема». Интересное исследование провела Д. С. Ищенко, исследовавшая закономерности авторской организации вокалической и консонантной структуры стиха и репрезентации его фонемного состава [3]. Автор использовала данный термин для выявления лингвостетических принципов фонетической организации поэтической речи В. Я. Брюсова и для экспликации особенностей фоносемантических и цвето-

фоносемантических ассоциаций, проявляющихся в результате корреляций авторских звуковых смыслов с содержательной стороной стихотворений.

Пятое направление связано с изучением суггестивных возможностей ритмической организации текста. Работа над этой компонентой суггестивного воздействия нами только начата, получены предварительные результаты.

Итак, обозначим алгоритм анализа, который был реализован для каждого авторского перевода стихотворения. Во-первых, изучались комбинации ритмов мозга; во-вторых, ранжировались доминантные признаки текста; в-третьих, рассматривалась психологическая (ассоциативная) цветность модели; в-четвертых, делались заключения о степени и качестве суггестивного воздействия перевода того или иного автора.

Аналізу были подвергнуты известные нам переводы стихотворения Артюра Рембо «Пьяный корабль». Мы работали с переводами Л. Мартынова, Д. Бродского, Д. Самойлова, Б. Лившица, П. Антокольского, Е. Витковского, Н. Стрижевской, М. Кудинова, А. Гилярова, В. Эльснера. Стихотворение «Пьяный корабль» по своему объему большое, поэтому ниже для сравнения переводов будут приведены лишь фрагменты из оригинала и нескольких известных нам переводов.

В ходе анализа использовались программные продукты, позволяющие анализировать вербальный материал с разных точек зрения зрения. Компьютерная программа ВААЛ (авторы В. И. Шалак, М. Н. Дымшиц) позволяет прогнозировать неосознаваемое эмоциональное воздействие фонетической структуры слов на человека, анализировать тексты с точки зрения такого воздействия, составлять тексты с заданными фоносемантическими параметрами, выявлять психологические качества авторов текста, проводить контент-анализ текстов. Аналитическая программа DIATONE, разработанная в лаборатории профессора И. Ю. Черепановой, способна определять подсознательные реакции человека на текстовую или вербальную информацию. Программа ЗВУКОЦВЕТ (авторы профессор Л. П. Прокофьева, программист Т. В. Миронова, канд. физ.-мат. наук И. Л. Пластун) представляет собой универсальную русско-английскую программу для выполнения ряда задач. Программа рассчитывает частотность графонов русского и английского прозаического, поэтического и драматургического текстов; определяет цветность текстов на основании рассчитанной частотности звукобукв; определяет наличие приемов аллитерации и ассонанса в тексте; анализирует каждый абзац текста и текст целиком, благодаря чему достигается эффект динамики звуко-цветовой ассоциативности. Компьютерная программа автоматизированного анализа текста «БАРИН», разработанная коллективом авторов (руководитель проекта Т. М. Рогожникова, программист С. А. Воронков, аспиранты Н. В. Ефименко, Р. В. Яковлева) выполняет интерпретацию звуко-цветовых соответствий в тексте (художественно-графический образ текста), устанавливает динамику цветового наполнения слова и текста, регистрирует ведущий цвет текста,

ранжирует монохромную ядерную зону и многоцветную периферию цветового значения вербальной модели. С помощью данной компьютерной программы мы получаем цветовой образ слова и текста, который возможно интерпретировать, используя таблицы цветовых сублиматов. Корректируя значение, заложенное на уровне звуко-цветовой ассоциативности, исследователь может прогнозировать появление определенной эмоциональной реакции на текст и усовершенствовать вербальную модель (текст, высказывание, словосочетание, слово) с целью повышения ее информативности на фоносемантическом уровне.

Используя разные компьютерные программы, мы выделили те опоры, которые позволяют нам проводить сопоставительный анализ материала. Мы остановились на трех: **качество воздействия** (определялось через установление доминирующего при восприятии того или иного перевода ритма мозга). Идея изучать суггестивные возможности текста через обращение к ритмической активности мозга принадлежит И. Ю. Черепановой, которая уже в своей докторской диссертации говорила о необходимости изучать латентные языковые закономерности с помощью специально ориентированных на исследование суггестии методов [12]. В новой версии программы, созданной в лаборатории И. Ю. Черепановой, улучшены параметры всестороннего фоносемантического анализа и встроена дополнительная функция анализа – влияние текста на ритмы мозга. Технически с помощью названного инструмента возможен анализ 11 основных состояний ритмов мозга и связанных с ним эмоций. Каждому типу мозговых волн приписываются знаки «+» или «-», в зависимости от избыточности или недостаточности проявлений того или иного ритма, фиксируется нейтральная позиция, позиция полной синхронизации потенциалов со знаком «+» и позиция жесткого воздействия со знаком «-». Второй опорой для нас явились наборы **характеризующих и определительных признаков**, которые описывают фоническую оболочку слова. Носители языка не осознают и не анализируют ее как содержательно значимую, однако, как установлено в многочисленных экспериментах, именно она устанавливает вектор процесса понимания, превращая неосознанно воспринимаемые звуки и их комплексы в содержательные. Признаки незвукового свойства подобно ауре окружают слово, создавая его звуковой облик. Третьей опорой послужила информация о **цветовой ассоциативности слова**. Ассоциативная структура цветового значения позволяет нам размышлять над проблемой воздействия психологического (ассоциативного) цвета на эмоциональное состояние человека. Напомним небольшой фрагмент стихотворения А. Рембо:

Mais, vrai, j'ai trop pleuré! Les Aubes narvantes.
Tout lune est atroce et tout soleil amer:
L'âcre amour m'a gonflé de torpeurs enivrantes.
O que ma quill éclate! O que j'aille à la mer! [11, с. 262].

Опрос участников экспериментов, а ими стали студенты Уфимского государственного авиационного технического университета, показал, что все переводы воспринимались как совершенно разные поэтические произведения. Это свидетельствует о разном качестве воздействия одного и того же содержания, переданного различными комбинациями вербальных моделей. Приведем ряд примеров. Перевод Л. Мартынова:

*Но, впрочем, хватит слез! Терзают душу зори.
Ужасна желчь всех лун, горька всех солнц мездра!
Опойно вспучен я любовью цепкой к морю.
О, пусть мой лопнет киль! Ко дну идти пора [4, с. 391].*

При восприятии данного текста доминирует *альфа-минус* ритм, свидетельствующий о возбужденном состоянии и влечении к ненужному риску, к нарушению норм поведения. Доминирующими признаками являются: *тихий, злоециий, печальный, тоскливый, минорный*. Текст нейтральный и не относится к суггестивно сильным. Это текст-экстраверт, причем доброжелательный. Ритмичность текста высокая. Ассоциативная цветность: *ядерная зона* – белый, синий, красный, зеленый цвета; *периферия* – серый, черный, коричневый. Перевод Е. Витковского:

*Но – я исплакался! Невыносимы зори,
Мне солнце шлет тоску, луна сулит беду;
Острейшая любовь нещадно множит горе.
Ломайся, ветхий киль, – и я ко дну пойду [5, С. 400].*

Тэта-минус текст, вызывающий бессознательный гнев, раздражение, панику. Признаки текста: *медлительный, темный, злоециий, печальный*. В тексте высоки показатели акцентуаций «депрессивность», «возбудимость», «паранойальность». Ассоциативная цветность текста: *ядерная зона* - синий, белый, красный, зеленый, темно-синий, черный; *периферия* – цвет морской волны, хаки, малиновый, оранжевый, голубой, желтый. Перевод В. Эльснера:

*Но слишком устал я чудесным томиться,
Нирваную холода, пыткой огня ...
Так пусть же мой киль на куски раздробиться
И море бесследно поглотит меня! [4, С. 379].*

Текст *жесткого комплексного воздействия*, возбуждающего отрицательные эмоции. По признакам текст: *тихий, минорный, печальный, темный*. Текст-интроверт, не агрессивный, но и не доброжелательный.

Ассоциативная цветность текста: *ядерная зона* – синий, белый, красный; *периферия* – темно-синий, зеленый, черный, цвет морской волны, голубой, серый, хаки, коричневый, оранжевый, малиновый.

Анализ всех известных нам 10 переводов показал: 2 текста активизируют альфа-минус ритм, 1 текст - дельта-и-тэта- минус ритмы, 2 - тэта-плюс ритм, 1 - дельта-минус ритм, 1- тэта-минус ритм, 1- дельта- и -тэта-плюс ритмы, 1 - бета-плюс ритм, 1 текст с жесткой формой комплексного воздействия (синхронизация потенциалов со знаком минус). Всего: 6 текстов с минус-ритмами и 4 перевода с плюс-ритмами. Мы видим, что ритмическая и признаковая палитры разнообразны. Становится ясным, почему переводы одного стихотворения воспринимались участниками экспериментов как разные произведения. Эмоциональные ассоциативные образы этих моделей значительно отличаются друг от друга. Суггестивный код, шифрующий одну модель, ликвидирует ее семантическую синонимичность другой модели.

К сожалению, в настоящее время нет инструментария, с помощью которого мы могли бы сравнить полученные данные с оригинальным текстом на французском языке. Ведь только подобное сравнение позволило бы выявить наиболее близкий на глубинном уровне перевод, адекватно передающий «эмоциональное состояние» оригинального текста. Сегодня мы можем декодировать суггестивный потенциал текста и расшифровать его суггестивный код лишь на русском, английском, татарском и башкирском языках.

Список литературы:

1. Даминова Р.А. Ассоциативная структура значения и фонетическая значимость слова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Уфа, 2010. - 24 с.
2. Ефименко Н.В. Ассоциативная структура цветового значения слова и текста: Дис. ... канд. филол. наук. - Уфа, 2011. - 208с.
3. Ищенко Д.С. Фоносемантические и цветофоносемантические художественные ассоциации в поэтической речи (на материале творчества В.Я.Брюсова): Автореф. дис. ...канд. филол. наук.- Ставрополь, 2009. - 22 с.
4. Рембо А. Стихи. Последние стихотворения. Озарения. Одно лето в аду. Серия: Литературные памятники. - М.: Наука, 1982. - 505 с.
5. Рембо А. Поэтические произведения в стихах и прозе. - М.: Радуга, 1988.- 545 с.
6. Рогожникова Т.М. Мозговые волны и ядро ментального лексикона //Слово и текст: психолингвистический подход: Сб.науч. тр. / Под общ. ред. А.А. Залевской. - Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. Вып. 5. - С. 96 -103.
7. Рогожникова Т.М. Вербальные модели и ритмическая активность мозга//Вопросы психолингвистики. Выпуск посвящен 75- летнему юбилею Е. Ф. Тарасова. №2(12). - М: ИЯ РАН, 2010. - С.48-56.
8. Рогожникова Т.М. Этнокультурная специфика цветовой ассоциативности звуков башкирского и татарского языков//Русскоязычие и би(поли)лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивно-концептуальные аспекты: Материалы IV Межд. науч.-метод. конф. - Пятигорск: Изд-во Пятигор. гос. лингв. ун-та, 2011. - С.51-55.
9. Рогожникова Т.М., Кочетова Г.Р. Исследование цветовой ассоциативности звуков башкирского и татарского языков // Языковое бытие человека и этноса: психо-

лингвистический и когнитивный аспекты: Материалы школы-семинара (VII Березинские чтения). Вып.17. - М.: ИНИОН РАН, АСОУ, 2011. - С.241-246.

10. Рогожникова Т.М., Кочетова Г.Р. Ассоциативная цветность звуков башкирского и татарского языков // Вестник Башкирского университета. - Уфа: Изд-во БашГУ, 2012, Том 17, № 3 (Филология и искусствоведение) - С.1313 - 1320.

11. Французская поэзия XIX-XX веков: сборник (на франц. яз.) / сост. С. Великовский. - М.: Прогресс, 1982. - 672 с.

12. Черепанова И.Ю. Вербальная суггестия: теория, методика и социально-лингвистический эксперимент: Дис. ...д-ра филол. наук. - Пермь, 1996. - 426 с.

ТЕКСТ + ИЗОБРАЖЕНИЕ: БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ ИЛИ ЕДИНАЯ ПАРАДИГМА

Р. Т. Садуов

*Россия, Уфа, ФГБОУ ВПО «Башкирский
государственный университет»*

Настоящая работа посвящена рассмотрению подходов отечественных и зарубежных исследователей к трактовке природы поликодовых текстов. В статье представлены различные точки зрения ученых на проблему поликодовых текстов.

The present paper features a range of domestic and foreign approaches to construing polycode texts. The article contains various viewpoints of scholars upon the issue.

Современная техническая парадигма, воздвигнутая прогрессом на месте Вселенной Гутенберга, выработала возможность порождать все новые и новые формы представления знания. Средство передачи сообщения, порой, становится важнее самого сообщения, что делает известную формулу Маршала МакЛюэна актуальной как никогда¹. В этих условиях все большую популярность набирают исследования поликодовых текстов. Суть их заключается в комбинировании нескольких семиотических систем в рамках завершенного единства. Особенно тщательному исследованию подвергаются дикодовые тексты, состоящие из вербального текста и графического изображения. Типичными примерами таких текстов являются плакаты, листовки, комиксы, газетные статьи, снабженные фотографиями, карикатурные изображения и проч. Основной целью таких работ является рассмотрение взаимоотношений между текстом и изображением. Настоящая статья посвящена краткому обзору различных точек зрения относительно поликодовых текстов.

¹ Имеется в виду известная формула «the media is the message» (средство передачи сообщения и есть само сообщение).

Следует отметить, что, в целом, исследователи разделяются в своих оценках поликодовых текстов. Среди зарубежных исследователей довольно распространенной является точка зрения, согласно которой поликодовые тексты вытесняют вербальные, что оказывает негативное влияние на науку и человека в целом. Так, Дж. Болтер утверждает, что ученым-гуманитариям довольно сложно принять новую парадигму, поэтому большинство из них придерживается печатного слова: львиная доля работ выпускается в виде книг и журналов, в то время как прочие поликодовые формы коммуникации намеренно игнорируются [2, С. 21]. Анна Высоцки, в свою очередь, упоминает, что многие исследователи считают, что поликодовый текст снижает интеллектуальные способности потребителя таких текстов, поскольку делает их интерпретацию более прямолинейной. Некоторые российские исследователи разделяют мнение своих зарубежных коллег. Ирина Арзамасцева, несколько ни умаляя суггестивной способности поликодовых текстов, считает, что комикс, один из ярких примеров таких текстов, обладает свойством предопределять восприятие смысла текста: «Он [комикс] превосходно доносит до сознания людей информацию, он – прекрасный информатор. Другое дело, что это за информация. Пока комиксы насыщают информацией легковесной, развлекательной. Но комиксы способны оказывать влияние на сознание человека, может быть, даже большее, чем литература, хотя это влияние более грубое, прямолинейное» [1]. Виктор Гуружалов, заведующий отделом научно-методической педагогики Государственной Третьяковской галереи, подходит к вопросу еще серьезнее. Исследователь полагает, что поликодовый текст лишает личность возможности мыслить самостоятельно, особенно если речь идет о несформировавшейся личности: «Лёгкость, с которой ребёнок усваивает содержащуюся в комиксе информацию, создаёт у него иллюзию того, что он постиг сущность мира. Все основные, узловые моменты процесса, явления или события вычленены, наглядно представлены. Процесс познания не требует от ребёнка ни особого усилия, ни личного участия в акте открытия. В комиксе всё уже кем-то открыто, осмыслено и представлено. Рассматривая и изучая комикс, ребёнок не ищет ответов на вопросы, не пытается докопаться до истины, сути вещей и в этом смысле он пассивен, усваивает уже готовую информацию» [1].

Таким образом, многие исследователи воспринимают поликодовые тексты как чуждое устоявшейся гутенберговской эпохе явление, инородный элемент в теле существующей текстовой парадигмы, а иногда – как очевидную опасность для человека. Тем не менее, существует иная точка зрения, которая, как представляется, более обоснована в силу того, что основывается на длительной истории письменности как таковой. Так, упомянутая выше Анна Высоцки убедительно доказывает, что комбинация «текст + изображение» может удивительным образом усложнить сообщение и раскрыть возможность использовать глубинные подтексты, недос-

тупные напечатанному слову [5, С. 37-61]. Кэрл Липсон рассматривает парадигму «текст + изображение» в еще более обширном контексте. Исследователь утверждает, что текст изначально произошел из изображения, что наглядно подтверждают первые разновидности письменности, такие как египетские иероглифы [4, С. 89]. В результате тщательного анализа Липсон приходит к выводу, что иероглифическое письмо, сочетающее в себе элементы как традиционного письменного текста, так и изображения, способно приводить к разным способам прочтения иероглифов, разным смыслам, закладываемым в них. Кевин ЛяГрандор, в свою очередь, наглядно демонстрирует, что изображение наряду с текстом может обладать определенной суггестивной, риторической силой. Более того, понимание Аристотелем риторики позволяет говорить о том, что изображение также может служить средством риторического воздействия [3, С. 117-137].

Таким образом, существует противоположная точка зрения на природу поликодовых текстов, которая указывает на то, что последний представляет собой органичное явление, корнями уходящее в прошлое. Это вовсе не чуждое явление, которое пришло к нам вместе с высокими технологиями, но возвращенное искусство, дополненное и обогащенное величайшим изобретением человека – печатным словом. Как представляется, именно такая точка зрения выражает наиболее адекватное отношение к поликодовым текстам. При этом, однако, встает вопрос о том, каким образом такие тексты функционируют в современном мире. Безусловно, это важный вопрос, который все чаще начинает подвергаться исследованию; и, безусловно, актуальность таких исследований должна возрастать в силу распространенности поликодовых текстов.

Список литературы:

1. Комикс в образовании: есть ли польза от дела? / И. Арзамасцева, В. Гуружалов, М. Заславский [и др.] ; подготовила С. Максимова // Народное образование. – 2002. – № 9 (1322). – С. 131.
2. Bolter J.D. Critical Theory and the Challenge of New Media // Eloquent Images: Word and Image in the Age of New Media / Ed. Hocks M.E., Kendrick M.R. – Cambridge: The MIT Press. – 2005. - P. 19-36.
3. LaGrandeur K. Digital Images and Classical Persuasion // Eloquent Images: Word and Image in the Age of New Media / Ed. Hocks M.E., Kendrick M.R. – Cambridge: The MIT Press. – 2005. - P. 117-137.
4. Lipson C.S. Recovering the Multimedia History of Writing in the Public Texts of Ancient Egypt // Eloquent Images: Word and Image in the Age of New Media / Ed. Hocks M.E., Kendrick M.R. – Cambridge: The MIT Press. – 2005. - P. 99-117.
5. Wysocki A.F. Seriously Visible // Eloquent Images: Word and Image in the Age of New Media / Ed. Hocks M.E., Kendrick M.R. – Cambridge: The MIT Press. – 2005. - P. 37-61.
6. Рогожникова Т.М. Мозговые волны и ядро ментального лексикона // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. / Под общ. ред. А.А. Залевской. - Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. Вып. 5. - С. 96 -103.
7. Рогожникова Т.М. Вербальные модели и ритмическая активность мозга // Вопро-

сы психолингвистики. Выпуск посвящен 75- лeтнему юбилею Е. Ф. Тарасова. №2(12). - М: ИЯ РАН, 2010. - С.48-56.

8. Рогожникова Т.М. Этнокультурная специфика цветовой ассоциативности звуков башкирского и татарского языков//Русскоязычие и би(поли)лингвизм в межкультурной коммуникации XXI века: когнитивно-концептуальные аспекты: Материалы IV Межд. науч.-метод. конф. - Пятигорск: Изд-во Пятигор. гос. лингв. ун-та, 2011. - С.51-55.

9. Рогожникова Т.М., Кочетова Г.Р. Исследование цветовой ассоциативности звуков башкирского и татарского языков // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Материалы школы-семинара (VII Березинские чтения). Вып.17. - М.: ИНИОН РАН, АСОУ, 2011. - С.241-246.

10. Рогожникова Т.М., Кочетова Г.Р. Ассоциативная цветность звуков башкирского и татарского языков // Вестник Башкирского университета. - Уфа: Изд-во БашГУ, 2012, Том 17, № 3 (Филология и искусствоведение) - С.1313 - 1320.

11. Французская поэзия XIX-XX веков: сборник (на франц. яз.) / сост. С. Великовский. - М.: Прогресс, 1982. - 672 с.

12. Черепанова И.Ю. Вербальная суггестия: теория, методика и социально-лингвистический эксперимент: Дис. ...д-ра филол. наук. - Пермь, 1996. - 426 с.

«ЧУЖОЕ / СВОЁ» → «ДРУГОЕ / СВОЁ»: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ Д. И. ФОНВИЗИНА В КОМЕДИИ «БРИГАДИР»

С. А. Салова

*Россия, Уфа, ФГБОУ ВПО «Башкирский
государственный университет»*

Комедия «Бригадир» рассматривается в качестве художественного аргумента в полемике Д. И. Фонвизина с теоретиком «прелагательного» направления В. И. Лукиным о способах освоения текстов «чужой» культуры. Фабульным мотивом разлада внутрисемейных отношений в пьесе репрезентируется социокультурная ситуация в послепетровской России XVIII века. Во взаимоотношениях Бригадира и Ивана получила художественное преломление структура ее отношений с западной культурой, основанная на принципе доминирования первого компонента в оппозиции «чужой – свой». Контрастная модель актуализована Фонвизиним через речевое поведение Бригадирши и Советницы, которые персонифицировали в комедии коммуникативную стратегию, реализованную внутри парадигмы «другой – свой». Трансформация оппозиции «чужое – своё» в дихотомию «другой – свой» манифестировала предложенную Фонвизиним альтернативную по отношению к теории Лукина схему взаимодействия инонациональных текстов с доминированием второго компонента в формуле «перенимать – понимать» другую культуру.

The comedy «Brigadir» is considered as the artistic argument by D.I. Fonvizin in his polemics with V.I. Lukin about the methods of the recoding of alien culture texts. The main fable motive of this comedy was represented the social-cultural situation in the post-Peter Russia. The relations between Brigadir and

Ivan are considered as the model of relations between the native and West cultures, based on the principle of the «alien» domination. The contrast model was actualized by Fonvizin in Brigadirsha's and Sovetnitsa's verbal behavior; they were the personifications of the communicative strategy upon the paradigm «another – native». The alternative scheme of intercultural texts interaction posted by Fonvizin is an alternative to Lukin's theory of «sklonenie na russkie navy». The offered scheme supposed that in the paradigm «adopt – understand» the second component became the overbearing.

Феномен «склонения на русские нравы», возникший в отечественной литературе в 60-е годы XVIII века и концептуально осмысленный В. И. Лукиным, длительное время относился к разряду второстепенных. Лишь относительно недавно возобладало осознание того, что именно «прелогательная» проблематика определила один из основных механизмов русского Просвещения в целом. Напомним, что дебютом Фонвизина как драматурга стала пьеса «Корион», переделанная им в 1764 году из драмы Ж.-Б. Грессе «Сидней» в полном соответствии с выработанной в литературно-театральном кружке И. П. Елагина тактикой «склонения» иностранных пьес «на русские нравы». Однако следующее завершённое драматургическое сочинение Д. И. Фонвизина – комедия «Бригадир» – продемонстрировало полемическое отталкивание его автора от «прелогательной» практики. Трактующая обычно как первая в русской драматургии бытовая, или нравоописательная комедия, эта пьеса 1769 года обладает сложной содержательной структурой, семантическое ядро которой образует ценностная оппозиция «чужое – свое», представленная сразу в нескольких, наслаивающихся друг на друга модификациях. Одна из них проблематизирует вектор восприятия и альтернативные способы освоения «чужой» культуры. Поясним нашу мысль подробнее.

Водевильная по духу ситуация «любовного махания», положенная в основу сюжетной схемы комедии «Бригадир», транспонировала чрезвычайно широко представленный во французской драматургии XVIII века (прежде всего в хорошо знакомых русскому зрителю пьесах Ф. Данкура, Ж.-Ф. Реньяра, Ш.-Р. Дюфрени) конфликт разобщенности супружеских пар. Репрезентативная для социокультурной ситуации во Франции тема галантных нравов и «модного брака» привлекла Фонвизина заложённой в ней экспрессией диссонанса и возможностью ее экстраполирования в сферу внесемейных отношений. Оригинально обыграв рокайльный фабульный мотив, создатель «Бригадира» наделил его глубочайшим этнокультурным смыслом. Конкретный, частный пример скандализованных отношений между членами двух почтенных дворянских семейств позволил драматургу в самых общих чертах смоделировать социокультурную обстановку в России 1760-х годов, отмеченную глубоким нравственно-культурным расколом внутри дворянского сословия, которое утратило некогда присущую ему целостность, что, в свою очередь, несло угрозу потери национальной идентичности. В стремлении актуализи-

ровать этнокультурный срез исходной парадигмы «чужое – свое» Фонвизин поставил в центр своей пьесы фигуру «русского парижанца» – молодого представителя галломанствующего российского дворянства.

Знаковой в репрезентации образа Ивана является сцена, где тот выражает готовность вызвать родного «батюшку» на дуэль, что обычно истолковывается исследователями в остро сатирическом ключе как кульминационное проявление непочтительного, опасно граничащего с цинизмом отношения сына к отцу. Казалось бы, с этической точки зрения, галантное поведение Ивана не имеет никаких оправданий, однако в пьесе заложена возможность и иного его истолкования. Едва ли не главное функциональное назначение «дуэлянтской» позы Ивана в художественной структуре фонвизинской пьесы – создать прецедент, который позволил драматургу критически осмыслить корневые истоки подобной поведенческой схемы галломана, уже в самом начале пьесы позиционировавшего себя заинтересованным читателем французских романов.

«Заставив» бригадирского сына признаться, что он «кроме романов, ничего не читывал» [3, С. 49], Фонвизин одним из первых скептически оценил саму возможность позитивного культурно-моделирующего воздействия инонациональной литературы на интеллектуально неподготовленных к ее критическому восприятию россиян. Весьма красноречиво в этом смысле импульсивное решение Ивана продублировать поведение персонажа прочитанной им «прекрасной» французской книги и, подобно ему, вызвать на дуэль собственного отца: «Et pourquoi non? Я читал в прекрасной книге, как бишь ее зовут... le nom m'est échappé, да ... в книге «Les sottises du temps», что один сын в Париже вызывал отца своего на дуэль... а я, или я скот, чтоб не последовать тому, что хотя один раз случилось в Париже?» [3, С. 70]. Данная мизансцена с предельной отчетливостью обнаружила парадоксальность художественной логики Фонвизина. Дело в том, что спонтанная книжная реакция «негодницы» Ивана полностью соответствовала той парадигме образцового проевропейского культурного поведения, которая, начиная с Петровской эпохи, упорно насаждалась в России нового времени, в том числе и высокообразованными русскими переводчиками галантных романов. Их культуртрегерские претензии до сих пор принято оценивать сугубо положительно, а трансплантируемые ими на русскую почву сочинения считать плодотворной реализацией культурно-просветительской и культурно-моделирующей функций европейской литературы, задававшей россиянам современные нормы светского поведения в самых разных сферах жизни, и в первую очередь во взаимоотношениях полов. Фонвизин же выступил против такой, опосредованной литературой, экстраполяции европейской ситуации на российскую, против восприятия литературы как фактора, дававшего *готовые* нормы поведения.

Прозрачная полемическая подоплека фонвизинской мотивировки бретерских поползновений Ивана вполне очевидна. Русский парижанец Иван репрезентируется в пьесе как культурно-исторический тип, едва ли не эмбле-

матичный для послепетровской России, с по-прежнему господствующей там установкой на по-школярски монологическое восприятие западной культуры в качестве поставщика образцовых моделей поведения. Судя по всему, ко времени написания «Бригадира» Фонвизин уже осознал назревшую для России необходимость осуществить семантическую переакцентуацию внутри дихотомии «свое – чужое», построенной на болезненном для национального самосознания принципе доминирования в ней второго элемента. Косвенным указанием на оспоренную драматургом однобокость «культурного интернационализма» (выражение М. М. Бахтина) переводчиков и перелагателей «чужих» текстов, а также явную ущербность тогдашней практики литературного культуртрегерства стала «прекрасная», по отзыву Ивана, книга с «говорящим» названием «*Les sottises du temps*», что в переводе на русский язык означает «Ошибки времени». Вполне возможно, что именно сквозь такую «иронико-пародическую» призму Фонвизин рассматривал и стратегию «склонения» иностранных пьес «на русские нравы» по рецепту В. И. Лукина, оценивая ее как своего рода «ошибку времени».

Возникает вопрос: смог ли Фонвизин предложить иную, альтернативную «лукинской», матрицу отношений текстов «своей» и «чужой» культур? Развернутого теоретического обоснования своей позиции Фонвизин не оставил, однако некоторые особенности художественной структуры его пьесы «Бригадир» позволяют реконструировать обретенное им новое понимание механизма межкультурного взаимодействия. Как ни парадоксально, но декларировать (правда, имплицитно) свое видение данной проблемы Фонвизин доверил галломанке Советнице. В уста этой большой охотницы до чтения любезных романов в VI явлении II действия он вложил проникновенную максиму о человеческом сердце: «Сердце человеческое есть всегда сердце, и в Париже и в России: оно обмануть не может» [3, С. 69]. Между тем справедливость этого рассуждения не так безоговорочна и очевидна, как может показаться на первый взгляд или как действительно показалось Ивану, восхитившемуся своей возлюбленной с ее «тонким понятием» о сердце: «*Madame*, ты меня восхищаешь; ты, я вижу, такое же тонкое понятие имеешь о сердце, как я о разуме» [3, С. 69]. Семантическую значимость бытового философствования Советницы о человеческом сердце разительно увеличивает возможность ее парадигматического соотнесения с авторитетным интеллектуальным контекстом. Среди многочисленных высказываний знаменитых французских моралистов о дилемме «сердце – разум», можно отыскать, по крайней мере, одну конкретную максиму, которую, по всей вероятности, и оспорил Фонвизин устами своей галломанствующей кокетки. Речь идет об афоризме Ларошфуко, в котором тот преднамеренно акцентировал момент национальной характеристики, национальной специфичности обсуждаемого феномена: «Ум и сердце человека, так же как и его речь, хранят отпечаток страны, в которой он родился» [1, С. 66]. Фонвизин же придал тематически близкому высказы-

ванию Советницы принципиально иной, нежели у Ларошфуко, «общежительный», соединительный смысл, категорично сделав упор на критерии природной общности, единства человеческих чувств «и в Париже, и в России». Тем самым он осуществил выразительный, с семиотической точки зрения, жест нивелирования взаимоисключающих отношений внутри парадигмы «чужое – свое», преобразовав его в дихотомию «другой – свой».

Исследователи уже давно признали тот красноречивый факт, что демонстративное дистанцирование от «другого» было одной из показательных черт европейского просветительского сознания. Его рациональной, одновалентной самодостаточности и теоретической подозрительности к «другому» Фонвизин противопоставил зачастую отсутствующую у писателей Просвещения внутреннюю интенцию «проникнуться проблемами «другого» из чисто гуманных соображений, что можно было сделать, поставив себя на его место» [2, С. 8]. Показательна в этом смысле знаменитая сцена во II явлении IV действия пьесы, где заплаканная после очередной перебранки с супругом Бригадирша беседует с Софьей и Добролюбовым. Недалекая, забитая, постоянно унижаемая и поколачиваемая Бригадиром, она сохранила способность сострадать чужому горю и оценивает свое «худое житье», сравнивая его с гораздо более печальной судьбой капитанши Гвоздиловой, терпеливо сносившей побои мужа. Знаменательно, что в репликах, которыми обмениваются участники этой сцены, возникает лексически маркированная парадигма «про себя – про всех», выводящая имплицитно выраженную культурологическую проблематику пьесы на принципиально новый уровень. Такая способность помыслить себя «другим», поставить себя на место «другого», посочувствовать страданиям «другого» актуализуется Фонвизиним как альтернатива и противовес жесткой морализаторской установке Лукина на исправление пороков, означавшей, по сути, агрессивное навязывание системы ценностей, манифестируемых текстом «чужой» культуры.

Список литературы:

1. Ларошфуко Ф. де. Максимы. Мемуары. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2003. – 556 с.
2. Лимборский И. Идеальный исторический тип: «свой/чужой» в парадигме ценностей Просвещения // XVIII век: женское/мужское в культуре эпохи. – М.: Экон-Информ, 2008. – С. 3–9.
3. Фонвизин Д.И. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1. М.; Л.: Художественная литература, 1959. – 632 с.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ КЛАССИКОВ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ

Л. М. Такумбетова,

Россия, Уфа, ГБОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы»

В докладе рассматривается явление интердискурсивности на материале современной российской прессы. Одним из частных аспектов интердискурсивности является использование прецедентных текстов авторов зарубежной художественной литературы, что является одним из проявлений диалога культур.

The report deals with interdiscursivity phenomenon on the material of modern Russian printed mass media. One of the aspects of interdiscursivity, i.e. the so-called precedent texts of foreign belles-lettres authors used in Russian newspapers are considered, which is one of the representations of culture dialogue.

Феномен текстовой гетерогенности привлекает всё большее внимание лингвистов (И. В. Арнольд, В. Е. Чернявская, М. Пфистер, В. К. Бхатиа, Н. Ферклу и др.). Формами текстовой гетерогенности выступают поликодовые тексты: креолизованный, супертекст, бимедиальный, полимедиальный, мультимедийный, вербально-визуальный – термины, подчёркивающие, что текст как коммуникативная величина не ограничивается лишь языковой составляющей [7, С. 8]. Поликодовость в значительной степени представлена в газетных текстах, где в ткань собственно вербального вплетается графическое, шрифтовое, визуальное, цветное оформление. Термин «поликодовость» характеризует явление текстовой гетерогенности на уровне формы, достигаемой через соединение различных семиотических систем – вербальной и визуальной.

Наряду с поликодовостью наблюдаются явления интердискурсивности, что является частным случаем интертекстуальности. Термин «интертекстуальность» был введён в 1967 г. Ю. Кристевой [11, С. 434]. Он возник на почве концепции диалогичности М. М. Бахтина [2], положений стилистики декодирования о принципах выдвижения и современной теории контекста с многовековым опытом герменевтики. Термин получил широкое распространение и множество определений в зависимости от методологических позиций тех или иных учёных.

Под интертекстуальностью понимается включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизменных цитат, аллюзий и реминисценций [1, С. 346]. Интертекстуальность воплощается преимущественно через прецедентные тексты (термин Ю. Н. Караулова), которые являются своеобразными звеньями в общей цепи культурного общения чело-

вечества. К таким текстам, по мнению И. В. Арнольд, относятся прежде всего Библия, «Божественная комедия» Данте, «Дон Кихот» Сервантеса, все произведения Шекспира, а для русской литературы особенно Пушкин, Лермонтов, Грибоедов, Гоголь. Цитирование гениев прошлого позволяет сопоставить современный мир и мир других эпох с их нравственными и духовными ценностями. Прецедентными текстами могут быть мифы, сказки, песни, молитвы [1, С. 365]. Интертекстуальность также трактуется как «категория открытости текста» [7, С. 188]. Явление интердискурсивности может соотноситься с интертекстуальностью, поскольку дискурсы каким-то образом связаны между собой: они находятся в постоянном взаиморазграничении, но также и взаимообмене, и взаимодействии. Так, в политическом дискурсе используются прецедентные тексты, характерные для стиля художественной прозы, поэзии, фольклора [5, С. 513–519]. Отдельный текст может быть использован как точка пересечения нескольких дискурсов, если понимать под дискурсом отображение некоторой тематической и когнитивной общности. Включённые тексты могут быть маркированы, если их авторы недостаточно известны широкому читателю, на которого рассчитано СМИ. Для адекватного декодирования немаркированных фрагментов текстов необходима фоновая информация, так называемая «интертекстуальная память» [7, С.155]. Аллюзии, цитаты, реминисценции являются своеобразным мостиком для связи, диалога культур, а также это диалог «автор – читатель». Автор статьи должен иметь представление об интертекстуальной памяти читателей.

Целью данного исследования является изучение феномена интердискурсивности в современной российской прессе, в частности использование фрагментов произведений классиков зарубежной литературы. Эта статья является продолжением опубликованных статей автора [5 и др.], в которых рассматриваются различные прецедентные тексты, используемые в печатных СМИ: религиозные, фольклорные, тексты классиков российской художественной литературы, песенное творчество, ссылки на кинематографические источники.

Исследованию подверглись 400 прецедентных текстов, используемые в российских газетах «Аргументы и факты» (АиФ), «Комсомольская правда» и некоторых других: цитаты, аллюзии, реминисценции. Прецедентные тексты зарубежных авторов количественно уступают прецедентным текстам отечественной литературы: соотношение 50 : 200. Однако они играют важную роль в текстах российских газет, поскольку являются связующим звеном между российской и западной культурами.

Нижеприведённая таблица показывает частотность употребления прецедентных текстов зарубежных авторов. Как видно, большинство авторов составляют англоязычные классики и представители современной литературы (17), немецкие авторы (4), французские (6), испаноязычные (2) и другие.

Автор	Кол-во источников	Аллюзии	Цитаты				Реми-нис-ценции
			маркиро-ванные	немар-кирован	преобра-зован	неизме-ненные	
Шекспир	12	4	3	4	2	5	1
Байрон	1	1					
Диккенс	1	1					
Кэрол	1	1					1
Милн	1	1					
Конан Дойл	1	1					
Кристи	1		1			1	
Уэллс	5	4	1			1	
Драйзер	1	1					
Оруэлл	1	1					
Киплинг	1	1					
Фолкнер	1	1					
О'Генри	1						1
Стейнбек	1	1					
Толкиен	1		1			1	
Уайлдер	1	1					
Кларк	1						1
Гёте	2	1	1			1	
Шиллер	1			1		1	
Гессе	1	1					
Брехт	1		1			1	
Рабле	1	1					
Бальзак	1						1
Дюма	3	1	1			1	
Гюго	1						1
Флобер	1						1
Данте	1	1					
Сент-Экзюпери	1			1		1	
Сервантес	2	1					1
Маркес	1	1					
Линдгрэн	1						1
Гашек							
Всего 32	50	26	9	6	2	13	9

Как видно, вышеприведённые авторы представляют собой сокровищницу мировой культуры и тот факт, что они цитируются в современной российской прессе свидетельствует о том, что они не потеряли свою актуальность и используются в современной прессе с целью подтвердить какую-то мысль, сославшись на известных авторов.

Как пишет В. И. Карасик [3, С. 46], объективным показателем значимости прецедентного текста является отсылка к нему, которая возможна только при соблюдении следующих условий: 1) осознанность адресантом факта совершаемой им отсылки (текстовой реминисценции – термин А. Е. Супруна); 2) знакомство адресата с исходным текстом и его способность распознать отсылку к этому тексту; 3) наличие у адресанта прагматической пресуппозиции знания адресатом данного текста [4, С. 32].

Эти условия в большинстве случаев соблюдаются. Например, цитаты, аллюзии, реминисценции из произведений В. Шекспира представлены общеизвестными образцами, которые можно считать прототипическими для данного автора, например: *Согласитесь, что всё вместе это сплетается в какой-то трагикомичный фарс, заставляющий вспомнить известную реплику из шекспировского «Гамлета»: «Неладно что-то в Датском королевстве»* (АиФ, № 3, 2011). Очевидно, что вышеприведённая цитата, маркированная именем автора и его персонажа, является, как указывает автор статьи, известной. Она употребляется в случаях, если необходимо высказать критическое отношение к положению дел в любом государстве, в любой исторический период. В данном случае речь идёт о современной России. Эта цитата, а также другие, например, *«Весь мир – театр, и люди в нем – актеры»* (АиФ, № 13, 2011). *«И что нам гадание Гамлета - «быть или не быть», если мы точно знаем, кто будет президентом и что выборам всё равно быть!»* (АиФ № 48, 2011) имеют характерологическую и аксиологическую функции, т. е. используются для того, чтобы дать характеристику и/или оценку какому-то современному явлению, подкрепляя это цитатами.

Известные цитаты могут выполнять юридическую функцию в примерах с преобразованными текстами: *«Нет повести печальнее на свете, чем повесть о менте...и о конверте»* (АиФ, № 46, 2010), *Торговля оружием: и ты, Бут?* (АиФ № 47, 2010).

Однако авторы газетных публикаций не всегда уверены, что читателю известны имена зарубежных авторов. В следующей реминисценции редколлегия еженедельника сочла необходимым дать пояснение в скобках: *«Как У.Фолкнер (американский писатель – **Ред.**) всю жизнь описывал один городочек, так и я пишу про одну деревню»* (АиФ, № 47, 2010).

Итак, прецедентные тексты зарубежных классиков, используемые в современных российских СМИ, представляют собой диалог культур в пространстве и времени: зарубежной – от Шекспира до современных авторов – и современной российской массовой культурой.

Список литературы:

1. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность; науч. ред. П. Е. Бухаркин. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 448 с. (Лингвистическое наследие XX в.).

2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 474 с.
4. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.
5. Такумбетова Л.М. Интердискурсивность в современной российской прессе // Восточнославянские языки и литературы в историческом и культурном контекстах: когнитивная лингвистика и концептуальные исследования: сборник научных статей; отв. ред. М.В.Пименова. – К.: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2012. – С. 511-519.
6. Чернявская В.Е. Интертекстуальность и интердискурсивность // Текст – Дискурс – Стиль. Коммуникации в экономике; отв. ред. В.Е Чернявская. – СПб., 2003. – С. 23-42.
7. Чернявская В.Е. Открытый текст и открытый дискурс: Интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы; отв. ред. В.Е. Чернявская. – СПб., 2007. - С. 7-26.
8. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: [учебное пособие]. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 248 с.
9. Bhatia V.K. Interdiscursivity in professional communication // *Discourse & Communication* // February 2010 4: 32-50, <http://dcm.sagepub.com/content/4/1/32.full.pdf+html>.
10. Fairclough N. *Media Discourse*. – London; Edward Arnold, 1995. – 214 pp.
11. Kristeva J. Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman // *Critique*. № 23. 1967. – P. 438-465.
12. Pfister M. Zur Systemreferenz // *Intertextualität*. – Tübingen: Niemeyer, 1985. – S. 52-58.

THE TOPICAL CAREER OF NEWSPAPER ‚SNIPPETS’ – AND WHAT SHE TELLS US ABOUT PRESENT COMMUNICATION AND CULTURE

*Prof. Dr. Volker Ronge,
Germany, Wuppertal, University of Wuppertal*

В данной статье на германском примере рассматривается конфликт между новостями Google и традиционными газетами, который сейчас происходит во многих странах. В отличие от исхода данного конфликта в других странах, в немецкий закон об авторском праве было введено революционное новшество для того, чтобы примерить противоположные интересы. Происходящее можно расценивать как поражение традиционной прессы во время нынешних фундаментальных изменений в сфере массовой коммуникации. Подразумеваемый «культурный» аспект рассматривается в данной статье как комбинация информационных технологий и концентрации бизнеса – а также параллельно происходящим кардинальным изменением в образе «потребления» средств массовой информации.

The conflict between google news and conventional newspapers which has been occurring in many countries is being reconstructed in this paper by highlight-

ing the German case. Different from conflict outcomes in other countries, a revolutionary innovation has been introduced in the copyright regulation in Germany in order to mediate the opposing interests. The case is being interpreted as indicative for an ongoing fundamental change in the field of mass media communication to the loss of the conventional press. The implied ‘cultural’ aspect appears to be consisting of a combination of information technology and business concentration – going parallel with deeply changed media consumption.

This paper is on the subject of intellectual property and its protection by the law. The focus is on a current challenge to traditional copyright regulation resulting from several and interacting developments at the same time in the fields of information technology; journalism; and business. The case in question – which shall be discussed and interpreted here – is the conflict between newspaper publishing companies and the business of Google news which is currently held in several countries.

‘Google news’ (in Russia: Новости google) is an internet service which has come up a couple of years ago, and which nowadays is more or less regularly used by millions of people in the world to match their news needs. This information service provides its users with a news overview by quotations from a large variety of press articles – by their headlines, 1- or 2-sentence abstracts, photographs. The quotations are extracted from all kinds of press and TV sources by an automatic algorithm procedure (‘search machine’). In the traditional ‘analogous’ world the particles which are used by the google news service would be called ‘snippets’ (of newspapers).

Google’s business model is based on paid-for commercial advertisements which are placed on its websites. This seems to make up quite a good profit for the company. The collateral advantage of the quoted press companies is ambivalent, however. On the one hand, google news users can easily switch to the full original article of the respective source. Having ‘caught’ the user the respective publishing company’s service includes not only the searched article but its own commercial advertisements as well. It is, however, not for sure – maybe even unlikely – that the snippet readers of google news will switch to the full article, and that means: to the respective press website. This, at all events, depends upon the behavior of the users, and it is an empirical question, of course.

Correspondingly, the press companies are irresolute whether the google news service is an economic advantage for themselves or not. At all events, google itself proclaims that it does not actively interfere into the selection of its ‘snippets’, and, implicitly, of newspapers. This is credibly said to be an automatic search machine procedure. Furthermore, press companies can easily retreat from, and cancel, their participation in the google news service which they, in the first instance, had not been asked for.

From an economic point of view a considerable difference between the players (or ‘combatants’) can be observed: Whereas press companies usually are me-

dium- or even small-size businesses competing against each other on the market, google is a 'big-shot' company in the internet. There are other organizations as well, including commercial ones, which deliver a service comparable to that of google. However, google stands far-off all of them when it comes to market position and power. Furthermore, google is, as it is active in the internet world, a global player, whereas press publishing houses usually are limited to a regional or, at best, national user market.

In Germany, the 'interaction' between google news and the press publishers' branch led to a serious conflict, and to the political claim of the latter to a change of the existing legal copyright regulation. Publishers demanded a new copyright restriction to be added to the conventional (national) system of intellectual property regulation. They claimed to be regarded as 'authors' and owners of their newspaper articles – in order to be able to restrict their secondary use, and to licence the 'secondary' publication by others for profit-driven commercial purposes.

In order to understand this intention of the publishing companies (and also the finally positive governmental reaction to their demand) a brief look to the system and 'logics' of copyright regulation in Germany is useful. Its basic principle is that intellectual products belong to their authors; authors can use their products, e.g. books or articles or photographs, for own purposes which includes commercial use and the right to sell licences. That's not surprising; this is the conventional basis of intellectual property regulation worldwide.

As an exception from the principle the (German) law allows a limited copyright for certain defined use. One of the most important legal 'licences', the right of citation, is given to the use of quotations in the context of scientific work (publications; research; education). The second exception directly concerns press articles and broadcasting. In principle, published articles, photographs and broadcasting commentaries are open to be re-published but can be charged by the proprietor. The right holder – and receiver of compensation possibly – is the author (or an authorized collective interest organization especially focused on the administration of rights and licence subjects). However, short parts, if related to news about current events, can be cited for free (if they are not explicitly declared unfree). Independent from text citations, news as such are allowed to be 'reproduced', i.e. quoted, by others for whatsoever purposes.

Text 'snippets' of the google news type cannot be clearly attributed to the mentioned legal categories. They are too incomplete and too brief modes of 're-publication'; and they are no scientific citations as well. Obviously, however, google news snippets are a means of profit-making. Google however refuses to pay licence fees for its use of newspaper snippets nevertheless.

The present context provokes and implies the question how the law deals with employed journalist authors and their articles in newspapers. (A problem of this kind does not exist in the case of so-called free-lance journalists.) Here the la-

bour contract implies the general property transfer from the journalist/author to the employer, i.e. the publishing company.

Before returning to the career of the political issue in Germany, some other ways of dealing with this conflict between google news and press publishers shall be mentioned. I shall, however, not go into empirical details; it is sufficient to outline the principal kinds of conflict performance and settlement.

In 2012, the Association of newspaper publishers of Brazil (ANJ), together with its 154 members, decided to retreat from the google news platform. Google had to accept this cancellation. The decision was made after an experimental project jointly carried out by Google and the ANJ. According to the newspapers the experiment showed that most users/readers feel already satisfied with the google news snippets, and do not switch to the original full newspaper articles. Taking no advantage from the google news snippets, the newspaper publishers just felt exploited by google.

In France the conflict between google and the press branch even led to an intervention of the country's president. His mediation resulted in a kind of solution of a typically political character. Eventually, the associated newspaper business agreed upon the continuation of the google news model, and their participation, without any monetary compensation. As countermove, google paid a lump sum of 60 mio. Euro into a newly built fund for financing press publishers' projects connected with the digital change in the media sphere.

It should be mentioned in addition that the relationship between google and press agencies, which, of course, are 'big shots' when it comes to the production of news, was differently settled – but only after heavy conflicts between the interest parties and some court decisions. Google accepted to conclude licence contracts with AFP, AP, Canadian Press, and The European Pressphoto Agency. The German 'deutsche presse agentur' (dpa) refused such a contract, however.

There was a hot debate in Germany on the political course to the final parliamentary decision which supplemented the copyright law by a paragraph introducing a totally new kind of intellectual property. Even a new term was invented in the policymaking process in order to differentiate genuine authorship from the output of publishing business: 'performance protection' of publishers. The innovation concerns the question of authorship and can be regarded as revolutionary. The fundamentally new feature of intellectual property regulation is that now publishing companies can function as (or like) 'authors' – and are treated alike. Press publishing companies are declared as owners of their journalistic output; so they can restrict and licence it, and make money out of it.

It is a limited property right which has been given to the press companies by the law amendment. It refers to commercial use of newspaper 'snippets' in the internet – and very small snippets even being exempted. However, it is a new principle that has been introduced in this domain.

The debate on the new law amendment was highly controversial. At the very end of the political process the text was once more softened: as an exception from the principle, very small quotations of press publications were set free of charge for users including search machine based producers like google news. The exact definition of 'small' is, however, open to future controversies, i.e. to court decisions eventually. Yet this is one possible projection only. Another one would be that nothing will change at all. The press publishers might be principally satisfied by their newly given legal status, but may lack any economic advantage drawn from it.

The equalization of personal authors and press publishers in the German copyright law is a nearly revolutionary step in the context of copyright regulation. Its traditional concept of 'intellectual' creation, being bound to personal brain, has been fundamentally put into question by this political decision.

What lessons can be learnt from this development in the field of intellectual property concerning mass media communication? What generalizing interpretation can be connected with this 'case'? Very pragmatically, I confine myself to seek for connections with the section's topic of this conference. So, how does this case refer to the 'big' subjects of communication and culture? Both terms are very complex, of course, which makes any analytical relation more difficult. Furthermore, a precondition for interpretation is whether one views on both terms as causally related to each other – and, if so, in which direction. I have decided to look on communication as being affected by culture.

Firstly, in which way does the 'snippet case' reflect the structure and change of present communication? Admittedly, the case demonstrates just one little element of the fundamental change occurring in the area of mass media communication which is well-known as such in general. The general trend is an interlude of rapidly developing information technology (IT) and deep changes in mass media reception of the people. It is an open question whether a causal relationship exists between both developments. Internet use tends to dominate information and news reception to the loss of traditional mass media, and the paper-bound press in particular. Google news is a threat to the newspaper business in both dimensions: technology and business structure: (1) Digital processing and online consumption via internet push away traditional newspaper printing in the area of mass media communication. (2) And an almost monopolistic global player threatens to displace nation-bound small and medium size publishing companies.

The other subject issued in the present context is 'culture' – a term which is highly diffuse and complex at the same time. There is, however, no need to go into this terminological and conceptual 'jungle'. Characteristic for the 'snippet case' has been the combined development and power of (information) technology and business. Google is one of the handful number of global players (others e.g. are facebook, microsoft, apple) which more or less dominate a formerly highly diversified market by technological preponderance.

This broad tendency is supported, if not even driven, by the media recipients and their kind of consumption. They change their mass media consumption, including news reception, from newspapers and even TV news to online use of digital products. The compact and less detailed character of google news, if compared to newspaper information, is not regarded to be a disadvantage by consumers – maybe even to the contrary.

The ‘cultural’ aspect of present mass media communication, i.e. its change, seems to be the combined power and determination of IT and market power, and the acceptance of extremely abridged news information by the recipients.

Finally, one of the critical questions connected with the ‘snippet case’ which came up in the political discussion in Germany was whether the state should intervene at all into this issue and development which, in the first instance, did occur in the fields of technology and market economy. Admittedly, the fundamental IT developments – digitalization and internet – have been accompanied by deep changes on the mass media market: google as well as amazon e. g. are the winners, and publishing houses, either book publishers and book sellers or newspapers, seem to be the losers. In a market perspective a dramatic move of monopolization is occurring. Furthermore, the winners are American companies whereas traditional national publishing and printing enterprises lose their business.

The question whether the state should intervene into technological and/or economic processes may be differently answered according to divergent background ideologies. However, more important to my mind are the means of state intervention which were applied in the ‘snippet case’. Neither technology nor the economy was addressed directly. Instead, the venerable cultural concept of intellectual property right and protection was attacked and seriously changed. This seems to be a disputable issue.

PASSENDER NAME GESUCHT FÜR DEUTSCHE ARTIKEL. EINE BEGRIFFSBESTIMMUNG IM WANDEL

*Angelika Jodl,
DaF-Zentrum der MLU München (Deutschland)*

В статье речь идет об употреблении определенного и неопределенного артикля в современном немецком языке и об особенностях представления проблематики в преподавании немецкого языка как иностранного. Особое внимание уделяется анафорическим и катафорическим связям в тексте и их влиянию на выбор артикля. Теоретические выкладки иллюстрируются многочисленными примерами.

Internet-Umfragen zufolge glaubt ein Großteil der Deutschen, dass ihre Sprache vor allem deshalb für Nicht-Muttersprachler so schwer zu erlernen ist,

weil «wir drei Artikel» haben. Aus den weiteren Ausführungen geht dann allerdings hervor, dass die Befragten damit nicht das Artikelsystem als solches meinen, sondern das deutsche Genussystem, den Umstand also, dass es «drei Artikel» gibt (anstatt eines – *the* – wie im Englischen, das schon in dieser Genusfrage den meisten Menschen als einfacher erscheint)¹.

Nun mag es für viele Lerner tatsächlich mühsam sein, bei den vielen Fällen, in denen keine Endung am Nomen einen Hinweis auf dessen grammatisches Geschlecht gibt, den passenden Artikel zum Nomen noch hinzulernen zu müssen; letztlich ist dies aber ein Problem, das jeder Sprachenlerner mit schlechthin jeder Sprache hat, wenn er deren Lexik auswendig lernt. Ein Problem, dem mit mnemotechnischen Mitteln begegnet werden kann, Aufklärung von Seiten der Linguistik hilft da nicht weiter. Im übrigen liegen die Schwierigkeiten der Lernern mit dem deutschen Artikelsystem auf einem anderen Gebiet als dem des Genus.

Dass im Normalfall ein deutscher – nicht weiter linguistisch ausgebildeter – Muttersprachler beim Artikelgebrauch sogleich an die drei Genera denkt, daran ist die deutsche Schulgrammatik nicht unschuldig. Da es speziell dem so genannten Definitartikel zukommt, dem Nomen als Marker für Genus, Numerus und Kasus zu dienen, hat sich die Schulgrammatik anstelle des lateinischen Terminus *Artikel* (Gelenkwort) als deutsche Bezeichnung den Namen *Geschlechtswort* zugelegt, der in deutschen Grund- und Hauptschulen immer noch Verwendung findet und allein durch seine Wortbedeutung die Vorstellung suggerieren muss, dass es dieser Wortart ausschließlich darum zu tun ist, ein Nomen als maskulin, feminin oder als Neutrum auszuweisen.

Die wirkliche Problematik beim Erfassen des deutschen Artikels ist jedoch eine andere, sie betrifft nicht die «drei», sondern – wie sich an vielen Fehlern bei der mündlichen wie schriftlichen Sprachproduktion von ausländischen Lernern feststellen lässt – die «zwei Artikelarten», nämlich das Oppositionspaar *ein – der*.

¹ Vgl. unter <http://www.gutefrage.net/frage/warum-ist-deutsch-eine-schwierige-sprache#answers> etwa folgende Vorschläge (Originalzitate, die Orthographie nicht verändert):

Das liegt zum teil an der grammatik. In gegensatz zum Englischen oder französischen haben wir gleich drei Pronomen (Der, die, Das. Außerdem ist ein Verb in jeder Person anders und es gibt viele unregelmäßige Formen (ich habe, du hast, er hat, wir haben, sie haben, ihr habt... im gegensatz zu englisch immer have außer he, she, it)

Oder:

Es liegt z.B. daran, dass die deutsche Sprache im Gegensatz zum Englischen drei Artikel und nicht einen hat. Außerdem gibt es viele verschiedene Formen (z.B. einer, eines, einen oder dein, mein, euer) die alle auswendig gelernt werden müssen.

Oder:

die grammatik denn eigentlich ergibt sie keinen sinn oder die artikel deshalb sagen ausländer manchmal der sonne, die baum o.ä.

Die Auseinandersetzung mit der Frage, wann welcher Typ zum Einsatz kommen soll, bereitet schon Lernern Schwierigkeiten, in deren Muttersprache sich gleichfalls Artikeltypen finden, da deren Einsatz nicht in jedem Fall deckungsgleich ist. So setzt man im Englischen vor Berufsbezeichnungen den Indefinitartikel (*She is a teacher*), während das Deutsche den Nullartikel fordert (*Sie ist Lehrerin*), im Italienischen wird das Possessivum nicht als Artikelwort aufgefasst wie im Deutschen, weshalb hier der Definitartikel (in unseren Augen: zusätzlich) zum Einsatz kommt: (*Il mio amico – mein Freund*), zahllose idiomatische Wendungen in den romanischen Sprachen erfordern Artikel, die so nicht in Deutsche übersetzt werden dürfen etc.

Es dürfte also leicht vorstellbar sein, um wie viel schwerer der Artikelgebrauch im Deutschen Lernern fällt, in deren Muttersprache das gesamte Phänomen des Artikels nicht existiert¹. Bei den zahllosen Fehleinsätzen auf diesem Gebiet findet sich übrigens ein nach Herkunftssprachen zu unterscheidender interessanter Unterschied: Während Lerner aus dem ostasiatischen Raum (China, Japan, Korea und andere Herkunftsländer mit artikellosen Sprachen) oft sorgfältig darum bemüht sind, vor jedes Nomen einen Artikel zu setzen (was zu Fehlleistungen führt wie *Ich spiele das Klavier* oder *Das Schiff ist mit einem Mann und einer Maus untergegangen*), gehen Lerner aus slawischen Herkunftssprachen offenbar lieber unmittelbar von der Muttersprache aus und lassen den Artikel im Deutschen einfach weg. Eine solche Sprachpraxis fällt nicht nur als falsch auf, sondern wird außerhalb der Unterrichtssituation von deutschen Gesprächspartnern meist auch als hart, ruppig, grob empfunden. Offenbar vermisst man den kommunikativen, verbindlichen Aspekt des Artikels, eine Funktion des Artikelsystems, die über die Syntax hinaus in die Pragmatik übergeht. Weiter unten werde ich darauf noch Bezug nehmen.

Was also eigentlich Not tut in der Sprachvermittlung ist eine begrifflich fundierte Erklärung des Oppositionspaares *ein – den*, von der Fachwelt lange und letztlich bis heute als *indefinit* und *definit* Artikel bezeichnet².

Dass man sich dieses Problems über eine große Zeitspanne nicht bewusst war, dokumentieren altherwürdige Lehrbücher wie die in den 60er Jahren entstandene «Deutsche Sprachlehre für Ausländer» von Heinz Griesbach und Dora Schulz. Zwar wird darin – wie inzwischen im DaF-Bereich üblich – mit dem lateinischen Terminus *Artikel* operiert. Ansonsten findet sich in der ersten Lektion ein Schema für den Definit- und Indefinitartikel im Nominativ aller drei Genera plus Plural. Der Lerner wird also ausschließlich mit der Morphologie dieser Wortart vertraut gemacht, implizit geistert darüber auch wieder die schulgrammati-

¹ Und das sind nicht wenige, sondern sie bilden zahlenmäßig die Mehrzahl: Die meisten Sprachen der Welt kennen keinen Artikel.

² Ein dritter Typ, der so genannte Nullartikel – für sich umstritten in dieser Bezeichnung vgl. dazu Bisle-Müller, *Artikelwörter im deutschen: Semantische und pragmatische Aspekte ihrer Verwendung*, Tübingen 1991 – sowie die Possessivartikel sollen hier nur benannt, aber nicht weiter besprochen werden, ihre Spezifik würde den Rahmen des Essays auf alle Fälle sprengen.

kalische Vorstellung herum, es handle sich beim Artikel um eine Art Begleiter des Nomens mit der ausschließlichen Funktion, Genus, Numerus und Kasus zu markieren¹. Um den Unterschied im Oppositionspaar *ein* – *der* festzuhalten, im Prinzip also als eine «Erklärung» zur Funktion, genügen diesem Lehrwerk die zwei deutschen Wörter *bestimmt* und *unbestimmt*, die für sich ja nichts weiter als Übersetzungen des lateinischen Begriffe *definit* und *indefinit* darstellen².

Auch sehr viel aktuellere Lehrwerke wie die «em Übungsgrammatik» von 2006 operiert zur funktionalen Bestimmung der Artikeltypen (in gebotener Kürze) bei *der* zwar mit *explizit erwähnt* oder *Generalisierung*, bei *ein* aber gibt auch sie sich zufrieden mit einem *noch nicht näher identifiziert*³.

Analog zur Verwirrung stiftenden Rede vom *Geschlechtswort* bergen auch die Bezeichnungen *definit* und *indefinit* die Gefahr von Missverständnissen, so als wäre ein erstmalig erwähntes Nomen unbegriffen, schwammig, konturlos, eben «nicht definiert», während in der unmittelbar folgenden Erwähnung das Nomen nun glasklar definiert, bestimmt, quasi begriffen in seiner Totalität da stünde. Da zur Einführung der Artikel hinsichtlich ihrer Funktion in der Unterrichtspraxis häufig Märchenanfänge zum Einsatz kommen, wollen wir auch hier einen solchen Anfang konstruieren:

Es war einmal **ein** alter, weiser König (K 1). **Der** König (K 2) hatte eine heiratsunwillige Tochter ...

Und uns an der Stelle fragen, wieso der König, auf den K 1 referiert unerklärter sein soll als derselbe im zweiten Satz durch K 2 vorgestellte. Immerhin verfügt K 1 über zwei Attribute, auf die K 2 gerade deswegen verzichten kann, weil der vorerwähnte K1 mitsamt seinem «unbestimmten Begleiter» ihm diese Arbeit abgenommen hat.

Die weiterführenden Diskussionen in der Sprachwissenschaft zur Funktion des Artikels haben dem offenbar entstandenen Unbehagen zur Terminologie Rechnung getragen: Inzwischen spricht man von *Determinatoren*, *Determinantien* und im Falle von *ein* auch von *Quantoren*⁴. Doch sehr weit zu führen scheinen die neuen Begriffe nicht. Jedenfalls versteht sich Peter Eisenberg in seinem Standardwerk unter der Überschrift *Determination und Quantifikation* zu der Auskunft, dass

Ausdrücke wie **der Baum** und **mein Baum**, die in der angedeuteten Weise

¹ Das *Lexikon der Sprachwissenschaft* führt an Begrifflichkeit u. a. den Terminus *Begleiter* an, vgl. Bußmann, Hadumod, *Lexikon der Sprachwissenschaft*, Stuttgart 1990, p. 99.

² Vgl. Schulz/Griesbach, *Deutsche Sprachlehrer für Ausländer*, Max Hueber Verlag, München 1967, p. 4.

³ Hering/Matussek/Perlmann-Balme, *em Übungsgrammatik Deutsch als Fremdsprache*, Max Hueber Verlag 2006, p. 22 ff.

⁴ Vgl. Bußmann, p. 99. Im *Handbuch der deutschen Wortarten* tauchen die Artikel nur noch unter den Überschriften *Indefinitum und Quantifikativum* bzw. *Determinativ* auf. Vgl. Hoffmann Ludger (Hrsg.), *Handbuch der deutschen Wortarten*, Berlin 2009, pp. 387 und 293

aus der Menge der benennbaren Dinge ein Bestimmtes bezeichnen [...] *definite Kennzeichnungen* [heißen], Ausdrücke wie **ein Baum** und **kein Baum** [...] *nicht definite Kennzeichnungen* [heißen]¹.

Gleicherweise äußert sich auch ein aktuelles Buch zur Syntax, für das der bestimmte Artikel [...] eindeutig identifizierbare Größen [kennzeichnet], die häufig im situativen oder sprachlichen Kontext präsent sind. Der unbestimmte Artikel kennzeichnet dagegen (noch) nicht eindeutig identifizierte Größen².

Und auch der neueste Grammatik-Duden bleibt in der Artikelfrage bei der Subsumierung unter die Kriterien *definit* und *nicht definit*³.

Einen wirklich anderen Weg hat die Textlinguistik beschritten. Mit dem Fokus auf transphrastische Texte, also weg vom Einzelwort und vom isolierten Satz, hat sie als die wesentliche Funktion der Artikelwörter bestimmt, deiktisch auf die Welt und phorisch auf ein Davor und Danach innerhalb eines Textes zu zeigen⁴, also kohäsionsstiftend zu wirken⁵. In diesem Zusammenhang haben sich die Termini von *kataforischem (ein)* und *anaphorischem (der)* Artikel eingebürgert.

Aber Artikel hüpfen nicht nur als eine Art Page-Down- und Page-Up-Symbol in «Texten» herum. Sie tun genauso auch Dienst in Sätzen, die isoliert betrachtet werden können. Oder anders gesagt: Für eine pragmatische Auffassung der Artikelfunktion bestand offenbar noch Bedarf an einem weiteren Ansatz.

Im Bestreben, den Artikelgebrauch «textuell-kommunikativ» zu bestimmen, näherhin für «Gebrauchsweisen [...], bei denen der Artikel als Signal für bestimmte semantische oder kommunikativ-pragmatische Funktionen auftritt⁶ hat der Germanist und Slawist Volkmar Engerer die Artikel unter sprachvergleichenden Aspekten untersucht. Der so genannte Definitartikel wird dabei unter der von ihm so bezeichneten «Einzigkeitsbedingung» gefasst. Dass definite Artikel für Unikate und Superlative gebraucht werden, ist natürlich schon länger bekannt. Indem Engerer seine Einzigkeitsbedingung auffasst als Relation zu einer jeweils variablen Menge, schafft er es jedoch, auch die übliche anaphorische Verwendung wie im zweiten Satz unseres Märchenbeispiels unter dieses Kriterium zu subsumieren. Unter einer vorstell-

¹ Eisenberg, *Der Satz. Grundriss der deutschen Grammatik*, Stuttgart 2006, p. 146.

² Pittner/Berman, *Deutsche Syntax. Ein Arbeitsbuch*, Tübingen 2008, p. 17.

³ «Der definite Artikel der/die/das kennzeichnet ein Substantiv [...] als hinreichend identifiziert oder bestimmt». – «Mit indefiniten Artikelwörtern und Pronomen (kurz: Indefinita) gibt man an, dass etwas nicht näher identifiziert ist». DUDEN. *Die Grammatik*, Mannheim, 2009, pp. 291 und 309

⁴ Eine differenzierte und kontrastive Darstellung der beiden Begriffe findet sich bei Konrad Ehlich, *Verwendung der Deixis beim sprachlichen Handeln*, Frankfurt a. M. 1979. Siehe auch Manfred Consten und Monika Schwarz-Friesel, *Anapher*. In: Hoffmann, Ludger, *Handbuch der deutschen Wortarten*, Berlin 2009, pp. 265-293.

⁵ Vgl. Weinrich, *Textgrammatik der deutschen Sprache*, Duden-Verlag, Mannheim 1993, p. 410 ff.

⁶ Engerer, *Artikel, Narration und Sprachvergleich*. In: *Sprache und Sprachen, Zeitschrift der Gesellschaft für Sprache und Sprachen*, Ausgabe 36 (2007), p. 7. Engerer verweist im Zusammenhang mit der Entwicklung seines theoretischen Ansatzes explizit auf die grundlegenden Arbeiten von Grimm, vgl. Literaturverzeichnis.

baren Menge von Königen sei also als einziger der gemeint, der im Erstsatz vorgestellt wurde. Als Konsequenz für eine pragmatisch-kommunikative Funktionsbestimmung des definiten Artikels folgt daraus, dass Artikel ... die gemeinsame Bestimmtheit von Gegenständen [...] sichern, also dazu beitragen, dass immer von einem bestimmten Gegenstand *G* zwischen Schreiber und Leser als akzeptiert gilt, dass gerade von *G* die Rede ist.¹

Unterstellt der Definitartikel eine Einzigkeit gegenüber der variablen Menge, aus der das Nomen entnommen gilt, dann stellt der Indefinitartikel den Anspruch auf «Exklusivität»: *ein* heißt so automatisch *nicht alle*. Während *der* den textuellen Rahmen nicht verlässt, baut *ein* sich sozusagen seinen eigenen Rahmen neu auf. Das mit dem Terminus *Quantor* schon immer mitgesagte Kriterium der Zählbarkeit, ist keins, das diesem Ansatz widerspricht, im Gegenteil stützt es ihn: Mit dem Satz:

Es war einmal ein König.

wird auf einen besonderen König referiert, der schon über die Numerale, die in *ein* mitschwingt (und aus der sich der Indefinitartikel etymologisch entwickelt hat) sich aus der Menge aller denkbaren Könige heraushebt. Oder um Engerers Beispielsatz zu zitieren:

Ich war Samstag auf einer Hochzeit. Nachher habe ich mich mit einer Braut darüber unterhalten.²

Bei der hier erwähnten Braut kann es sich nicht um die Dame gehandelt haben, die am Samstag Hochzeit feierte, da sie mittels *ein* ihren eigenen neuen Rahmen aufgebaut hat in Gegenüberstellung zum Rahmen der *einen* Hochzeit im Vorsatz. Dass sie *eine* Braut ist und nicht zugleich die andere aus der Hochzeit am Samstag, unterstellt natürlich ebenso ihre Zählbarkeit.

So weit dieser Ansatz zu tragen scheint – auch hier wurden weiter die Termini *Indefinit-* und *Definitartikel* verwendet. Es scheint schon aus Gründen ihrer allgemeinen Durchgesetztheit bis auf weiteres keine Alternative zu ihnen zu geben, so dass es wohl dem didaktischen Geschick von Lehrenden und Lehrwerksautoren im DaF-Bereich überlassen bleiben muss, den Missverständnissen um Genus und Unbestimmtheit mit den bisher aus Textlinguistik und Pragmatik gewonnenen Erkenntnissen zu begegnen.

Literaturverzeichnis:

1. Bisle-Müller, Hansjörg, *Artikelwörter im deutschen: Semantische und pragmatische Aspekte ihrer Verwendung*, Tübingen 1991.

2. Bußmann, Hadumod, *Lexikon der Sprachwissenschaft*, Stuttgart 1990.

¹ Engerer p. 10. Es ist mit großer Sicherheit davon auszugehen, dass die Auffassung deutscher Muttersprachler von der Grobheit einer artikellosen Sprache daher rührt, dass sie die ansonsten unbewusst wahrgenommene Rücksichtnahme der korrekt sprechenden Kommunikationspartner vermissen und von daher die Einstellung des artikellosen Sprechers als Rücksichtslosigkeit interpretieren.

² Engerer p. 15

3. Consten/ Schwarz-Friesel, *Anapher*. In: Hoffmann, Ludger, *Handbuch der deutschen Wortarten*, pp. 265-293.
4. Ehlich Konrad, *Verwendung der Deixis beim sprachlichen Handeln*, Frankfurt a. M. 1979.
5. Eisenberg Peter, *Der Satz. Grundriss der deutschen Grammatik*, Stuttgart 2006.
6. Engerer Volkmar, *Artikel, Narration und Sprachvergleich*. In: *Sprache & Sprachen*, Zeitschrift der Gesellschaft für Sprache und Sprachen, Ausgabe 36 (2007) pp. 3-35.
7. Gallmann Peter, in: **DUDEN**. *Die Grammatik*, Mannheim, 2009.
8. Grimm Hans-Jürgen, *Lexikon zum Artikelgebrauch*, Leipzig 1989.
9. Grimm/Kempton, *Kleine deutsche Artikellehre für Ausländer*, Leipzig 1989.
10. Hering/Matussek/Perlmann-Balme, *em Übungsgrammatik Deutsch als Fremdsprache*, München 2006.
11. Hoffmann Ludger (Hrsg.), *Handbuch der deutschen Wortarten*, Berlin 2009.
12. Pittner/Beermann, *Deutsche Syntax. Ein Arbeitsbuch*, Tübingen 2008.
13. Schulz/Griesbach, *Deutsche Sprachlehrer für Ausländer*, München 1967.
14. Weinrich Harald, *Textgrammatik der deutschen Sprache*, Mannheim 1993.

THE ROLE OF EXTRA-CURRICULAR ACTIVITIES IN FOREIGN LANGUAGE ACQUISITION

*Sarah Chao,
USA, Northfield, St. Olaf College*

Extracurricular activities are crucial aspects of any foreign language curriculum. Their history in both the United States and the Soviet Union have proven their value and effectiveness in language acquisition, but more modern lifestyles and opinions have limited their accessibility in Russian schools and universities. This research highlights the importance of extracurricular language education in achieving language competency and offers possible solutions and compromises to make language extracurriculars more manageable for teachers and more accessible to students.

Внеклассные мероприятия являются ключевыми аспектами любой учебной программы иностранного языка. История подобных занятий в Соединенных Штатах и в Советском Союзе доказала свою эффективность в процессе овладения языком. В современных условиях коммуникаций и глобализации владение языком перешло из разряда «дополнительного» знания, в «необходимое». Вопреки бытующему мнению о безграничных формах изучения иностранного языка, традиционные обучающие способы, такие как школьная или университетская программа являются недостаточными. Данное исследование доказывает ценность и важность внеклассных языковых мероприятий в достижении языковой компетенций, а так же предлагает возможные решения и компромиссы, повышающие управленческий статус преподавателя.

At Sumner Elementary school in Austin, Minnesota (USA) I was student who longed for more. I was a great pupil, I loved my classes, but it never seemed like enough. So what did I do? I found an early-morning, extracurricular class called «Early Bird Spanish»: My first exposure to the world of learning foreign language. During my later school-years, I became involved in countless Extracurricular activities: Science Olympiad, show-choir, softball, math league, art club, dance, theater... the list went on and on. Extra-curricular activities are a great way to give already motivated students extra support, as well as to provide extra motivation those students who are looking for more. Not all regions of the world have such a strong network of various before- and after-school programs and clubs; they can take a lot of time and effort to organize, but the payoff is worth it – especially in language learning. Extracurricular activities (ECAs) for students are a crucial part of language-learning acquisition, and can be effectively incorporated into any school or university curriculum.

The possibilities for extracurricular activities (ECA) are varied and dynamic, focusing on any number of infinite topics and interests. North America has a long-running history of ECA participation in all areas, beginning in the late 19th century as students hoped to modify static university curriculums [4]. ECAs are now common in all schools across the U.S. and Canada, and are commonly divided into three main categories: Academic, athletic, and artistic. They are accessible to all students, as membership is usually free (sometimes an «activities fee” to cover materials is mandated, but can be waived for low-income candidates). Even more ECAs are founded by churches, local organizations, and community members themselves. This overall flexibility provides all students, from grade school to college, with equal opportunity to participate in clubs, events, and other organizations. This accessibility does not, however, reduce participation: ECAs help to develop different skills in the spheres of leadership, socializing, organization, character building, and more [4]. Seeing these positive effects, many North American students are willing to juggle multiple ECAs in order to explore all of their interests, and wise adults encourage them to do so.

In the former Soviet Union, ECAs were similarly valued. From the 1920s, кружки and секции and were found alongside curriculums that supported ECA involvement. In terms of language education, schools were also encouraged to promote outside opportunities for students to enhance their study. These ECAs were comprised of four main types: Language clubs, to supplement the once-a-week curriculum lesson in foreign language; Mass events, such as cultural/linguistic performances or celebrations; Correspondence with native speakers, often in the form of writing letters; and individual preparations for any of the above activities [1]. These ECAs were promoted by educators, as they were understood to deepen a student’s knowledge, widen their world view, help develop their personality, and furthermore increase their motivation to study foreign language [5]. During the 1990s, after the fall of the Soviet Union, the

popularity of ECAs in Russia dramatically changed: Instead of being considered necessary supplements to curriculum, they were seen as time-consuming distractions from regular curricular responsibilities [6]. During the past ten years, ECAs have made a comeback in Russian schools nation-wide, but are plagued by a lack of financial support and the busy class schedules of both students and teachers alike.

The advantages of ECAs in the process of language acquisition make them a near crucial supplement to any language curriculum. The main goals of language learning are to create competence and fluency: In other words, communicative abilities. However, most language curriculums still focus, first and foremost, on linguistics and theory. The belief is that with the attainment of adequate linguistic skills, communicative abilities will develop as consequence. However, many English teachers will attest that linguistic skills are not indicative of the communicative ability of a student. A simple English conversation club, if properly organized, can benefit students by offering them a different environment in which to apply their linguistic skills and therefore improve communication. Without the pressure of grades or constant correction of mistakes, learners are more comfortable using the target language. Since more time in target language is known to produce better communicative results, it goes without saying that the environment of language learning has a direct effect on learning outcomes: The combination of classroom linguistic study and extracurricular language practice in a non-classroom environment is a more lucrative model foreign language acquisition.

The advantages are left mainly undisputed, but the problem remains: How can ECAs be incorporated successfully? The biggest issue with starting an ECA is that of leadership. After hearing me speak on extracurricular options, Russian teachers often tell me that they would love to start an English club for their students, but choose not to because they won't be paid extracurricular work. Students as well tell me that because of their already demanding class schedules and outside studying, they don't have the time to participate in an ECA, although they also agree that it would benefit their English. There is no easy solution to this problem, but there is hope: Leadership of any group is necessary, but motivated teachers and students can create an ECA to match their cultural and communicative learning goals by sharing leadership responsibilities. In the end, all should be reminded that ECAs not only benefit the language of students, but also their attitude towards the language and beliefs in language learning. A study conducted among Junior high EFL students showed that those who participated in ECAs had higher levels of motivation, confidence, and understanding of the nature of language learning. These beliefs were strongly linked with greater levels of both language competency and language-learning strategy [2].

While leadership may be one of the most difficult hurdles to clear, it is not the only one. Scheduling and space can also be a major issue: Regularly scheduled meetings (same day of the week, time, and location) are important in keep-

ing regular attendance and participation. The question of sustainability also comes into play, as participation and motivation of students are the backbone of any ECA (note: Attendance does not necessarily mean participation, nor does silence necessarily mean non-participation). The first step is to avoid confusion by keeping regular meetings. Meetings should be advertised well, not only through word of mouth but with posters, social media, even demonstrations. It may also be important to coordinate with other ECAs which may have meetings at the same time. The most important aspect, however, is to create an environment that is profitable to all levels of learners. This can be done in a number of ways, depending on the type of ECA, and should always be on the top of any ECA leader's priority list.

The following points can be suggested to create a comfortable and effective learning environment:

- ECAs should be both *student and teacher run*, with clear communication between all parties to spread out leadership responsibilities.

- *Authenticity of materials and tasks* can be used to expose students to unknown cultural phenomena, and likewise promote conversation in the target language.

- An effort should be made to motivate all levels of language students by providing *participation opportunities for all* (extra materials or roles for certain students, varying topics and levels of difficulty, as well as incentives like snacks can all benefit in this case).

ECAs should have *clear goals and expectations*. When students have a purpose, such as an end-of-term event, they can the progress of their ECA participation. Expectations for participation should be established early in order to make the work towards these goals successful.

Regular meetings of decent length and an otherwise *manageable schedule* are necessary in order to keep attendance high by keeping confusion low.

When these aspects are considered, ECAs can inspire students to achieve more, motivate them in curricular work, and improve more than just their language skills. ECAs have proven their worth throughout history and around the globe, and it is my hope that they will continue to appear in all foreign language curriculums thanks to the hard work of teachers and students alike.

References

1. Andreeva, E. and Voyeykova, A. Vneklassnaya rabota po inostrannomu yaziku v sredney shkole. Uchpedgiz, 1958.

2. Chang, C. and Shen, M. «The effects of beliefs about language and learning strategy use of junior high EFL learners in remote districts» *Research in Higher Education Journal*, Vol. 8 (2008) <<http://www.aabri.com/manuscripts/10462.pdf>>

3. Ganschow, L. and Schneider, E. «Assisting Students with Foreign Language Learning Difficulties in School» LD Online, 2006 <<http://www.ldonline.org/article/22725/>>

4. Reva, A. «The Role of Extracurricular Activities in Foreign Language Learning in

University Settings» University of Saskatchewan, Saskatoon, 2012.
<<http://ecommons.usask.ca/bitstream/handle/10388/ETD-2012-06-507/REVA-THESIS.pdf?sequence=3>>

5. Spolsky, B. Conditions for second language learning. Oxford: Oxford University Press, 1989

6. Stakanova, E. Motivatsia // Yazik I mezhkulturnaya comminukaciya: Problemy i perspektivy. Rostov-na-Donu, 2003

7. Yulan, H. «Creating Good Language Environment with Extracurricular Activities – Effective Supplement to ELT & ELL» University of Soochow, Suzhou, China
<[http://call.suda.edu.cn/stuprojects/Sts_webpages/HuangY_pages/huang_web2/Thesis%20\(3\).doc](http://call.suda.edu.cn/stuprojects/Sts_webpages/HuangY_pages/huang_web2/Thesis%20(3).doc)>

СПИСОК АВТОРОВ

Фролова И. В. (РФ, г. Уфа), д-р филос. наук, руководитель НИЦ ПУиГС ГБОУ ВПО «Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан»

Генерозова Е. М. (РФ, г. Уфа), канд. экон. наук, доцент ГБОУ ВПО «Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан»

Галактионова Н. А. (РФ, г. Тюмень), ФГОУ ВПО «Тюменская государственная академия культуры, искусств и социальных технологий»

Севастьянов С. А. (РФ, г. Уфа), канд. полит. наук, ведущий научный сотрудник НИЦ ПУиГС ГБОУ ВПО «Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан»

Валеева Р. А. (РФ, г. Уфа), канд. филол. наук, доцент кафедры документо-ведения и архивоведения ГБОУ ВПО «Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан»

Иванов А. С. (РФ, г. Уфа), канд. полит. наук, ведущий научный сотрудник НИЦ ПУиГС ГБОУ ВПО «Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан»

Ахунова З. А. (РФ, г. Уфа), доцент кафедры иностранных языков ГБОУ ВПО «Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан»

Лебедева Е. М. (РФ, г. Уфа), преподаватель кафедры иностранных языков ГБОУ ВПО «Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан»

Арсланова А. И. (РФ, г. Уфа), аспирант ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»

Половникова О. В. (РФ, г. Омск), ФГБОУ ВПО «Омский государственный университет путей сообщения»

Прокофьева Д. В. (РФ, г. Уфа), канд. филос. наук ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»

Файрушина М. З. (РФ, г. Уфа), канд. полит. наук, научный сотрудник НИС НИЦ ПУиГС ГБОУ ВПО «Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан»

Иванова С. В. (РФ, г. Уфа), д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»

Anand Alexander Kumar (США, Университет Оклахомы), стажер Программы Фонда Фулбрайт

Асаева А. З. (РФ, г. Уфа), ст. преподаватель кафедры иностранных языков ГБОУ ВПО «Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан»

Аюпова С. Б. (РФ, г. Уфа), д-р филол. наук, доцент кафедры русского языка института филологического образования и межкультурных коммуникаций ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы»

Бикмухаметова Р. Р. (РФ, г. Елабуга), студент ЕИ ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) Федеральный университет»

Габдуллина В. Р. (РФ, г. Уфа), доцент кафедры иностранных языков ГБОУ ВПО «Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан»

Галиуллина В. И. (РФ, г. Уфа), доцент кафедры иностранных языков ГБОУ ВПО «Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан»

Галлямова Л. И. (РФ, г. Уфа), аспирант ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»

Гатауллин Р. Г. (РФ, г. Уфа), д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой немецкой филологии ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»

Шайхутдинова Л. Р. (РФ, г. Уфа), ИКЕА

Зубарева В. М. (РФ, г. Уфа), соискатель кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»

Имамутдинова Ф. Р. (РФ, г. Уфа), канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков ФГКОУ ВПО «Уфимский юридический институт МВД России»

Новосёлова Ю. А. (РФ, г. Уфа), преподаватель кафедры романо-германского языкознания и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы»

Петрова М. В. (РФ, г. Уфа), канд. филол. наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков ГБОУ ВПО «Башкирская академия государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан»

Рогожникова Т. М. (РФ, г. Уфа), д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный авиационный технический университет»

Садуов Р. Т. (РФ, г. Уфа), канд. филол. наук, ст. преп. кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»

Салова С. А. (РФ, г. Уфа), д-р филол. наук, профессор кафедры русской литературы и фольклора ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет»

Такумбетова Л. М. (РФ, г. Уфа), канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка института филологического образования и межкультурных коммуникаций ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы»

Ronge Volker (ФРГ), Professor of Sociology and Politology, University of Wuppertal

Jodl Angelika (ФРГ), Dr. Phil., преподаватель курсов немецкого языка при Мюнхенском университете (*DaF-Zentrum der MLU München (Deutschland)*)

Sarah Chao (США), Колледж Св. Олафа, стажер Программы Фонда Фулбрайт

Научное издание

**КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ КОММУНИКАЦИИ**

*Материалы
Международной научно-практической конференции*

Издается в авторской редакции

Ответственный за выпуск:

Р. А. Прокофьева, начальник отдела международных связей БАГСУ

Верстка: Э. З. Фролкова

Подписано в печать 13.06.13
Усл. печ. л. 9,8. Формат 60x84 ¹/₁₆
Тираж 60 экз. Заказ № 458

ГБОУ ВПО «БАГСУ»
450008, г. Уфа, ул. З. Валиди, 40

Отпечатано в издательстве БАГСУ
450022, г. Уфа, ул. Менделеева, 134, кор. 2